

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 5 (71). № 1

**Симферополь
2019**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 7 от 25 декабря 2018.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Близняков Роман Александрович – доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», заместитель декана исторического факультета по научной работе, кандидат исторических наук – ответственный секретарь;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Крацова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета Дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского».

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлезов Александр Алексеевич – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70х100/16. 14,63 усл. п. л. Заказ № НП/244. Тираж 50 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 01.02.2019.

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7. <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК: 378(47)КРЫМ.НЕПОМНЯЩИЙ

ПРОФЕССОРУ АНДРЕЮ АНАТОЛЬЕВИЧУ НЕПОМНЯЩЕМУ – 50!

Ломакин Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: LomakinDA@mail.ru*

В 2019 году исполняется 50 лет Андрею Анатольевичу Непомнящему – доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой исторического регионоведения и краеведения, основателю неизменному руководителю научной школы истории крымоведения, директору Музея истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Трудовую деятельность ученый связал со своей Альма-матер, пройдя путь от ассистента кафедры до ее заведующего, руководителя структурного подразделения вуза. Являясь авторитетным специалистом по проблемам истории науки, исторической библиографии Крыма, биобиблиографии крымоведения, крымскому книговедению А. А. Непомнящий продолжает успешно трудиться на благо университета и исторической науки.

Ключевые слова: А. А. Непомнящий, юбилей, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, научная школа истории крымоведения, Музей истории КФУ им. В. И. Вернадского

*Мыслящий и работающий человек есть мера всего.
Он есть огромное планетное явление.
В. И. Вернадский*

Андрей Анатольевич Непомнящий родился 24 марта 1969 года в городе Бобруйске Могилевской области Белорусской ССР. После окончания керченской школы № 20 им. П. Л. Войкова Андрей стал студентом исторического факультета с твердым желанием работать школьным учителем. Судьба внесла в его планы свои коррективы. В 1991 году он с отличием окончил исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе. В августе

1991 года начал трудовую деятельность ассистентом кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин этого вуза. В 1994 году, после окончания аспирантуры, в специализированном совете при Днепропетровском государственном университете молодой специалист защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Развитие исторического краеведения в Крыму во 2-ой пол. XIX – начале XX века». Его научным руководителем был профессор В. Ф. Шарапа – заведующий кафедрой истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин [1].

После защиты диссертации А. А. Непомнящий продолжил работать в Симферопольском госуниверситете ассистентом, с 1996 года – доцент, с 2002 – профессор кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин. В 2002 году в специализированном совете при Национальной академии наук Украины (г. Киев) в возрасте 32 года он защитил докторскую диссертацию по специальным историческим дисциплинам «Библиографическое наследие историко-этнографических исследований Крыма в конце XVIII – начале XX века» [4]. По сути, это исследование включало весь срез досоветской историографии крымоведения и являлась первым опытом такого обобщения, начиная с эпохи заката Крымского ханства и заканчивая широко разветвленной сетью крымоведческих обществ и программ начала XX столетия.

А. А. Непомнящий первым после Арсения Ивановича Маркевича и далеких 20-х годов XX столетия восстановил в Крыму общественный и научный интерес к исторической библиографии. Именно он при поддержке заведующего кафедрой и работавшего тогда проректором университета В. Ф. Шарapy возобновил чтение на историческом факультете курса истории Крыма сначала у юристов (эта специальность тогда была на истфаке, и факультет непродолжительное время именовался «историко-юридический»), а позже у историков, политологов, философов, культурологов (последние три специальности также зародились и некоторое время находились в составе исторического факультета). В «славные» 90-е его учебная (аудиторная) нагрузка вполне официально составляла 1600–1800 часов в год. Андрей Анатольевич только и успевал перебегать из аудитории в аудиторию от одного потока студентов к другому. После защиты докторской диссертации по решению руководства факультета им начато чтение практического курса «Основы исторической библиографии». По его инициативе с 2010 года было возобновлено издание научного журнала «Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки»» (с 2015 г. – «Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского»). Журнал в тот период представлял мало кому известное издание, выходящее нерегулярно, порой раз в несколько лет, в котором не было желающих печататься. Это был единственный из научных журналов вуза, который в то время был вычеркнут из перечня рецензируемых изданий, где могли публиковаться результаты диссертационных исследований (списка ВАК). Именно усилиями профессора А. А. Непомнящего журнал стал выходить регулярно 2 раза в год, а с 2014 года – 4 раза в год. Издание узнали и в Украине, и в Российской Федерации, в нем стали публиковаться известные ученые. С 2012 года А. А. Непомнящий является главным

редактором этого журнала. С 2017 года журнал входит в перечень рецензируемых изданий Российской Федерации (список ВАК).

После воссоединения Крыма с Россией весной 2014 года возникла необходимость в реорганизации кафедры. Учитывая непреходящий интерес к проблемам регионоведения, профессорско-преподавательским составом кафедры было внесено предложение создать кафедру истории Крыма. Руководство факультета эту идею не поддержало. Было принято компромиссное решение: организована кафедра региональной истории и вспомогательных исторических дисциплин, которую с сентября 2014 года возглавляет профессор А. А. Непомнящий. Борьба за право называться кафедрой именно истории Крыма продолжалась и далее, но была, увы, безуспешной. В октябре 2015 года название кафедры вновь изменилось, она стала кафедрой исторического регионоведения и краеведения. Её учебные курсы, направленные на изучение региона, восстановление биографики местных культурных, военных и общественных деятелей, историографии и источниковедения истории Крыма, особенно актуальны в русле широко развернувшейся в стране программы патриотического воспитания и внимания к региональному компоненту истории Родины.

Сегодня преподаватели кафедры занимают ведущее место не только в общефакультетском научном рейтинге (первое место по результатам 2017–2018 годов), но и во всероссийских академических грантах и мероприятиях. В 2014 году А. А. Непомнящий был приглашен в состав авторского коллектива по написанию «Истории Крыма», которая готовилась под патронатом Российского военно-исторического общества. Уже в следующем году вместе с другими ведущими крымскими историками он был включен в состав основных авторов для написания академической двухтомной «Истории Крыма», которая готовилась в Институте российской истории РАН. По инициативе и под председательством А. А. Непомнящего, поддержанной Российским гуманитарным научным фондом, в 2016 году в Коктебеле прошла масштабная Международная научно-практическая конференция «Источниковедение и историография истории Крыма: проблемы и перспективы», в которой приняли участие более десяти докторов и более двадцати кандидатов наук из различных регионов Российской Федерации и представители других государств [3].

За время работы в университете А. А. Непомнящим прочитан ряд авторских учебных курсов: «Литовско-Польский период истории Украины», «История Крыма», «Историография истории Крыма», «Основы исторической библиографии», «Развитие музейного дела в Крыму в XIX – начале XX века», «Развитие исторического краеведения в Крыму в XIX – начале XX века», «Современные тенденции развития современного крымоведения», «История научных крымоведческих обществ». Под руководством профессора А. А. Непомнящего защищены 23 кандидатские диссертации. В 2015 году Решением Учёного совета КФУ им. В. И. Вернадского зарегистрирована Научная школа истории крымоведения профессора А. А. Непомнящего. Представители школы, сотрудники профильных кафедр не только КФУ, но и Крымского инженерно-педагогического университета, Крымского университета культуры, искусств и туризма – разрабатывают отдельное

направление исторической науки – комплексное, полноценное, многоуровневое изучение истории возникновения, развития, современного состояния регионоведческих штудий в Крыму, определение перспективы новых исследований и формирование специализированных научных направлений [6].

Научные разработки участников научной школы по истории крымоведения активно используются в учебном процессе по специальности «История» в КФУ и КИПУ. В течение многолетней деятельности у ученых Научной школы истории крымоведения установились прочные научные связи с различными научными учреждениями Российской Федерации и Украины: Секцией по изучению и охране культурного и природного наследия Крыма Совета по изучению культурного и природного наследия при Российской академии наук; Книжной палатой Российской Федерации; отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки; Центром памятниковедения Национальной академии наук Украины; кафедрами исторического регионоведения, музеологии Санкт-Петербургским государственным университетом; кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета и другими научными коллективами.

С 2004 года А. А. Непомнящим основана научная книжная серия «Биобиблиография крымоведения», он же является ее постоянным редактором [2]. На сегодняшний день свет увидели 27 разноплановых выпусков (биобиблиографические пособия, библиографические справочники, монографии с обязательными справочными указателями по проблеме, сборники документов, сборники статей по истории крымоведения). Практически каждый из томов серии по уровню и объему заложенной информации стал событием в научной жизни далеко не только региона, исторической библиографии и историографии. Задуманный для воссоздания неизвестных страниц истории изучения Крыма, данный книжный ряд ставит своей целью восстановление биографий забытых имен подвижников крымоведения и свода их научного наследия с обязательным включением рукописных трудов, которые выявляются в различных архивных хранилищах Российской Федерации и Украины [5]. Книжная серия высоко оценена в научной среде, о чем свидетельствует множество положительных отзывов в ведущих научных изданиях разных стран.

С 2016 года А. А. Непомнящий возглавляет созданный по его инициативе Музей истории Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Структурное подразделение университета ведет разнообразную научную и экспозиционную работу. Одной из первоочередных задач является выявление и сбор музейных предметов и музейных коллекций, раскрывающих историю развития высшего образования в Крыму. В августе 2016 года благодаря разысканиям профессора А. А. Непомнящего Музей пополнили личный архив и библиотека первого декана историко-филологического факультета Таврического университета профессора А. Н. Деревницкого. Сотрудники Музея ведут активную научно-исследовательскую деятельность, проводят поиски документов по истории университета в архивах Российской Федерации, благодаря чему к настоящему моменту удалось получить значительное количество фотокопий уникальных материалов из Государственного архива Российской Федерации и Санкт-

Петербургского филиала архива РАН. Регулярное пополнение фондов позволило Музею менее чем за три года работы провести ряд масштабных выставок по истории вуза, среди которых: «Сто лет служения науке», «Тайны чемодана профессора А. Н. Деревницкого», «От студента до ректора...: в память о Николае Васильевиче Багрове» и другие. К вековому юбилею Университета коллективом Музея при непосредственном участии профессора А. А. Непомнящего подготовлен ряд фундаментальных научно-справочных изданий: трёхтомник «Профессора Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», монография «История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях», коллективный труд «Научные школы Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», монография «Путь длиною в сто лет: Научная библиотека Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского». За активную научно-исследовательскую и просветительскую работу, значительный вклад в развитие университета, формирование положительного имиджа вуза в октябре 2018 года коллектив Музея удостоен высшей награды университета – Золотой медали имени В. И. Вернадского. Сам профессор, спустя два месяца, за личный вклад в эту работу также был удостоен аналогичной награды.

Показателем признания эффективной работы А. А. Непомнящего является ряд присвоенных ему почетных званий, престижные премии и награды, в том числе международные. А. А. Непомнящий – Заслуженный деятель науки и техники Автономной Республики Крым (2007 г.), Заслуженный работник образования Украины (2013 г.), лауреат Премии Автономной Республики Крым в номинации «Наука и научно-техническая деятельность» (2008 г.), дважды лауреат главной премии Университета – Премии имени В. И. Вернадского (2005 и 2012 гг.), лауреат Международной премии имени Бекира Чобан-заде за 2015 год. Учёный также награжден: нагрудным знаком «Отличник образования Украины» (2005 г.); грамотой Верховной Рады Украины «За заслуги перед Украинским народом» (2008 г.) за существенный вклад в развитие краеведения Крыма; Почетной грамотой Кабинета Министров Украины «За весомый личный вклад в сохранение и возрождение исторической памяти и духовности украинской нации» (2010 г.) за активную организационную деятельность по изучению и сохранению культурного наследия Крыма; медалью «За весомый вклад в исследование, популяризацию и сохранение культурного наследия» (2012 г.); грамотой Президиума Государственного Совета Республики Крым за значительный личный вклад в развитие науки и образования, подготовку квалифицированных кадров, многолетний добросовестный труд, высокий профессионализм (2015 г.); медалью «За заслуги в сохранении наследия Отечества» (2016 г.); Благодарностью Председателя Государственного Совета Республики Крым «За значительный личный вклад в развитие культуры, пропаганду и сохранение многонационального культурного наследия Республики Крым и высокий профессионализм» (2018 г.); Золотой медалью имени В. И. Вернадского (2018 г.).

С 2007 года А. А. Непомнящий возглавляет Союз краеведов Крыма. В 2006–2014 годах он – руководитель Крымского отделения Центра памятниковедения НАН

Украины. Являлся членом авторитетного Межведомственного координационного совета по вопросам краеведения при Президиуме Национальной академии наук Украины (2013–2014 гг.). С 2008 по 2014 гг. Андрей Анатольевич успешно сотрудничал в двух специализированных советах по защите кандидатских и докторских диссертаций в Одессе и Киеве по специальностям «История Украины», «Всемирная история», «Памятниковедение, музееведение». В последнем спецсовете он выполнял обязанности заместителем председателя. С 2007 года историк руководит секцией по историческому краеведению Малой академии наук Крыма «Искатель». С 2016 года – член специализированного ученого совета по защитах кандидатских и докторских диссертаций по специальностям «Всемирная история» и «Археология» при Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского. С ноября 2014 по декабрь 2016 года – член конкурсной комиссии по присуждению премий Республики Крым студентам высших учебных заведений «За научные достижения в сфере приоритетных направлений развития Крыма» и назначению грантов Республики Крым молодым ученым при Государственном Совете Республики Крым. С 2016 г. – сопредседатель Секции по изучению и охране культурного и природного наследия Крыма Совета по изучению культурного и природного наследия при Российской академии наук. С конца 2016 года – член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Министерства науки высшего образования Российской Федерации по историческим специальностям.

Профессор А. А. Непомнящий является главным редактором научного журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки»», членом редакционных коллегий изданий-ежегодников: «Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма» (2012–2015 гг.); «Библиотечное дело и краеведение: сборник научных трудов» (1999–2003); «Зарембовские чтения: материалы научных чтений по памятниковедению» (с 2009 г.); «Історія і культура Подніпров'я: невідомі та маловідомі сторінки» (с 2005 г.); «Крымско-польский сборник научных работ» (с 2011 г.); «Сіверщина в історії України: збірник наукових праць» (с 2010 г.); «Черноморские чтения: материалы ежегодной научной конференции» (с 2014 г.); серийного научно-справочного издания Центра памятниковедения НАН Украины «Биобиблиографические указатели» (с 2011 г.). Член редакционных коллегий научных журналов: «Вісник Одеського національного університету. Серія: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство»» (с 2008 г.); «Историческое наследие Крыма» (с 2008 г.); «Библиография и книговедение» (с 2017 г.); «Краєзнавство» (с 2008 г.); «Крымский архив» (с 2015 г.); «Крымское историческое обозрение» (с 2014 г.); «Культура народов Причерноморья» (2002–2014); «Ніжинська старовина: ніжинознавчі студії: науковий історико-культурологічний збірник» (с 2006 г.); «Питання історії науки і техніки» (с 2007 г.); «Праці Центру пам'яткознавства НАН України (с 2008 г.)»; «Пространство и Время» (с 2014 г.); «Таврические студии» (с 2011 г.). А. А. Непомнящий является членом редакционных коллегий ряда отдельных научных изданий.

Хочется пожелать уважаемому профессору дальнейшей продуктивной работы на благо Крыма!

Список использованных источников и литературы

1. Ломакин Д. А. Непомнящий Андрей Анатольевич // Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: в 3-х т. / Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. Белгород: Константа, 2018. Т. 2. С. 284–290.

Lomakin D. A. Nepomnyashchiy Andrey Anatol'evich // Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: v 3-kh t. / Krymskiy federal. un-t im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnyashchiy, D. A. Lomakin, V. A. Grushetskaya i dr. Belgorod: Konstanta, 2018. T. 2. S. 284–290.

2. Непомнящий А. А. «Биобиблиография крымоведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // Библиография и книговедение. 2018. № 1. С. 69–88.

Nepomnyashchiy A. A. «Biobibliografiya krymovedeniya»: iz opyta sozdaniya regional'noy nauchnoy knizhnoy serii // Bibliografiya i knigovedenie. 2018. № 1. S. 69–88.

3. Непомнящий А. А. Международный форум крымоведов в Коктебеле 25–29 сентября 2016 г. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2016. Т. 2(68), № 4. С. 175–183.

Nepomnyashchiy A. A. Mezhdunarodnyy forum krymovedov v Koktebele 25–29 sentyabrya 2016 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». 2016. T. 2(68), № 4. S. 175–183.

4. Непомнящий А. А. Памяти профессора Дмитрия Павловича Урсу // Крымское историческое обозрение. 2017. № 2. С. 206–220.

Nepomnyashchiy A. A. Pamyati professora Dmitriya Pavlovicha Ursu // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. 2017. № 2. S. 206–220.

5. Непомнящий А. А. Развитие биоисториографии в современном крымоведении: основные тенденции и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2016. Т. 2(68), № 4. С. 3–19.

Nepomnyashchiy A. A. Razvitie bioistoriografii v sovremennom krymovedenii: osnovnye tendentsii i perspektivy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: «Istoricheskie nauki». 2016. T. 2(68), № 4. S. 3–19.

6. Сто лет служения науке: научные школы Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / авт.-сост. А. П. Фалалеев, Е. Н. Чуян, А. А. Непомнящий и др. Симферополь: Ариал, 2017. С. 157–192.

Sto let sluzheniya nauke: nauchnye shkoly Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / avt.-sost. A. P. Falaleev, E. N. Chuyan, A. A. Nepomnyashchiy i dr. Simferopol': Arial, 2017. S. 157–192.

Lomakin D. A. Professor Andrey Nepomnyashchy is 50!

Andrey Nepomnyashchiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Historical Regional Studies and Local Studies Department, Founder of the Scientific School of the History of Crimean Studies, Director of the Museum of History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, is celebrating his 50th birthday in 2019. The scientist associated his labor activity with his alma mater, making his way from a department assistant to its head, the head of the structural unit of the university. Being an authoritative expert on the problems of the history of science, the historical bibliography of the Crimea, the biobibliography of the Crimean studies, the Crimean bibliography, A. Nepomnyashchy continues to work successfully for the benefit of the university and the national historical science.

Keywords: A. Nepomnyashchy, anniversary, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Scientific School of the History of Crimean Studies, Museum of History of V. I. Vernadsky Crimean Federal University

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПРОФЕССОРА
АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА НЕПОМНЯЩЕГО¹

1989

1. В. Кондаки – кырымтатарларнынъ этнографы // Ыылдыз.– Ташкент, 1989.– № 6.– С. 142–144. (В соавторстве с В. Ф. Шарапой).

1991

2. В. Д. Смирнов – историк Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе.– Симферополь: Таврия, 1991.– Вып. 2.– С. 156–160.

1993

3. К вопросу об историко-краеведческом наследии Н. А. Маркса // Південний архів.– Херсон, 1993.– Вып. 2.– С. 46–50.
4. Лашков Ф. Ф. – краевед Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения АН Украины.– Симферополь: Таврия, 1993.– Вып. 3.– С. 175–181. (В соавторстве с В. Ф. Шарапой).

1994

5. Историческое краеведение на страницах «Таврических губернских ведомостей» // Південний архів.– Херсон, 1995.– Вып. 3/4.– С. 60–73.
6. **Розвиток історичного краєзнавства в Криму в 2-й половині XIX – початку XX століть: автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07. 00. 02 – історія України; Дніпропетровський держ. ун-т.– Дніпропетровськ, 1994.– 21 с.**

1995

7. В. Д. Смирнов – Кырым ханлыгынынъ теджикъатчысы // Ыылдыз.– Симферополь, 1995.– № 3.– С. 155–162.
8. **Историческое краеведение в Крыму (2 пол. XIX – нач. XX веков): библиографический указатель / Симферопольский гос. ун-т им. М. В. Фрунзе.– Симферополь, 1995.– 64 с.**
9. **Развитие исторического краеведения в Крыму в XIX – начале XX века: учебное пособие.– Симферополь: Таврия, 1995.– 105 с.– ISBN 5–7780–0563–6.**

1996

10. К биографии В. Х. Кондаки // Крымский архив.– Симферополь, 1996.– № 2.– С. 117–124. (В соавторстве с В. Ф. Шарапой).
11. Российская интеллигенция и изучение Крыма в первой трети XX века // Российская интеллигенция на историческом переломе, первая треть XX века.– Санкт-Петербург: изд-во СПб. ун-та, 1996.– С. 17–20.

1997

12. Арсеній Іванович Маркевич і розвиток архівної справи в Криму // Українське архівознавство: історія, сучасний стан та перспективи / Український наук.-дослідн. ін-т архівної справи та документознавства: у 2-х ч.– Київ, 1997.– Ч. 1.– С. 225–235.
13. Видання туристсько-краєзнавчої літератури в Криму в XIX – на поч. XX ст. // 3 історії вітчизняного туризму: зб. наук. статей / Ін-т туризму Федерації профспілок України.– Київ, 1997.– С. 233–245.
14. Таврический губернатор А. И. Казначеев // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 1997.– № 2.– С. 226–229. (В соавторстве с В. Ф. Шарапой).

¹ Чтобы избежать повторов, в список не вошли тезисы докладов в сборниках материалов конференций, которые стали основой для написания уже опубликованных научных статей.

15. «Україніка» за кордоном: документи фонду Х. Оганесяна у Центральному державному історичному архіві Республіки Вірменія // Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences / Український наук.-дослідн. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 1997.– Т. 2.– С. 90–92.

1998

16. А. Н. Самойлович – Къырым тарихы ве этнографиясынынъ тедкъикъатчысы // Ыылдыз.– Симферополь, 1998.– № 9.– С. 154–166.

17. Арсений Маркевич – организатор краеведческого движения в Крыму // Ученые записки Симферопольского государственного университета.– Симферополь, 1998.– № 8(47).– С. 23–34.

18. Историческое краеведение Крыма на страницах местной периодической печати в XIX – начале XX века // Записки историчного факультету / Одеський держ. ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 1998.– Вип. 7.– С. 171–190.

19. Источниковая база изучения исторического краеведения Крыма в 1917–1920 гг. // Архівна та бібліотечна справа в Україні доби визвольних змагань (1917–1920 рр.): зб. наук. праць / Український наук.-дослідн. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 1998.– С. 80–87.

20. Кримський гірський клуб і розвиток краєзнавчого туризму в Криму (к. XIX – поч. XX ст.) // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму Федерації профспілок України.– Київ, 1998.– Вип. 1: у 2-х ч.– Ч. 2.– С. 150–156.

21. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 1998.– № 3.– С. 210–216. (В соавторстве с А. В. Синичкиным).

22. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму Федерації профспілок України.– Київ, 1998.– Вип. 1: Матеріали III Всеукраїнської наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура»: у 2-х ч.– Ч. 2.– С. 138–144.

23. Найстаріше історико-краєзнавче товариство в Криму // Пам'ять століть.– Київ, 1998.– № 6.– С. 66–71.

24. Невідомі джерела до біографії Арсенія Маркевича // Архіви України.– Київ, 1998.– № 1/6.– С. 121–127.

25. Новые источники о развитии исторического краеведения Крыма // Отечественные архивы.– Москва, 1998.– № 4.– С. 25–28.

26. **Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX – начале XX века.– Симферополь: Таврида, 1998.– 208 с.– ISBN 966–584–059–2.**

Рецензии: Гордієнко Л. М. [Рец.] // Український історичний журнал.– Київ, 1999.– № 4.– С. 133–135; Дивний І. Краєзнавча історія Криму: в пошуках синтетичності // Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences / Український наук.-дослідн. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 1998.– Т. 3.– С. 185–187; Савчук В. С. [Рец.] // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 1998.– № 3.– С. 425–427; Ярмошук І. І. [Рец.] // Бібліотечний вісник.– Київ, 2000.– № 1.– С. 60.

1999

27. Газета «Таврические губернские ведомости» як джерело історичного краєзнавства Криму // Спеціальні галузі історичної науки: зб. на пошану Марка Якимовича Варшавчика / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 1999.– (Серія: «Історія архівної справи: спогади, дослідження, джерела»; Вип. 2).– С. 187–202.

28. Евпаторийский краевед В. Г. Пьянков: биографо-библиографическое исследование // Библиотечное дело и краеведение: сб. научных трудов / Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины.– Киев; Симферополь: Крымучпедгиз, 1999.– Вип. 1.– С. 83–90. (В соавторстве с А. И. Тарасенко).

29. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив.– Симферополь, 1999.– Вип. 4.– С. 35–42.

30. З історії Одеського товариства історії та старожитностей // *Архівіст: вісник САУ / Спілка архівістів України*. – Київ, 1999. – № 1(4). – С. 59–62.
31. **Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века).** – Киев, 1999. – 212 с. – (Серия: «Научно-справочные издания по истории Украины»; вып. 46). – ISBN 966-02-0865-0.
 Рец.: *Андрієнко А.* Всі шляхи ведуть до Криму // *Краєзнавство*. – Київ, 2000. – № 1/2. – С. 256–257; *Громенко С.* *Stary, mójze i gógu*: Польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме. – Симферополь: Антиквар, 2011. – (Серия: «Биобиблиография крымоведа»; Вып. 14). – С. 57–59; *Громенко С.* Дослідження подорожньої літератури в сучасній українській історіографії (1995–2012 рр.) // *Польські студії / Нац. ун-т «Києво-Могилянська академія»*. – Київ, 2012. – № 5: Дух і літера, № 25. – С. 80–92; *Ищенко Я., Снівак О.* Джерела інформації для краєзнавців // *Бібліотечний вісник*. – Київ, 1999. – № 5. – С. 56; *Кулешов С. Г.* Цінне бібліографічне дослідження з історії краєзнавства Криму // *Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий зб. наук. праць / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства*. – Київ, 2000. – Вип. 2. – С. 262–265; *Раковский М. Е., Попова Т. Н.* [Рец.] // *Записки історичного факультету / Одеський держ. ун-т ім. І. І. Мечникова*. – Одеса, 2000. – Вип. 10. – С. 291–293; *Савчук В. С.* Новое историко-библиографическое исследование // *Библиотечное дело и краеведение: сб. научн. трудов / Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины*. – Киев; Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. – Вып. 1. – С. 156–160; *Урсу Д. П.* Цінний труд по бібліографії крымоведа // *Библиотечное дело и краеведение: сб. научн. трудов / Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины*. – Киев; Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. – Вып. 1. – С. 160–162.
32. Историко-краеведческая деятельность А. Л. Бертье-Делагарда: по новым архивным документам // *Наукові записки: зб. праць молодих вчених та аспірантів / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України*. – Київ, 1999. – Т. 3. – С. 180–191.
33. Кримський краєзнавець Ф. Ф. Лашков (1858–1917 рр.): за новими архівними документами // *Осягнення історії: зб. наук. праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчя / Острозька академія*. – Острог; Нью-Йорк, 1999. – С. 525–533. (В соавторстве с В. Ф. Шарапой).
34. О роли Н. И. Веселовского в изучении истории и этнографии Крыма (по материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга) // *Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий збірник наукових праць / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства*. – Київ, 1999. – Вип. 1: Архів і особа. – С. 182–191.
35. П. А. Фалёв – исследователь этнографии народов Крыма // *Етнічна історія народів Європи: зб. наук. праць / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка*. – Київ: вид-во Київського ун-ту, 1999. – С. 50–53.
36. Подорожі по Криму у другій третині XIX ст. у контексті розвитку історичного краєзнавства та туризму // *Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму Федерації профспілок України: у 2-х вип.* – Київ, 1999. – Вип. 2. – С. 609–620.
37. Полонская-Василенко Н. Д. и развитие исторического краеведения Крыма в первой трети XX века // *Історія України: маловідомі імена, події, факти: зб. ст. / Ін-т історії України НАН України*. – Київ: Рідний край, 1999. – Вип. 6. – С. 302–307.
38. Слово о первом декане: А. Н. Деревницкий // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. – Симферополь, 1999. – Т. 12(51), № 1. – С. 100–105.
39. Служители культа в развитии исторического краеведения Крыма: историко-библиографический аспект // *Крымский архив*. – Симферополь, 1999. – № 5. – С. 77–91.
40. Українські історики та вивчення Криму в 1918 р. // *Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства*. – Київ, 1999. – Т. 5. – С. 200–201.

2000

41. А. А. Скальковский и изучение Крыма в XIX в. // Архивознаство. Археография. Джерелознаство: міжвідомчий зб. наук. праць / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2000.– Вип. 2: Архивознавчі читання.– С. 131–141.
42. Арсений Иванович Маркевич: библиографический очерк по новым архивным материалам // Известия Крымского республиканского краеведческого музея.– Симферополь, 2000.– № 15.– С. 65–75.
43. Бібліографічний аспект історико-краєзнавчих досліджень в Одесі у XIX ст. // Бібліотечний вісник.– Київ, 2000.– № 5.– С. 35–41.
44. Вокруг Арсения Маркевича: по поводу последних публикаций // Библиотечное дело и краеведение: сборник научных трудов / Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины.– Киев; Симферополь: Доля, 2000.– Вип. 2.– С. 217–222. (В соавторстве с В. И. Спировой)
45. И. А. Линниченко и изучение Крыма в конце XIX –первой трети XX века // Проблемы славяноведения: сб. науч. ст. и матер. / Центр славяноведения Брянского гос. пед. ун-та.– Брянск, 2000.– Вип. 1.– С. 94–102.
46. Интеллектуальный потенциал Крыма в начале XX века: проблемы изучения и составления биобиблиографии историков-крымоведов // Культура и интеллигенция России: интеллектуальное пространство (Провинция и центр). XX век / Омский гос. ун-т.– Омск: изд-во ОмГУ, 2000.– Т. 2: Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда.– С. 46–51.
47. Історико-бібліографічний спадок Арсенія Маркевича: досвід аналізу і нові знахідки // Бібліотечна планета.– Київ, 2000.– № 4.– С. 36–37.
48. Источники для составления биобиблиографии историков-крымоведов (конец XVIII – начало XX века) // Вісник Дніпропетровського університету. Сер.: «Історія та археологія».– Дніпропетровськ, 2000.– Вип. 8.– С. 89–92.
49. Крымоведческое наследие П. И. Кёппена: опыт биобиблиографической характеристики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2000.– Т. 13(52), № 1.– С. 97–106.
50. Маловідомі бібліографічні джерела історичного краєзнавства: Крим у дослідженнях вітчизняних орієнталістів XIX ст. // Наукові праці Національної бібліотеки імені В. І. Вернадського.– Київ, 2000.– Вип. 3.– С. 369–381.
51. **Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2000.– 360 с.– ISBN 266-02-1456-1.**
 Рец.: *Острой О. С.* Историко-библиографическое исследование в области крымоведения // Библиография.– Москва, 2001.– № 1.– С. 125–126; *Подгаецкий В. В.* История музейного дела в Крыму и один из ее современных старателей // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2000.– № 14.– С. 160–162; *Раковский М. Ю., Попова Т. М.* [Рец.] // Записки історичного факультету / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2001.– Вип. 11.– С. 395–397.
52. Научная деятельность А. В. Орешникова в контексте изучения Крыма в конце XIX – первой трети XX века // Гуманітарний журнал.– Дніпропетровськ, 2000.– № 2(6).– С. 20–25.
53. Новые книги о Крыме // Москва–Крым: историко-публицистический альманах.– Москва, 2000.– Вип. 2.– С. 342–249.
54. Основные этапы формирования биобиблиографии историков-крымоведов // Методология региональных исторических исследований / Сост. А. Кобак, С. Коткин, А. Севастьянова.– Санкт-Петербург: Нотабене, 2000.– С. 95–98.
55. Оттон Фердинандович Ретовский // Немцы в Крыму: очерки истории и культуры / Сост. Ю. Н. Лаптев.– Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.– С. 173–180.
56. Рукописная библиография по истории и этнографии народов Крыма (последняя треть XIX – первая треть XX в.) // Вестник БАЕ / Библиотечная ассамблея Евразии.– Москва, 2000.– С. 37–41.
57. Церковное краеведение в Крыму и краеведческая библиография // Рукописна та книжкова спадщина України: археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів / Національна б-ка України ім. В. І. Вернадського НАН України.– Київ, 2000.– Вип. 6.– С. 123–147.

2001

58. А. Е. и Е. Е. Люценко – исследователи боспорских древностей: по новым архивным материалам // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: матер. II Боспорских чтений / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Керчь, 2001.– С. 103–110.
59. Арсений Маркевич – исследователь истории Симферополя: по новым библиографическим источникам // Історія України: маловідомі імена, події, факти: зб. ст.– Київ; Донецьк: Рідний край, 2001.– Вип. 17.– С. 95–99.
60. **Бібліографічна спадщина історико-етнографічних досліджень Криму в кінці XVIII – на початку XX століть: автореферат дис. ... доктора історичних наук / 07. 00. 08 – книгознавство, бібліотекознавство, бібліографознавство; Національна академія наук України.– Київ, 2001.– 32 с.**
61. Библиотека – центр диалога культур // Библиография.– Москва, 2001.– № 6.– С. 112–113.– (Изд. под псевд.: Андреев А. А.)
62. Биобиблиографические источники в региональных исторических исследованиях: на примере изучения Крыма в 1783–1920 гг. // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий зб. наук. праць / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2001.– Вип. 3: Джерелознавчі дисципліни.– С. 197–208.
63. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив: истор.-краевед. сб.– Санкт-Петербург: Лики России, 2001.– Вып. 5.– С. 186–212.
64. Исследования Н. С. Державина в контексте историко-этнографического изучения Крыма в последней трети XIX – первой трети XX века // Буковинський історико-етнографічний вісник.– Чернівці: Золоті литаври, 2001.– Вип. 3.– С. 78–80.
65. **История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / Отв. ред. Л. А. Дубровина; Вступ. ст. В. Ф. Шарапы.– Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.– ISBN 966–7637–95–6.**
 Рец.: Горбик В. О. [Рец.] // Український історичний журнал.– Київ, 2002.– № 4.– С. 137–139; Матяш І. Б. Цінне видання регіональної бібліографії // Культура народів Причорномор'я.– Симферополь, 2001.– № 25.– С. 184–185; Паславский Т. Б. Новейшее библиографическое исследование в области истории и этнографии Крыма А. А. Непомнящего – важный этап развития исторического краеведения и библиографоведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «История».– Симферополь, 2001.– Т. 14(53), № 1.– С. 80–83; Раздорский А. И. Крым: история в библиографии // Мир библиографии.– Москва, 2003.– № 1.– С. 61–62; Пучков А. О. Загальне і дрібниці кримознавчої бібліографії // Мова та історія: періодичний збірник наукових праць.– Київ, 2003.– Вип. 66: Спеціальний ювілейний випуск з нагоди десятиліття збірника: праці з української та східних мов.– С. 114–119; Пучков А. А. Общее и подробности крымоведаческой библиографии: новые книги А. А. Непомнящего // Пучков А. А. Архитектуроведение и культурология: избр. ст.– Киев: Издательский дом А. С. С., 2005.– С. 632–640; Спірова В. І. Вагомий внесок у розвиток кримознавства // Бібліотечний вісник.– Київ, 2002.– № 3.– С. 61–62; Урсу Д. П. Крымоведение за 140 лет // Библиография.– Москва, 2002.– № 2.– С. 89–91; Швидько Г. К. Бібліографія і культура Криму // Гуманітарний журнал.– Дніпропетровськ, 2001.– № 1/2(9/10).– С. 179–181; Strojny A. [Recenzja] // Studia historyczne / Polska akademia nauk; oddzial w Krakowie; komisja historyczna.– Krakow, 2005.– R. XLVIII, z. 2(190).– S. 246–248.
66. Крымская краеведческая библиография: важные вехи // Библиография.– Москва, 2001.– № 4.– С. 75–80.
67. Наукова спадщина Василя Латишева: досвід кримознавчої біобібліографії // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського.– Київ, 2001.– Вип. 7.– С. 417–426.
68. Начальные страницы истории крымской библиографии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «История».– Симферополь, 2001.– Т. 14, № 1.– С. 37–43.
69. Основание Таврического университета // Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції, 1917–1920: матер., документи, спогади: у 3-х кн.– Київ:

Прайм, 2001.– Кн. 2.: Університет Св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського.– С. 341–342.

2002

70. Арсений Маркевич и развитие историко-краеведческой библиографии Крыма в конце XIX – начале XX века // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / Российская нац. б-ка.– Санкт-Петербург, 2002.– Вып. 9.– С. 66–96.

71. Библиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX веке // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2002.– Вып. 2.– С. 333–345.

72. Востоковедческие исследования в крымской библиографической литературе в XIX – начале XX века // Східний світ.– Київ, 2002.– № 2.– С. 5–15.

73. Из опыта организации краеведческого туризма в Таврической губернии в конце XIX – начале XX века: по материалам путеводителей // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму Федерації профспілок України.– Київ, 2002.– Вип. 4.– С. 353–364. (В соавторстве с А. И. Тарасенко).

74. Изучение крымско-татарского народа в отечественной ориенталистике в начале XX века // Гасырлар авазы=Эхо веков.– Казань, 2002.– № 3/4.– С. 238–249.

75. Крымоведение в библиографических исследованиях Ф. Ф. Максименко // Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2002.– Т. 8.– С. 187–190.

76. Крымоведческие исследования на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2002.– Вып. 9.– С. 579–590.

77. Кырымтатар библиографиясы инкишафынынъ муим меселелери // Йылдыз.– Симферополь, 2002.– № 6.– С. 91–97.

78. Малоизвестные исследования по изучению крымоведческой библиографии в последней трети XIX – первой трети XX века // Solanus: New ser.– London, 2002.– Vol. 16.– P. 77–84.

79. Науковий бібліотечний форум у Криму // Бібліотечний вісник.– Київ, 2002.– № 6.– С. 59–60.

80. Нове довідкове видання з історії народів Таврії // Архіви України.– Київ, 2002.– № 1/3.– С. 291–292.– Рец. на кн.: Немецкое население Таврической губернии.– Одесса, 2000.– Т. 1.

81. Новые материалы об изучении Крыма украинскими историками в конце XIX – начале XX века // Рукописна та книжкова спадщина України: археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів / Ін-т рукопису Нац. б-ки України ім. В. І. Вернадського НАН України.– Київ, 2002.– Вип. 7.– С. 131–145.

82. Основні напрями історико-краєзнавчих і бібліографічних досліджень в Автономній Республіці Крим (1991–2000) // Вісник / Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. Сер.: «Історія».– Київ, 2002.– Вип. 63: До 10-річчя проголошення Незалежності України.– С. 21–22.

83. Періодична преса Півдня України як джерело розвитку історико-краєзнавчих досліджень // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / Львівська наук. б-ка ім. В. Стефаника.– Львів, 2002.– Вип. 10.– С. 490–507.

84. Подготовка фундаментального указателя «История и этнография народов Крыма» // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии.– Москва, 2002.– № 1.– С. 34–37.

85. Почему исчез «золотой фонд» крымской библиографии 1920-х – 1930-х годов? // Література та культура Полісся / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя.– Ніжин, 2002.– Вип. 20: Історичні та культурологічні процеси на Поліссі та Україні (XIX – XX століття).– С. 158–163.

2003

86. Библиография библиографии исторического краеведения Крыма: начало работы над составлением полного свода // Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2003.– Т. 9.– С. 182–186.

87. Бібліотека – центр діалогу культур // Бібліотечна планета.– Київ, 2003.– № 1.– С. 38.– (У співавторстві з Н. К. Куршутовим).

88. Богатства музеев Крыма – краеведческие информационные ресурсы библиотек // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии.– Москва, 2003.– № 2.– С. 54–56.
89. Грунтовне дослідження з біобібліографії Північного Причорномор'я: Рец. на кн.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.).– СПб., 2002 // Бібліотечний вісник.– Київ, 2003.– № 5.– С. 58–59.
90. **Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження.– Симферополь: Бізнес-Інформ, 2003.– 456 с., іл.– ISBN 966-648-034-4.**
Рец.: Горбик В. О. Енциклопедія вивчення Криму // Український селянин: зб. наук. праць.– Черкаси, 2003.– Вип. 7.– С. 175; Гребцова И. С. Интересное исследование в области регионалистики // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2003.– № 43.– С. 294–296; То же // Там же.– 2004.– № 50, т. 2.– С. 158–160; Дубровіна Л. А. Развитие исторического кримоведения: энциклопедичне біобібліографічне дослідження А. А. Непомнящего // Бібліотечний вісник.– Київ, 2004.– № 1.– С. 50; Пучков А. О. Загальне і дрібниці кримознавчої бібліографії // Мова та історія: періодичний зб. наук. праць.– Київ, 2003.– Вип. 6: Спеціальний ювілейний випуск з нагоди десятиліття збірника: праці з української та східних мов.– С. 114–119; Пучков А. А. Общее и подробности крымоведаческой библиографии: новые книги А. А. Непомнящего // Пучков А. А. Архитектуроведение и культурология: избр. ст.– Киев: Издательский дом А. С. С., 2005.– С. 632–640; Швидько Г. К. Кримознавчі історичні студії // Гуманітарний журнал.– Дніпропетровськ, 2003.– № 3(19).– С. 130–134.
91. История изучения Крыма в лицах // Культура народов Причерноморья.– Симферополь, 2003.– № 39.– С. 133–134.– Рец. на кн.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.).– СПб., 2002.
92. К истории этнографических исследований в Крыму: А. Ф. Музыченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «История».– 2003.– Т. 16(55), № 1.– С. 30–37.
93. Нове видання петербурзьких бібліографів: Раздорский А. И. Справочные издания епархий русской православной церкви, 1861–1915: сводный каталог и указатель содержания.– СПб., 2002.– 568 с. // Бібліотечний вісник.– Київ, 2003.– № 1.– С. 30–31.
94. Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2003.– Вип. 3.– С. 366–379.
95. Подвижник крымского краеведения: Василий Христофорович Кондараки // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2003.– № 1.– С. 27–43.
96. Початок наукового вивчення Криму // Кримознавство.– Київ, 2003.– № 1/4.– С. 50–57.
97. «Праці» Археологічних з'їздів (1869–1911) як джерело для складання біобібліографії істориків-кримознавців // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського.– Київ, 2003.– Вип. 10.– С. 230–247.
98. Противостояние столичного и провинциального антиковедения в России (первая половина XIX в.) // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. – начало XXI в. / Омский гос. ун-т.– Омск, 2003.– С. 16–18.
99. [Рецензия] // Отечественные архивы.– Москва, 2004.– № 1.– С. 111–113.– Рец. на кн.: Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.) / Ред.-сост.: Г. В. Калашников, А. И. Раздорский, Д. Н. Шилов.– Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2003.– 256 с.
100. Роль духовних осіб у розвитку історичного краєзнавства в Криму: Друга половина XIX – початок XX ст. // Український історичний журнал.– Київ, 2003.– № 4.– С. 123–133.
101. Страницы из истории изучения крымско-татарского народа в начале XX века // Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши: к 100-летию второй Минской мечети / Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь.– Новогрудок, 2003.– С. 108–123.
102. Сходознавчі студії в історичному кримознавстві в першій половині XIX століття // Схід=East.– Донецьк, 2003.– № 6(56).– С. 84–89.

2004

103. Александр Львович Бертъе-Делагард: библиографические штудии // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь; Керчь, 2004.– Вып. 5.– С. 476–494.

104. Відомий та маловідомий Антон Ашик // Україна модерна і сучасна (історія, історіографія та джерелознавство): матер. Наук. читань, присв. Заслуженому діячу науки і техніки України, доктору історичних наук, професору Г. К. Швидько, 6 трав. 2004 р. / Нац. гірничий ун-т.– Дніпропетровськ, 2004.– С. 68–80.

105. Етнограф і педагог Олександр Музиченко: діяльність у контексті кримознавчих студій // Музиченко О. Історія, етнографія та народна творчість кримських болгар.– Симферополь: Доля, 2004.– С. 12–28.

106. Книга, на яку давно чекали: Рец. на кн.: Хмарський В. М. Археографічна діяльність Одеського товариства історії та старожитностей.– Одеса: АстроПринт, 2002.– 400 с. // Библиотечное дело и краеведение: сб. науч. тр., 2003 год / Нац. б-ка Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины.– Киев; Симферополь, 2004.– Вып. 5.– С. 179–181.

107. Кримведение в научном наследии М. Н. Бережкова // Література та культура Полісся / Ніжинський держ. пед. ун-т ім. Миколи Гоголя.– Ніжин, 2004.– Вып. 27: Регіональна історія та культура в українському та східноєвропейському контексті.– С. 257–265.

108. Кримські сторінки біографії С. І. Веребрюсова: за новими документами архівів Москви та Санкт-Петербурга // Історія і культура Придніпров'я: невідомі та маловідомі сторінки: наук. щорічник.– Дніпропетровськ, 2004.– Вып. 1.– С. 23–28.

109. Новые архивные документы к биографии Арсения Маркевича, 1921–1926 // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «История».– Симферополь, 2004.– Т. 178(56), № 1.– С. 42–48.

2005

110. А. И. Маркевич – организатор научного кримведения: по эпистолярным источникам досоветского времени // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «История».– Симферополь, 2005.– Т. 18(57), № 1: Спецвыпуск: Историческое краеведение Крыма на рубеже столетий: вопросы истории кримведения и охраны памятников: сб. науч. тр. в честь 150-летия со дня рождения Арсения Ивановича Маркевича.– С. 8–24.

111. Арсений Маркевич – библиограф-кримвед // Мир библиографии.– Москва, 2005.– № 4.– С. 32–37.

112. Арсений Маркевич в Таврическом университете: к 150-летию со дня рождения ученого // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2005.– № 9.– С. 148–154.

113. Арсений Маркевич – сотрудник КрымЦентрархива // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2005.– Вып. 11.– С. 544–551.

114. **Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Библиография кримведения»; вып. 3).– ISBN 966–648–104–9.**

Рец.: *Бездрабко В. В.* «Вони приносять смертним сліди відлинулих богів у темряву світової ночі...» або ремінісценції замість рецензії // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь; Керчь, 2006.– Вып. 11.– С. 387–393; *Горбик В. А.* Биография с человеческим лицом // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2005.– № 11.– С. 202–204; *Матвеева Л. В.* [Рецензия] // Східний світ.– Київ, 2006.– № 1.– С. 188–189; *Мельник Н.* Арсеній Іванович Маркевич – «кримознавець номер Один» // Бібліотечний вісник.– Київ, 2005.– № 5.– С. 56–57; *Нейжмак А.* Достойне поповнення скарбниці кримського краєзнавства // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / Львівська наук. б-ка ім. В. Стефаника.– Львів, 2006.– Вып. 14.– С. 540–543; *Пінчук Ю., Горак В.* Життєвий і творчий шлях А. І. Маркевича в контексті історії кримського краєзнавства // Історичний журнал.– Київ, 2005.– № 5.– С. 124–125; *Пучков А.* Науковий життєпис Арсенія Маркевича // Мова та історія.– Київ, 2005.– Вып. 84.– С. 162–166;

- Пучков А. А.* Бытописание А. И. Маркевича в русле истории крымоведения // Библиография.– Москва, 2006.– № 6.– С. 64–67; *Фокеев В. А.* Классика-крымовед посвящается // Мир библиографии.– Москва, 2006.– № 1.– С. 89–90; *Хмарський В. М.* Шлях історика на тлі доби // Записки історичного факультету / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2006.– Вип. 17: Присвячується ювілею професора кафедри нової та новітньої історії, доктора історичних наук Дмитра Павловича Урсу.– С. 418–422; *Швидько Г. К.* Кримознавство і наш край // Історія і культура Придніпров'я: невідомі та маловідомі сторінки: наук. щорічник.– Дніпропетровськ, 2006.– С. 231–233; *Шичко С.* «Оторвавшись от ветки родимой...» // Нёман.– Минск, 2010.– № 11.– С. 218–221.
115. Біля витоків наукового кримознавства: Арсеній Маркевич // Історичний журнал.– Київ, 2005.– № 1.– С. 103–111.
116. Владислав Шкорпил – историк–крымовед=Vladislav Škorpil – historic a znalec Krymu // Чехи в Крыму: очерки истории и культуры=Češi na Krymu: studie z historie a kultury / Сост. Ю. Н. Лаптев.– Симферополь: АнтиквА, 2005.– (Серия: «История, культура и традиции народов Крыма»; кн. 4).– С. 124–132.– На рус. и чеш. яз.
117. Востоковедческое направление в крымоведческой библиографии XIX – начала XX века // Тюркские народы в истории Беларуси: матер. IX Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч.– Минск, 2005.– Ч. 1: Тюркские народы в истории Беларуси.– С. 116–130.
118. З історії кримського краєзнавства в 30-і роки XX століття: за неопублікованим листуванням А. І. Маркевича // Краєзнавство.– Київ, 2005.– № 1/4.– С. 160–171.
119. Засновник кримознавчої бібліографії: до 150-річчя від дня народження Арсенія Маркевича // Бібліотечний вісник.– Київ, 2005.– № 4.– С. 38–43.
120. Из истории крымоведческой ориенталистики: В. В. Григорьев // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2005.– № 11.– С. 173–179.
121. Исследователь истории Крыма: новые материалы к биографии А. И. Маркевича // Библиография.– Москва, 2005.– № 5.– С. 36–43.
122. Листування М. М. Бережкова та А. І. Маркевича – джерельна база історії Криму // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2005.– Вип. 7.– С. 223–234.
123. Литература о жизни и деятельности А. И. Маркевича // Библиография.– Москва, 2005.– № 5.– С. 43–47.
124. Нове дослідження з історії організації влади в Російській імперії // Культура народів Причорномор'я.– Симферополь, 2005.– № 67.– С. 151–152.– Рец. на кн.: Зінченко О. В. Державна рада Російської імперії 1906–1916 років.– Харків: Колорит, 2005.– 308 с.
125. Новые документы по истории краеведения в Крыму их архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2005.– № 10.– С. 146–152.
126. Про вивчення наукової спадщини кримських краєзнавців // Історичний журнал.– Київ, 2005.– № 6.– С. 119–121.– Рец. на кн.: Хранители исторической памяти Крыма / Подг. и вступ. ст. С. Б. Филимонов.– 2-е изд.– Симферополь: Черноморпресс, 2004.– 316 с.
127. Страницы истории крымского краеведения в 30-е гг. XX века // Боспорские исследования=Bosporos Studies / Крымское отделение Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины.– Симферополь, 2005.– Вип. 10.– С. 361–383.
128. Karl Dumbergi Krimmi teekonnad=Крымские дороги Карла Думберга // Krimmi kogumik II: Konverentsi «Eestlased XIX – XXI sajandil Krimmis» ettekanded=Крымский сборник II / Koost. ja toimet. T. Tender, L. Viitol.– Tallinn; Tartu, 2005.– Lk. 186–203.– На эстонск. и рус. яз.
129. Uus raamat Eesti ja Ukraina teaduslikest sidemetest // Akadeemia.– Tartu, 2005.– № 6(195).– Lk. 1319–1325.– Рец. на кн.: Тартуский университет и Украина.– Киев, 2004.– 211 с.
- 2006
130. Архивные документы свидетельствуют...// Мир библиографии.– Москва, 2006.– № 4.– С. 71–75.
131. До питання про розвиток кримознавчої орієнталістики наприкінці XIX – на початку XX століття: В. Д. Смирнов // Східний світ.– Київ, 2006.– № 1.– С. 107–112.

132. З історії вивчення джерел середньовічного Криму: І. М. Березин // Історичний журнал.— Київ, 2006.— № 3.— С. 74–78.
 133. Какой должна быть региональная энциклопедия?: Рец. на кн.: Проблемы создания региональных энциклопедий: матер. Международного научно-практ. семинара (СПб., 14–16 окт. 2003 г.) / Российская нац. б-ка; отв. сост. А. И. Раздорский.— СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004.— 488 с. // Историческое наследие Крыма.— Симферополь, 2006.— № 12/13.— С. 180–181.
 134. Карл Думберг — археолог, краєзнавець, подвижник музейної справи в Криму // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК.— Київ, 2006.— Вип. 9.— С. 94–102.
 135. Кримознавство в орієнталістичній спадщині О. М. Самойловича // Східний світ.— Київ, 2006.— № 2.— С. 69–78.
 136. Крымская библиография 1920-х — 1930-х гг. // Библиография.— Москва, 2006.— № 5.— С. 58–64.
 137. Неизвестная автобиографическая статья Арсения Маркевича: история одной находки // Историческое наследие Крыма.— Симферополь, 2006.— № 14.— С. 197–201.
 138. Нове науково-довідкове видання з етнічної історії Півдня України // Бібліотечний вісник.— Київ, 2006.— № 1.— С. 42–43.— Рец. на кн.: Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона, 1803–2003: библиографический указатель / Сост. В. Самодурова, А. Айсфельд, Н. Шевчук; Научн. ред. и вступ. ст. А. Айсфельд, Н. Шевчук.— Одесса, 2003.— 312 с.
 139. **Подвижники кримведения.— Симферополь: СГТ, 2006.— Т. 1.— 324 с., ил.— (Серия: «Биобиблиография кримведения»; вып. 7).— ISBN 966–2913–13–0.**
 Рецензии: Зозуля С. Ю. Sturm und Drang у сучасному кримведстві // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК.— Київ, 2008.— Вип. 14.— С. 277–282; Ковалевська О. Персоніфікована історія наукового Криму // Історичний журнал.— Київ, 2008.— № 1.— С. 113–114; Пучков А. А. Многовекторье крымской историографии // Художня культура: актуальні проблеми: науковий вісник / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України.— Київ, 2007.— Вип. 4.— С. 697–711; Пучков А. А. «Биобиблиография кримведения»: многовекторье одной безбрежной темы // Питання історії науки і техніки.— Київ, 2008.— № 1.— С. 53–60; Рудый Г. Я. Важный вклад в историю региональных исследований // Историческое наследие Крыма.— Симферополь, 2007.— № 17.— С. 248–250; Титова О. М. Галерея портретів кримведів // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК.— Київ, 2007.— Вип. 12.— С. 307–311; Тункина И. В. Фундаментальные исследования по истории науки // Питання історії науки і техніки.— Київ, 2009.— № 2.— С. 65–67.
 140. «Пока оберегаем и спасаем...»: неизвестные материалы по истории кримведения в переписке А. И. Маркевича и академика С. Ф. Платонова // Историческое наследие Крыма.— Симферополь, 2006.— № 16.— С. 138–165.
 141. Сторінки історії кримської бібліографії 20–30-х рр. ХХ століття // Бібліотечна планета.— Київ, 2006.— № 3.— С. 34–35.
 142. Страницы истории библиографии кримведческой библиографии // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / Российская нац. б-ка.— Санкт-Петербург, 2006.— Вып. 10.— С. 138–149.
 143. Украинское общество изучения Крыма и Кавказа: неизвестная страница истории кримведения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им А. Е. Крымского НАН Украины.— Симферополь, 2006.— Вып. 12, ч. 2.— С. 683–701.
- 2007
144. Археологічні з'їзди та розвиток кримведчих досліджень за дорядянської доби // Питання історії науки і техніки.— Київ, 2007.— № 2.— С. 9–19.
 145. До історії етнографічних досліджень Криму: Олександр Федорович Музиченко // Народна творчість та етнографія.— Київ, 2007.— № 5.— С. 19–22.
 146. Дослідження з персоніфікації української культури // Історичний журнал.— Київ, 2007.— № 1.— С. 122–123.— Рец. на кн.: Болебрух А. Г., Куделко С. М., Хрідочкін А. В. Василь Назарович Каразін (1773–1842).— Харків: Фоліо, 2005.— 336 с. (У співавторстві з В. В. Бобковим).

147. «Еще держится у нас старая культурность...»: новые материалы по истории кримоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2007.– № 19.– С. 181–202.

148. З історії кримознавчих студій у Лазаревському інституті східних мов // Східний світ.– Київ, 2007.– № 1.– С. 45–46.

149. Забутий дослідник кримських пам'яток: С. І. Веребрюсов // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПК.– Київ, 2007.– Вип. 11.– С. 148–154.

150. Забутий кримський етнограф О. Олесницький // Народна творчість та етнографія.– Київ, 2007.– № 2.– С. 47–48.

151. Кримовед из Нежина // Крымский архив.– Симферополь, 2007.– № 10.– С. 267–274.

152. Лашков Федір Федорович // Українські архівісти (XIX – XX ст.): Біобібліографічний довідник / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства; упор. І. Б. Матяш та ін. – [2-е вид.].– Київ, 2007.– С. 348–349.

153. Нове дослідження з історії чехів в Україні // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2007.– № 19.– С. 216–217.– Рец. на кн.: Vaculik J. Češi v cizině, 1850–1938 / Masarykova univerzita.– Brno, 2007.– 224 s. (В соавторстве с С. А. Волковой).

154. Олександр Федорович Музиченко: кримські сторінки біографії знаного ніжинця // Ніжинська старовина: ніжинознавчі студії: науковий історико-культурологічний зб. / Центр пам'яткознавства НАН України; УТОПК.– Ніжин, 2007.– № 3(6).– С. 124–129.

155. Основні напрями досліджень з кримознавства (кінець XVIII – початок XX століття) // Регіональна історія України: зб. наук. праць / Ін-т історії України НАН України.– Київ, 2007.– Вип. 1.– С. 229–244.

156. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму // Збережена спадщина: Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років: зб. матер. і документів / Центр пам'яткознавства НАН України; УТОПК.– Київ, 2007.– С. 29–48. (В соавторстве с Н. В. Кармазиной).

2008

157. Академік Г. Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: за матеріалами епістолярію // Східний світ.– Київ, 2008.– № 1.– С. 194–209; № 2.– С. 148–157.

158. Бионисториография о роли личности в научном обществе: по поводу издания: Шудря Є. Подвижники народного мистецтва. Зошит 1–2 / За ред. М. Р. Селівачова.– Київ: Арт, 2003–2005 // Арт: вісник археології, мистецтва, культурної антропології.– Київ, 2007–2008.– № 19/21.– С. 155–157.

159. Из истории кримоведения тридцатых: проекты и их реализаторы // Питання історії науки і техніки.– Київ, 2008.– № 3(7).– С. 57–64.

160. Кримські сторінки біографії Євгенії Спаської // Ніжинська старовина: зб. регіональної історії та пам'яткознавства / Центр пам'яткознавства НАН України; УТОПК.– Київ, 2008.– № 6(9): Ніжинознавчі студії, № 5.– С. 124–133.

161. Лашков Федір Федорович // Українська архівна енциклопедія / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2008.– С. 539.

162. Листування В. Филоненка з академіком Г. Крачковським: нове джерело з історії кримознавства 20-х років XX ст. // Історичний журнал.– Київ, 2008.– № 3.– С. 9–18.

163. Начало научного изучения Крыма // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2008.– № 21.– С. 168–195.

164. Нові матеріали з історії кримознавства 20-х років XX століття в листуванні Г. Ю. Крачковського та В. Й. Филоненка // Кримознавство.– Київ, 2008.– № 1/4.– С. 85–95.

165. Открывая правдивые страницы недавнего прошлого страны // Интеллектуал.– Симферополь, 2008.– № 8.– С. 29–30.– Рец. на кн.: Іваненко В. В., Якунін В. К. ОУН і УПА у Другій світовій війні: Проблеми історіографії та методології.– Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2006.– 424 с.

166. **Подвижники кримоведения. Т. 2: TAURICA ORIENTALIA** / Респ. комитет АРК по охране культурного наследия.– Симферополь, 2008.– 600 с.– (Серия: «Биобиблиография кримоведения»; Вып. 12).– ISBN 978–966–174–037–1.

Рецензії: Дубровіна Л. Нове просопографічне видання з серії «Біобібліографія кримознавства» // Бібліотечний вісник.– Київ, 2009.– № 3.– С. 59–60; Кочубей Ю. Персоніфікована історія дослідження Криму // Народна творчість та етнографія.– Київ,

2009.– № 2.– С. 79–81; *Ластовський В. В.* Сучасний епос кримської історії // Соціальна історія: науковий збірник / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка.– Київ, 2010.– Вип. 6.– С. 130–131; *Орел Л. В.* [Рецензия] // Письменные памятники Востока.– Санкт-Петербург, 2012.– № 1(16).– С. 281–283; *Пучков А. А.* Крымоведческая историография в ориентальном измерении: к новой книге Андрея Непомнящего // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини: зб. наук. праць з мистецтвознавства, архітектурознавства, і культурології / Ін-т проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України.– Київ: Вид. дім А+С, 2009.– Вип. 6.– С. 491–504; *Пучков А. А.* Ориентальные ориентации крымской историографии // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2009.– Вип. 16.– С. 282–294; *Ресент О.* Нове ґрунтовне дослідження з історії кримознавства // Історичний журнал.– Київ, 2009.– № 3.– С. 125–126; *Тункина И. В.* Фундаментальные исследования по истории науки // Питання історії науки і техніки.– Київ, 2009.– № 2.– С. 65–67; *Урсу Д. П.* Енциклопедія кримознавства // Краєзнавство.– Київ, 2009.– № 1/2.– С. 236–238; *Цыганкова Э. Г.* [Рецензия] // Східний світ.– Київ, 2009.– № 2.– С. 173–175; *Цыганкова Е. Г.* Орієнталістика в Україні в контексті історії науки // Схід і діалог цивілізацій: до ювілею Ю. М. Кочубея: зб. наук. ст. / Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України.– Київ, 2012.– С. 414–430.

167. Судьба личной библиотеки Арсения Маркевича: версии, домыслы, документы // Вісник Одеського національного університету. Сер.: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство».– Одеса, 2008.– Т. 13, вип. 8.– С. 233–237.

168. Таврійська губернська учена архівна комісія // Українська архівна енциклопедія / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2008.– С. 757–758.

169. Таврійське товариство історії, археології та етнографії // Українська архівна енциклопедія / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства.– Київ, 2008.– С. 758–759.

170. L. Berthier de la Garde et l'étude historique régionale de la Crimée à la fin du 19ème siècle et du début du 20ème siècle // Les Français en Crimée / Auteur du projet S. Amphithéatrova.– Симферополь: СГТ, 2008.– С. 87–109.

2009

171. Актуальні питання сучасного пам'яткознавства в Автономній Республіці Крим // Сіверщина в історії України: зб. наук. праць / Нац. заповідник «Глухів».– Київ; Глухів, 2009.– Вип. 2: Матеріали Восьмої наук.-практ. конф. «Сіверщина в історії України» (м. Глухів, 15–16 жовт. 2009 р.).– С. 10–12. (В соавторстве с А. Ю. Манаевым)

172. До біографії Миколи Ернста: нові документи з архівів Санкт-Петербурга та Києва // Краєзнавство.– Київ, 2009.– № 3/4.– С. 118–126.

173. З історії вивчення пам'яток Криму наприкінці XIX – на початку XX ст.: В. Д. Смирнов // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2009.– Вип. 15.– С. 145–166.

174. Крымоведение в корпусе ориенталистической библиографии (XIX – первая треть XX века) // Вісник Одеського національного університету. Сер.: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство».– Одеса, 2009.– Т. 14, вип. 19.– С. 75–90.

175. Неизвестные документы о судьбе коллекции Карай-битиклиги // Крымский архив.– Симферополь, 2009.– № 11.– С. 303–316.

176. «Никак не могу пересилить себя...»: письма Николая Эрнста Федору Эрнсту // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2009.– Вип. 16.– С. 157–164.

177. Новые документы к биографии Николая Эрнста // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2009.– № 25.– С. 206–218.

178. Повернення Бузескула // Бібліотечний вісник.– Київ, 2009.– № 2.– С. 54–55.– Рец. на кн.: Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. ст., подг. текста комм., библиографический словарь-указатель И. В. Тункиной.– Москва: Индрик, 2008.– 832 с., [8] л. ил.

179. [Рецензия] // Історична панорама: зб. наук. ст. / Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича.– Чернівці, 2009.– Вип. 8.– С. 186–190.– Рец. на кн.: Романько О. В. Легион под знаком Погони: белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945).– Симферополь: АнтикВА, 2008.– 304 с.

180. Родина Харузіних і розвиток етнографічних досліджень у Криму // Красзнавство.– Київ, 2009.– № 1/2.– С. 58–63.

181. Українська преса Галичини 1919–1939 рр.: «муравлина правця» і національний оптимізм // Збірник праць Науково-дослідного центру періодики / Львівська нац. наукова б-ка України ім. В. Стефаника НАН України.– Львів, 2009.– Вип. 1(17).– С. 615–620.– Рец. на кн.: Сніцарчук Л. В. Українська преса Галичини (1919–1939 рр.) і журналістичнознавчий дискурс / Львівська нац. наукова б-ка України ім. В. Стефаника НАН України.– Львів, 2009.– 416 с.

182. Федор Лашков – историк и личность // Историческое наследие Крыма.– Симферополь, 2009.– № 24.– С. 180–195.

183. Фундаментальное исследование по истории востоковедения: по поводу новой монографии Э. Г. Цыганковой // Питання історії науки і техніки.– Кив, 2009.– № 4.– С. 69–72.– Рец. на кн.: Циганкова Е. Г. Сходознавчі установи в Україні: Радянський період / Передм. О. Пріцяка.– Київ: Критика, 2007.– 292 с.

184. Эпистолярные материалы как источник для восстановления истории краеведения в Крыму в 30-е годы XX века // Дніпропетровський історико-археографічний збірник / Дніпропетровський нац. ун-т.– Дніпропетровськ: Ліра, 2009.– Вип. 3: На пошану професора Анатолія Григоровича Болебруха.– С. 388–410.

2010

185. Материалы личного архивного фонда Н. М. Печёнкина – неизвестный источник об охране историко-культурного наследия в Крыму в начале XX века // Праці Центру пам'яткознавства: Збірник наукових праць / НАН України; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2010.– Вип. 17.– С. 198–204.

186. Невідомий рукопис Арсенія Маркевича: нові матеріали до біографії видатного красзнавця // Красзнавство.– Київ, 2010.– № 1/2.– С. 165–169.

187. Невідомі сторінки репресованого красзнавства: до біографії Миколи Ернста // Чорноморський літопис.– Миколаїв, 2010.– № 1.– С. 96–102.

188. Неизвестные страницы биографии Николая Эрнста: новые документы архивов Киева, Москвы и Санкт-Петербурга // Сіверщина в історії України: зб. наук. праць / Нац. заповідник «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ; Глухів, 2010.– Вип. 3.– С. 281–294.

189. Николай Эрнст и Российская Публичная библиотека: неизвестная страница биографии крымоведа // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2010.– Т. 23(62).– № 1.– С. 140–147.

190. Нове ґрунтовне дослідження з історії православної церкви професора Валерія Ластовського // Питання історії науки і техніки.– Київ, 2010.– № 3.– С. 67–68.– Рец. на кн.: Ластовський В. В. Між суспільством і державою: Православна церква в Україні наприкінці XVII – у XVIII столітті в історії та історіографії / Нац. Києво-Печерський істор.-культ. заповідник.– Київ, 2008.– 496 с.

191. [Рецензія] // Український археографічний щорічник: Нова сер. Вип. 15: Український археографічний збірник / Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України.– Київ, 2010.– Т. 18.– С. 661–663.– Рец. на кн.: Путешественные записки Василия Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году / Подг., вступ. ст., комм. М. Э. кавуна.– Днепропетровск: Герда, 2011.– XXVIII, 394 с., ил.– (Серия: «Editio princeps»).

192. Сторінки історії кримської бібліографії 20–30-х рр. XX ст. // Львівська національна наукова бібліотека імені В. Стефаника: історія і сучасність / Львівська нац. наук. б-ка ім. В. Стефаника.– Львів, 2010.– С. 121–123.

193. Утраченная коллекция: новые документы о судьбе караимского книжного собрания Карай-битиклиги // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці / Наукова б-ка Одеського нац. ун-та ім. І. І. Мечникова.– Одеса: Астропринт, 2010.– С. 198–217.

2011

194. Вивчення періодичної преси Криму в роки Громадянської війни: сенсаційні знахідки або хіть марносластва?: з приводу републікацій С. Б. Філімонова // Історичний архів: наукові студії.– Миколаїв, 2011.– Вип. 6.– С. 168–171.– Рец. на кн.: Філімонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): поиски и находки источниковедца.– Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2006.– 232 с.

195. Забутий подвижник освітянського краєзнавства: Олексій Деревиський // Краєзнавство.– Київ, 2011.– № 3.– С. 99–105.

196. Из опыта работы специализированного совета по защитах кандидатских диссертаций по специальности «памятниковедение, музееведение» // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме / Крымский гуманитар. ун-т.– Ялта, 2011.– С. 72–73.

197. Микола Ернст і кримознавство тридцятих років // Краєзнавство.– Київ, 2011.– № 4.– С. 163–171.

198. Неизвестные страницы истории крымоведения: к портрету Николая Эрнста // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету: зб. наук. праць.– Ізмаїл, 2011.– Вип. 30: На пошану доктора історичних наук, професора, завідувача кафедри всесвітньої історії, ректора Ізмаїльського державного гуманітарного університету Олександра Михайловича Лебеденка з нагоди його 60-річчя.– С. 112–119.

199. Неизвестный Николай Эрнст: по материалам архивов Киева, Москвы Санкт-Петербурга // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / Уральский федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.– Екатеринбург, 2011.– Вип. 12.– С. 159–179.

200. Николай Эрнст и Николай Репников: к истории одного конфликта // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2011.– Вип. 19.– С. 142–159.

201. Новые материалы к истории Таврического общества истории, археологии и этнографии // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2011.– Вип. 20.– С. 169–182.

2012

202. Библиография печатных трудов А. Л. Бертье-Делагарда // Бертье-Делагард А. Л. [Избр. соч.: в 3 т.]. Т. 3: Избранные труды по истории Средневекового Крыма.– Симферополь: Доля, 2012.– С. 292–300.

203. Из истории археологических исследований крымских музеев в 20-е гг. XX в. // Археологія і давня історія України / Ін-т археології України НАН України.– Київ, 2012.– Вип. 9: Історія археології: дослідники та наукові центри.– С. 192–194. (В соавторстве с В. В. Акимченковым).

204. К биографии Н. М. Печёнкина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2012.– Т. 25(64).– № 1.– С. 119–128.

205. Малоизвестные страницы истории крымской этнографии // Человек в истории и культуре. Вип. 2: Мемориальный сб. матер. и исследований в память лауреата Государственной премии Украины академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова.– Одесса, 2012.– С. 606–609.

206. Николай Эрнст в Таврическом обществе истории, археологии и этнографии // Схід і діалог цивілізацій: до ювілею Ю. М. Кочубея: зб. наук. ст. / Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України.– Київ, 2012.– С. 198–218.

207. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стило, 2012.– 464 с.– (Серия: «Библиография крымоведения»; вып. 15).– ISBN 978–966–193–062–8.

Рецензії: *Василюк О. Д.* Нове ґрунтовне дослідження про видатного сходознавця // Східний світ.– Київ, 2012.– № 4.– С. 189–191; *Дзиговський О. М.* ґрунтовне дослідження з історії кримознавства та бібліотечної справи на Півдні України // Вісник Одеського національного університету. Сер.: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство».– Одеса, 2012.– Т. 17, вип. 2(8).– С. 147–149; *Михайлов В. В., Пученков А. С.* [Рецензія] // Клио.– Санкт-Петербург, 2014.– № 9(93).– С. 147–148; *Пінчук Ю.* Історія кримознавства крізь життя професора Миколи Ернста // Київська старовина.– Київ, 2012.– № 5/6.– С. 214–216; *Сминтина О. В.* Портрет кримського краєзнавця перших радянських десятиріч // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України;

Українське т-во охорони пам'яток історії та культури.– Київ, 2012.– Вип. 22.– С. 315–318;
 Тункіна І. Відкриваючи невідомі сторінки історії кримознавства // Краєзнавство.– Київ,
 2012.– № 3.– С. 203–205; Gavrilyk N. [Рецензія] // Ancient Civilizations from Scythia to
 Siberia.– Leiden, 2014.– Vol. 20, issue 2.– P. 262–265.

208. Развитие кримоведческой библиографии сегодня: достижения, просчеты, перспективы // Труды Международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург, 21–23 сент. 2010 г.) / Российская нац. б-ка: в 3 ч.– Санкт-Петербург, 2012.– Ч. 3.– С. 169–176.

209. Церковне кримознавство: нові грані актуальної теми // Краєзнавство.– Київ, 2012.– № 4.– С. 51–58. (В соавторстве с В. В. Калиновским).

2013

210. А. Н. Деревикский: неизвестные страницы биографии // Університети=Universitates.– Харків, 2013.– № 4.– С. 54–62.

211. В. В. Латышев: опыт каталогизации крымских эпиграфических памятников // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2013.– Вип. 23.– С. 51–61.

212. Николай Эрнст – первый заведующий Академической библиотекой Таврического университета // Стародруки та рідкісні видання в університетській бібліотеці / Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова; відп. ред. Н. О. Подрезова, О. В. Полевщикова.– Одесса, 2013.– С. 201–208.

213. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и древности Херсонеса: новые источники // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2013.– Вип. 24.– С. 196–205, ил.

214. Таврійський національний університет імені В. Вернадського // Енциклопедія історії України.– Київ: Наукова думка, 2013.– Т. 10.– С. 18–19.

2014

215. Вульгарная историография кримоведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2014.– Т. 27(66), № 1.– С. 79–86.– Рец. на кн.: Пашеня В. Н. Историография кримоведения.– Симферополь: ДИАИПИ, 2013.– 368 с.

216. Документы центральных архивов об истории Керченского музея в 20–30-е годы XX века // Научный сборник Керченского музея / Керченский ист.-культ. заповедник.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.– Вып. 4.– С. 51–55.

217. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время.– Москва, 2014.– № 2.– С. 216–224, ил.

218. Историография кримоведения, которой нет // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2014.– № 2.– С. 282–292.– Рец. на кн.: Пашеня В. Н. Историография кримоведения.– Симферополь: ДИАИПИ, 2013.– 368 с.

219. Кримознавство // Енциклопедія сучасної України.– Київ, 2014.– Т. 15.– С. 431–433. (В соавторстве с А. В. Севастьяновым).

220. Между Западом и Востоком, между Юзефом и Иосифом // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2014.– Т. 27(66), № 4.– С. 93–97.– Рец. на кн.: Борисенко Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века.– Москва: Родина МЕДИА, 2013.– 352с. (В соавторстве с В. В. Калиновским).

221. Николай Марр и кримоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2014.– № 1.– С. 46–67.

222. «Полная энциклопедия нужных и полезных сведений о крае»: Новороссийский календарь // Пространство и время.– Москва, 2014.– № 4.– С. 160–167.

2015

223. Академик Крачковский и кримоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории.– Санкт-Петербург, 2015.– № 2(06).– С. 130–140.

224. Из истории изучения Крыма в Москве в XIX веке: неизвестная грань творчества известных ученых // Крымский архив.– Симферополь, 2015.– № 1.– С. 86–113.

225. Из истории подготовки Крымской энциклопедии // Новейшая история России.– Санкт-Петербург, 2015.– № 2.– С. 142–151.

226. Из истории создания первой энциклопедии крымских древностей // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК.– Київ, 2015.– Вип. 28.– С. 183–203.

227. **История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015.– 936 с.– (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Библиография крымоведения»; вып. 25).**

Рецензии: *Кондратюк Г. Н.* Новый уровень исторического крымоведения // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2016.– № 1.– С. 246–249; *Леликова Н. К.* Весомый вклад в развитие исторического крымоведения // Библиография и книговедение.– Москва, 2016.– № 2.– С. 107–109; *Могаричев Ю. М.* Свод научных знаний о Крыме: новая точка отсчета // Пространство и время.– Москва, 2015.– № 4.– С. 300–302; *Платонова Н. И.* [Рецензия] // Российская археология.– Москва, 2017.– № 2.– С. 178–179; *Раздорский А. И.* [Рецензия] // Историческая экспертиза.– Санкт-Петербург, 2016.– № 4.– С. 205–214; *Сень Д. В., Шалак М. Е.* [Рецензия] // Известия высших учебных заведений: Северо-Кавказский регион. Сер.: «Общественные науки».– Ростов-на-Дону, 2017.– № 1.– С. 103–104; *Титова О. М.* Двадцять років наполегливої роботи у тисячі сторінок // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК.– Київ, 2016.– Вип. 29.– С. 269–275; *Хайдаров Т. Ф.* Книжная новинка // Золотоордынская цивилизация=Golden Horde Civilization.– Казань, 2016.– № 9.– С. 351–352; *Шурыгина И. Л.* Из ряда вон выходящий // Библиография.– Москва, 2016.– № 3.– С. 117–119.

228. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2015.– № 1.– С. 30–57.

229. Красный Крым (1921–1945) // История Крыма / Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. В. Ганин и др.; Российское военно-историческое общество.– Москва: Олма, 2015.– С. 330–357. (В соавторстве с А. В. Севастьяновым).

230. **Крым в русской исторической памяти: учебно-методическое пособие.– Москва: У Никитских ворот, 2015.– 112 с. (В соавторстве с В. В. Калиновским и В. Б. Хлебниковой).**

231. Научно-исследовательское общество изучения Крыма (1935–1937): провал проекта советской краеведческой организации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2015.– Т. 1(67), № 1.– С. 28–37.

232. Начало научного этапа разработки источников по истории крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение.– Казань, 2015.– № 3.– С. 113–142.

233. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи // Пространство и время.– Москва, 2015.– № 3.– С. 213–228.

234. Неизвестные страницы эпистолярного наследия Николая Эрнста: переписка с академиком С. Ф. Платоновым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2015.– Т. 1(67), № 2.– С. 76–88.

235. Новое слово о Гражданской войне: «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года: очерки политической истории» Александра Пученкова // Российская история.– Москва, 2015.– № 1.– С. 161–163. (В соавторстве с В. Г. Зарубиным).

236. Под скипетром России: Крым в конце XVIII – первой половине XIX века // История Крыма / Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. В. Ганин и др.; Российское военно-историческое общество.– Москва: Олма, 2015.– С. 166–196. (В соавторстве с В. В. Калиновским).

237. Провісник братерства народів // Україна Тараса Шевченка / упор. Р. В. Маньковська, В. М. Мельниченко; передм. О. П. Реєнта, Л. М. Новохатька; гол. ред. О. П. Реєнт.– Харків: Фоліо, 2015.– С. 343–359+2 с. ил. (У співавторстві з В. В. Акімченковим).

238. Разработка «Археологической карты Крыма»: по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем // История и археология Крыма / Ин-т археологии Крыма РАН.– Симферополь, 2015.– Вып. 2: Сб. ст., посв. памяти Александра Евгеньевича Пуздровского.– С. 480–487.

239. Рукописное наследие организатора архивного дела в Крыму чл.-корр. АН СССР Арсения Ивановича Маркевича в фондах хранилищ Российской Федерации и Украины // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития / Южный федерал. ун-т; отв. ред. Д. В. Сень, Д. П. Исаев, М. Е. Шалак.– Ростов-на-Дону, 2015.– С. 319–324.

240. Рукописный библиографический текст в крымоведческих исследованиях: малоизвестный информационный источник // Электронное научное издание Альманах Пространство и время.– Москва, 2015.– Т. 10, вып. 1: Пространство и время текста.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_e-ast10-1.2015.42.

241. Съезды по изучению производительных сил Крыма: экономическое крымоведение на рубеже 20–30-х гг. XX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2015.– Т. 1(67), № 4.– С. 34–39. (В соавторстве с И. В. Козаченко).

242. «Хочу поделиться с Вами некоторыми важными для меня соображениями»: письмо К. Э. Гриневича к Н. Я. Марру // Отечественные архивы.– Москва, 2015.– № 4.– С. 65–70.

243. Южный фасад Империи: Крым во второй половине XIX – начале XX века // История Крыма / Е. Е. Бойцова, Я. В. Вишняков, А. В. Ганин и др.; Российское военно-историческое общество.– Москва: Олма, 2015.– С. 248–282. (В соавторстве с А. В. Севастьяновым).

2016

244. «Быть в курсе Ваших крымских планов...»: из истории крымоведения по переписке Ф. А. Брауна и С. Ф. Платонова // Пространство и время.– Москва, 2016.– № 1/2(23/24).– С. 177–192.

245. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_e-ast12-1.2016.12. (В соавторстве с А. С. Кравчуком).

246. Древние памятники Крыма в эпистолярном наследии Ю. А. Кулаковского // Таврические студии.– Симферополь, 2016.– № 10.– С. 126–132.

247. К истории личных коллекций Александра Львовича Бертье-Делагарда: по документальным материалам // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– Екатеринбург, 2016.– Т. 18, № 3(154).– С. 145–156.

248. Крымоведение в Одессе (середина XIX – начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2016.– Т. 12.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-argovt_e-ast12-1.2016.51.

249. Крымоведение и крымоведы в судьбе академика А. Н. Самойловича // Золотоордынская цивилизация=Golden Horde Civilization: научный ежегодник / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан.– Казань, 2016.– № 9.– С. 163–185.

250. Использование рукописных библиографий при подготовке ретроспективного библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» // Информационно-библиографическое обеспечение науки, техники, образования и культуры: матер. II Международного библиографического конгресса «Библиография: взгляд в будущее» / Российская гос. б-ка; под ред. А. А. Теплицкой.– Москва: Пашков дом, 2016.– С. 264–276.

251. История и этнография народов Крыма в современной научно-справочной литературе (XX – начало XXI века): наработки и библиографические фикции // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2016.– № 1.– С. 65–80.

252. Крым в начале преобразований: на обочине Империи // Крым: проблемы истории: сб. ст. / отв. ред. А. В. Юрасов; Ин-т российской истории РАН.– Москва: Индрик, 2016.– С. 142–155. (В соавторстве с А. С. Кравчуком).

253. Малоизвестные страницы деятельности Русского музея императора Александра III: крымоведение // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2016.– Т. 2(68), № 2.– С. 27–38.

254. Международный форум крымоведов в Коктебеле 25–29 сентября 2016 г. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – Симферополь, 2016. – Т. 2(68), № 4. – С. 175–183.

255. Н. И. Веселовский: малоизвестные грани крымоведческого наследия по архивным документам // История и археология Крыма: сб. статей / Ин-т археологии РАН. – Симферополь, 2016. – Вып. 4. – С. 176–186.

256. «Надо спешить с этим, иначе многое может погибнуть...»: из истории подготовки советско-германской археологической экспедиции 1929 года по переписке Ф. А. Брауна и С. Ф. Платонова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – Симферополь, 2016. – Т. 2(68), № 3. – С. 45–64.

257. Научные экспедиции по изучению истории, археологии и культуры Крыма (20-е годы XX века) // Акчокраклы О. Н. Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский научный центр Ин-та истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; сост. А. А. Непомнящий, Г. Н. Кондратьев, Э. Х. Сейдаметов. – Симферополь, 2016. – (Серия: «Наследие Крыма»). – С. 12–21.

258. Неизвестные проекты крымоведческих справочных изданий 30-х гг. XX в. // Библиография и книговедение. – Москва, 2016. – № 6. – С. 80–87.

259. Неизвестные страницы изучения Эски-Кермена по переписке Николая Эрнста с академиком С. Ф. Платоновым // Праці Центру пам'яткознавства: збірник наукових праць / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК. – Київ, 2016. – Вип. 30. – С. 185–197.

260. Неизвестный крымский нумизмат: Оттон Ретовский: между Феодосией и Петербургом // Нумизматика Золотой Орды=Golden Horde Numismatics / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. – Казань, 2016. – № 6: Посвящается 70-летию юбилею Джамиля Габдрахимовича Мухаметшина. – С. 120–125.

261. Первая научная систематизация крымских древностей: история создания и судьба составителя П. И. Кёппена // Историческое наследие Крыма: сб. статей / Гос. комитет по охране культурного наследия Республики Крым. – Симферополь, 2016. – С. 164–177.

262. Перипетии судьбы российского профессора: неизвестные сюжеты биографии А. Н. Деревицкого // Пространство и время. – Москва, 2016. – № 3/4. – С. 201–219.

263. Развитие биоисториографии в современном крымоведении: основные тенденции и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – Симферополь, 2016. – Т. 2(68), № 4. – С. 3–19.

264. Рукописные крымоведческие списки и картотеки 1920–1930-х гг. // Библиография и книговедение. – Москва, 2016. – № 4. – С. 44–51.

265. «Сезам» открылся: крымоведческая сокровищница доступна исследователям // Мир библиографии. – Москва, 2016. – № 1. – С. 46–53.

266. Страницы истории крымской этнографии: исследователи, музеи, экспедиции // Энциклопедия народов Крыма / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь, 2016. – С. 227–250.

267. Эрнст Николай Львович // Мирас–Наследие: Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдилов: в 3-х т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 183–201.

2017

268. Вклад в развитие Крыма новороссийских генерал-губернаторов и таврических гражданских губернаторов // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 71–86.

269. «Возились с юбилеем Маркевича...»: как отмечали 70-летие крымоведа // Пространство и время. – Москва, 2017. – № 1(27). – С. 187–195.

270. Записки путешественников о Крыме // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 372–383.

271. «Имел много благодарностей и неоднократно был премирован»: декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории СССР Федор Загородских // Ученые записки Крымского

федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». – Симферополь, 2017. – Т. 3(69), № 1. – С. 69–78.

272. Крымское библиографическое общество: из истории крымоведения // Библиография и книговедение. – Москва, 2017. – № 2. – С. 100–104.

273. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза. – Санкт-Петербург, 2017. – № 1. – С. 146–150. – Рец. на кн.: Возгрин В. Е. Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. – СПб.: изд-во РХГА, 2015. – 416 с. (В соавторстве с А. В. Севастьяновым).

274. Музеи и театры Крыма // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 362–372.

275. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2017. – Т. 14. – Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. – Стационарный сетевой адрес: 2227-9490eaprov_t_e-ast14-1.2017.31.

276. Неизвестный Владимир Гордлевский: крымоведческие страницы деятельности // Крымское историческое обозрение. – Казань; Бахчисарай, 2017 № 1. – С. 43–56, 1 л. ил.

277. Неизвестный источник по истории крымоведения 20-х годов XX века // Древности, 2016–2017: Харьковский историко-археологический ежегодник: статьи, публикации, заметки, рецензии, хроника / Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. – Харьков, 2017. – Вып. 14/15. – С. 409–417.

278. Образование Таврической губернии. Административные преобразования // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 63–71.

279. Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 15–21. (В соавторстве с Н. Ю. Болотиной).

280. Памяти профессора Дмитрия Павловича Урсу // Крымское историческое обозрение. – Казань; Бахчисарай, 2017. – № 2. – С. 206–220, IX.

281. Профессор Михаил Бережков: неизвестные грани творчества // Крымский гуманитарный вестник: [сб. науч. ст.] / Крымский респ. ин-т последиплом. педагогич. образования; отв. ред. А. Н. Рудяков. – Симферополь, 2017. – С. 125–132.

282. Развитие науки и образования // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 351–362.

283. Развитие системы местного управления // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 178–188.

284. Рукописные крымоведческие библиографии 20–30-х гг. XX в. как источник для подготовки фундаментального библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» // Библиография. Археография. Источниковедение: сб. науч. ст. и матер. / Российская нац. б-ка. – СПб.; М.: Старая Басманная, 2017. – С. 210–218.

285. Сто лет служения науке: научные школы Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / авт.-сост. А. П. Фалалеев, Е. Н. Чуян, А. А. Непомнящий и др. – Симферополь: Ариал, 2017. – 552 с.

286. «Taşica» Арсения Маркевича – универсальная и непревзойденная в крымоведении // Российская книжная палата: славное прошлое и надежное будущее: матер. научно-методической конференции к 100-летию РКП / Информационное телеграфное агентство России; под ред. К. М. Сухорукова. – Москва, 2017. – С. 277–284.

287. Усадебная культура Крыма // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – Москва: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»). – С. 342–351.

288. Христофор Кучук-Иоаннесов – профессор-крымовед: к истории изучения этнографических памятников крымских армян // Крымское историческое обозрение.– Казань; Бахчисарай, 2017.– № 2.– С. 30–40, 1.

289. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2017.– Т. 3(69), № 2.– С. 111–122.

2018

290. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2018.– Т. 4(70), № 4.– С. 40–83.

291. Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории.– Москва, 2018.– № 11.– С. 29–48.

292. On the Emperor's Service: the Supreme Administration of Taurida Governorate in the first half of the XIX century // Былые годы: российский исторический журнал.– Сочи, 2018.– Т. 47, № 1.– С. 97–106. (В соавторстве с А. С. Кравчуком).

293. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018.– 216 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).– ISBN 978-5-906952-78-3.

294. «Биобиблиография крымоведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // Библиография и книговедение.– Москва, 2018.– № 1.– С. 69–88.

295. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе: из истории коммуникаций в крымоведении // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2018.– Т. 4(70), № 1.– С. 33–53.

296. Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник.– Москва, 2018.– № 57. (В соавторстве с А. С. Кравчуком).

297. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с., илл.

298. К истории профессорской корпорации Таврического университета: А. Н. Деревницкий // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История».– Томск, 2018.– № 52.– С. 82–88.

299. Ремесленная культура цехового крымско-татарского мастера по изготовлению традиционной кожаной обуви (по рукописным и опубликованным материалам В. А. Гордлевского) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «История России».– Москва, 2018.– Т. 17, № 3.– С. 581–607. (В соавторстве с В. А. Грушецкой).

300. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Т. А. Гогунская, Д. В. Дорофеев, А. А. Задерейчук, Д. А. Малышев, А. А. Непомнящий, Э. Б. Петрова, Ж. В. Соколова.– Симферополь: Ариал, 2018.– 356 с.+16 с. илл.

УДК 378(47)КРЫМ.НАУМЕНКО

ДОЦЕНТУ В. Е. НАУМЕНКО – 50!

Близняков Р. А.

***Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Bliznyakov80@mail.ru***

Биографистика и биоисториография – новаторский раздел эгоистории. Вместе с тем, именно это направление научных исследований несет в себе нагрузку дихотомии: новаторство и традиции. Каждая личность, а историческая наука субъективна дважды (и на уровне объекта, автором источников является Человек, и на уровне субъекта – познающего историю Человека) оставляет свой след в истории. Человеку-Историку (безусловно, с заглавных букв), В. Е. Наumenко, посвящен нижеследующий краткий научный очерк. Краткий, ибо жизнеописание персоны ученого-историка, – лишь начало его славного научного пути. Эгоистория привлекательна еще и тем, что она кратно исторична, изучая человека в истории и человека над историей (когда человек-ученый познает тонкую ткань истории). Именно о Историке в истории пойдет речь в нашем повествовании. Учитывая известность личности юбиляра в Крыму, сферу его научных интересов и приведенную в номере журнала библиографию, статья будет интересна широкой аудитории крымской и российской научной общественности и, прежде всего тем, кому небезразличны медиевистские штудии, вписанные в археологическое научное поле.

Ключевые слова: В. Е. Наumenко, медиевистика, археология, Мангуп, Крым, византизведение.

История и современность исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского богата именами, людьми, учёными с большой буквы. Среди замечательных и ярких специалистов в области отечественной и всеобщей истории выделяется человек скромный, интеллигентный, которого часто можно увидеть задумчивым, с книгой в руке (например, по истории Крестовых походов), к которому неизменно тянутся и студенты, и преподаватели – специалист по истории Средних веков, любимый для

многих преподаватель, дорогой коллега, верный друг, соратник – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и Средних веков Валерий Евгеньевич Науменко.

Родился Валерий Евгеньевич в городе Запорожье на пике зимы 3 января 1969 года. Неудивительно, что живя в местности, богатой на события в прошлом, он с ранних лет начал проявлять интерес к истории, что в конечном итоге привело его на исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе, где и прошло его профессиональное становление в период с 1989 по 1994 год [1, с. 215].

Научные интересы Валерия определились уже в начале студенческой жизни. Они разделились на два направления, которые в дальнейшем, слившись, обеспечили высокую продуктивность его научного творчества. С одной стороны это было явное предпочтение всем изучаемым на историческом факультете дисциплинам медиевистике, причем особое внимание привлекала история Византии. С другой, четко обозначился интерес к археологии, определившийся на полевой практике, проходившей в 1990 г. в Мангупской археологической экспедиции. Здесь произошла встреча теоретической истории с ее воплощением в облике материальной культуры. Следует отметить, что Валерий Евгеньевич очень быстро перерос из студента-практиканта в ответственного руководителя участка раскопок и вскоре становится неременным заместителем руководителя экспедиции, в работах которой он продолжает участвовать и по сей день.

С 1994 по 1996 г. осуществлялся проект совместных исследований Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе и университета горда Кан, Нормандия. В. Е. Науменко (как аспирант) участвовал двух в полевых сезонах раскопок в Нормандии, заслужив высокую оценку навыкам археологической исследовательской практики со стороны французских коллег. Здесь в полной мере было продемонстрировано высокое умение и важное значение тщательной работы по скрупулезной зачистке выявленных объектов. Это мастерство с годами все более совершенствовалось и стало главным методом полевого исследования, дающим наиболее полные и объективные представления об истории изучаемого памятника. Именно эта важнейшая составляющая часть исследовательской работы археолога настойчиво передается Валерием Евгеньевичем нынешним студентам-практикантам.

Зарекомендовав себя с наилучшей стороны в годы обучения, молодой человек поступил в аспирантуру, решив окончательно связать свою жизнь с исторической наукой. Аспирантские годы (1994–1997) прошли на кафедре истории древнего мира и средних веков, создав из Валерия Евгеньевича знатока истории античности и прекрасного медиевиста. Несмотря на сложные для занятия наукой годы, Науменко В. Е. остался верен избранному курсу жизни, активно и плодотворно работал, собирая научный материал для исследования. Итогом этой деятельности стала успешная защита диссертационного исследования «Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: политико-административный аспект» в ноябре 2004 года, написанного под руководством кандидата исторических наук, доцента, нынешнего декана исторического факультета, можно сказать, современной легенды Мангупа,

Герцена А. Г. Валерий Евгеньевич обрел заслуженную учёную степень кандидата исторических наук. Уже в следующем году он получил звание доцента [1, с 215–216].

Все предшествующие годы, помимо написания диссертации, Валерий Евгеньевич активно трудился. Кроме обязательного полевого сезона на Мангупе, Валерий Евгеньевич с 1993 по 2005 год был научным сотрудником Крымского отделения Института востоковедения им. А. Крымского. С января 2000 г. ведет преподавательскую работу на кафедре истории древнего мира и средних веков Таврического национального (с 2014 г. – Крымского федерального) университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), в настоящее время являясь ее доцентом.

В этот период окончательно сложилась и оформилась сфера научных интересов Валерия Евгеньевича: политическая и административная история Византии (VII – XII вв.), византийская археология, средневековая история и археология Крыма, взаимоотношения Византийской империи с кочевыми народами степной зоны Восточной Европы (VII – XII вв.), русско-византийские отношения, Крымский улус Золотой Орды, византийская османская глазурованная керамика.

Глубокий интерес и научные познания в области средневековой археологии Крымского полуострова привели к тому, что Валерий Евгеньевич в период 2010 – 2013 гг. и 2015–2016 гг. был руководителем исследований гончарных центров, храмовых комплексов и поселений в Адым-Чокракской долине Бахчисарайского района. Впервые были проведены масштабные раскопки производственных комплексов, давшие важный массовый материал для решения сложных вопросов истории хозяйства и материальной культуры средневековой Юго-Западной Таврики.

В 2012 г. Науменко В. Е. руководил охранно-археологическими исследованиями средневекового поселения на склоне м. Топчан-Кая (Бахчисарайский район, Крым), в 2015 г. – поселений Бабчик I, Бабчик II, Малый Бабчик, Луговое Северное и Луговое Северо-Западное (Ленинский район Республики Крым) на трассе Энергомоста «Краснодарский край – Крым».

Валерий Евгеньевич всегда старался расширить научные и археологические связи, свидетельством чего была упомянутая археологическая экспедиция по изучению средневековых памятников Нормандии (Франция), а также совместный проект Римско-Германского Центрального музея (г. Майнц, Германия), Крымского отделения Института востоковедения им. А. Крымского и Таврического национального университета им. В. И. Вернадского по изучению «пещерных городов» Крыма (2006 – 2008 гг.). В рамках этого проекта Валерий Евгеньевич проходил стажировку в Центральном Римско-Германском музее (г. Майнц) в 2008 г. В 2006 – 2010 гг. Науменко В. Е. был организатором полевого летнего историко-филологического лагеря «Готланд» немецкой и украинской молодёжи. В 2000–2001 гг. он являлся исполнительным директором благотворительного историко-археологического фонда «Наследие тысячелетий».

С 2011 по 2014 г. Валерий Евгеньевич был приглашен на должность Генерального директора Бахчисарайского историко-культурного заповедника, став также членом Полевого комитета Института археологии НАН Украины, член Национального комитета ЮНЕСКО в Украине. За этот период заповедником были внесены в Предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО от Украины две

номинации – «Историко-культурная среда столицы крымских ханов в г. Бахчисарае» и « «Пещерные города» Крымской Готии». Валерию Евгеньевичу удалось создать в заповеднике научный коллектив, который поднял научно-исследовательскую работу на уровень, до которого учреждение никогда прежде не поднималось [1, с 215–217].

Вернувшись на исторический факультет Валерий Евгеньевич, кроме выполнения большой учебной нагрузки в 2015 – 2017 гг. был ответственным исполнителем двух научных проектов – «Население Дороса–Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв. н.э.)» (РГНФ, грантовый научный проект №15-31-10159) и «Историческая топография «страны Дори» в Юго-Западном Крыму [2, с.14]. Комплексные археолого-геофизические исследования» (РФФИ, грантовый научный проект № 15-06-04670) [3, с.17]. Особо следует отметить его исключительно важную роль в создании впервые за столетнюю историю университета, диссертационного совета по археологии и всеобщей истории, секретарём которого он является.

На сегодняшний день Валерий Евгеньевич является членом редакционной коллегии научных журналов: «Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки»» (с 2015 г.), «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики (с 2017 г.); членом Учёных советов: исторического факультета КФУ им. В. И. Вернадского, НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского, ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

Валерий Евгеньевич – вдумчивый и авторитетный для коллег и студентов преподаватель, великолепно владеющий огромным фактическим материалом, в то же время умеющий преподнести его в увлекательной форме. Читаемые им курсы – «История Средних веков», «История Византийской империи», «Византийская археология» пользуются неизменным и живым интересом у бакалавров, магистров и аспирантов исторического факультета. Его воспитанники под влиянием руководителя приучаются к системной, напряженной работе, дающей реальные плоды в виде публикаций и подготовленных к защите диссертаций. Науменко В. Е. – участник более 90 международных научных конференций, коллоквиумов, симпозиумов, автор 150 научных публикаций, в том числе двух монографий.

В настоящий момент Валерий Евгеньевич находится в самом расцвете своих научных сил, умело сочетает научную, преподавательскую и административную деятельность активно участвует в жизни факультета и университета, разрабатывает новые исследовательские проекты, не останавливаясь на достигнутом. Он любит Историю, а История отвечает ему взаимностью. Огромный интеллектуальный потенциал и бесценный практический опыт сулят ещё много новых свершений, ибо сказано: «Homo quantum scit, tantum potest» – «Человек столько может, сколько знает»...

Список использованных источников и литературы

1. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет КФУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с., илл.
2. Sto let sluzheniya nauke i prosveshcheniyu: istoricheskiy fakultet KFU im. V.I. Vernadskogo. – Simferopol: IT «ARIAL». 2018. – 356 s., ill.

2. Отчет о научно-исследовательской работе за 2017 год. – Симферополь: КФУ, 2018.– 94 с
Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote za 2017 god. – Simferopol: KFU. 2018.– 94 s
3. Отчет о научно-исследовательской работе за 2016 год. – Симферополь: КФУ, 2017.– 92 с
Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote za 2016 god. – Simferopol: KFU. 2017.– 92 s

Bliznyakov R. A. Naumenko Valery Evgenievich – 50!

Biography studies and biohistoriography innovative section of ego history. However, it is this area of research that carries the burden of dichotomy: innovation and tradition. Each person, and historical science is subjective twice (and at the level of object, the author of sources is the Person, and at the level of the subject – knowing history of the Person) leaves the trace in history. Man-Historian (of course, with capital letters), V. E. Naumenko, devoted to the following brief scientific essay. Brief, because the life of the person of the scientist-historian – is only the beginning of his glorious scientific path. Ego history is also attractive because it is a multiple of history, studying a person in history (and here a person according to God's plan makes history) and a person over history (when a man-scientist learns the fine fabric of history). It is about the Historian in the history will be discussed in our story. Given the popularity of the hero of the day in the Crimea, the scope of his scientific interests and the bibliography given in the issue of the journal, the article will be of interest to a wide audience of the Crimean and Russian scientific community and, above all, to those who care about the medieval studies inscribed in the archaeological scientific field.

Keywords: V. E. Naumenko, medieval studies, archeology, Mangup, Crimea, Byzantine Studies.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОЦЕНТА В. Е. НАУМЕНКО¹

1994

1. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А. Археологические исследования на Мангупском плато // Археологические исследования в Крыму. 1993 год: сб. науч. тр. / КФИА НАНУ. Симферополь, 1994. С. 70–74.

1997

2. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Черныш С. А., Чихрадзе Д. Э., Негуляев Е. А., Карлов С. В. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: сб. науч. ст. / КФИА НАНУ. Симферополь, 1997. С. 77–78.

3. Науменко В. Е. Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников) // Древности. 1996 год / ХИАО. Харьков, 1997. С. 23–30.

4. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник / БГИКЗ. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 324–340.

1998

5. Науменко В. Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 689–700.

1999

6. Науменко В. Е. Церковная география Таврики в VII – IX вв. по данным *Notitiae episcopatum* // Крымский архив. Симферополь, 1999. № 4. С. 9–23.

2001

7. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Керамика IX – XI вв. из жилого комплекса на мысе Тешкли-бурун // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 127–147.

8. Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник / БИКЗ. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 336–361.

2002

9. Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры / ИА РАН; МГУ. М.; Магнитогорск, 2002. Вып. XII. С. 544–568.

2003

10. Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 427–439.

11. Науменко В. Е. К вопросу о церковно-административном устройстве Таврики в VIII – IX вв. (по данным *Notitiae episcopatum*) // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 123–145.

2004

12. Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах / Центр хазароведения Восточноукраинского филиала Межд. Соломонова ун-та. Киев; Харьков; Москва, 2004. Т. 2. С. 52–76.

¹ Чтобы избежать повторов, в список не вошли тезисы докладов в сборниках материалов конференций, которые стали основой для написания уже опубликованных научных статей.

13. Науменко В. Э. Тавріка у контексті візантійсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект: автореф. дис. канд. іст. наук / Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАНУ. Київ, 2004. 24 с.

14. Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // Хазарский альманах / Центр хазароведения Восточноукраинского филиала Межд. Соломонова ун-та. Киев; Харьков, 2004. Т. 3. С. 94–116.

2005

15. Науменко В. Е. К вопросу о характере хазарского присутствия в Таврике в начале VIII в.: пример Херсона и Боспора // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2005. Вып. 36. С. 51–65.

16. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / КФИА НАНУ. Киев, 2005. С. 257–287.

17. Науменко В. Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары / Институт славяноведения РАН. М.; Иерусалим, 2005. С. 231–244.

18. Науменко В. Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Никее и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX вв. // Sacrum et profanum / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2005. Вып. I. С. 129–140.

2006

19. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Часть 2. С. 371–494.

20. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2006. Вып. 37. С. 384–432.

2007

21. Науменко В. Е. Византийская феода и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // Боспорские исследования / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь, 2007. Вып. XVI. С. 259–281.

22. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): предварительное сообщение // VIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2007. С. 89–96.

23. Науменко В. Е. Александру Германовичу Герцену – 60 лет // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 7–19

24. Герцен А. Г., Иванова О. С., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 233–289.

2008

25. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Средневековые амфоры из фондов Генического краеведческого музея // IX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2008. С. 203–210.

26. Науменко В. Е. К вопросу о статусе славянских «архонтий» Македонии и Греции в «темные века» // Россия и мир: панорама исторического развития. сб. науч. ст., посв. 70-летию исторического факультета Уральского гос. университета им. А. М. Горького / УрГУ. Екатеринбург, 2008. С. 179–189.

27. Науменко В. Е. К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII – начала IX вв. // Херсонесский колокол: сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко / КФИА НАНУ. Симферополь, 2008. С. 333–338.

2009

28. Науменко В. Е. Пифосы // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь: Керчь, 2009. С. 32–35.
29. Науменко В. Е. Амфоры // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2009. С. 35–50.
30. Науменко В. Е. Высокогорные кувшины // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2009. С. 50–57.
31. Науменко В. Е. Фляги // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2009. С. 58–60.
32. Науменко В. Е. Столовая посуда // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2009. С. 60–64.
33. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Каталог керамических находок VIII – X вв. из раскопа XXVI // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII – X вв. / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2009. С. 93–123.
34. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К вопросу о территории и археологических памятниках Боспора – Керчи X – XII вв. // X Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2009. С. 311–321.
35. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39. С. 423–466.
36. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 389–431.
37. Науменко В. Е. К вопросу о происхождении хазар: историографический экскурс // Караимика / Межд. Институт крымских караимов. Симферополь; Слипери Рок, 2009. Вып. XII. С. 3–18.

2010

38. Науменко В. Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти, «греческий огонь» и так называемые «мутараканские» кувшины: историко-археологический комментарий // XI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2010. С. 324–328.
39. Науменко В. Е. Византийский Херсон // Крым от древности до наших дней / ИД «ЧерноморПРЕСС»; ИД «Коктебель»; под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2010. С. 141–154.
40. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LI: Византия в контексте мировой культуры: матер конф., посв. памяти А.В. Банк (1906–1984). СПб., 2010. С. 387–419.
41. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX – XII вв.: матер. Межд. семинара. СПб., 2010. С. 227–253.
42. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Иванова О. С. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп). III горизонт застройки (середина IX – начало X вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КОИВ НАНУ. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 240–295.

2011

43. Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X – XI вв.: политико-административный аспект // Античная древность и средние века / УрГУ. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 165–188.

44. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // Археологічні дослідження в Україні / ІА НАНУ. 2010 рік. Київ-Полтава, 2011. С. 241–243.

2012

45. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К церковной топографии Боспора X – XII вв. // XIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: проблемы урбанизации» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2012. С. 336–344.

46. Науменко В. Е. Фема Климатов в Таврике // IV Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. мат-в конф. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2012. С. 32–33.

47. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Три программы археологического изучения Мангупа // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. / КРУ БИКЗ. Бахчисарай, 2012. С. 24–25.

48. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Межд. науч. конф. «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»: сб. мат-в конф. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2012. С. 52–54.

49. Науменко В. Е., Моисеев Д. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В. Комплексные археологические и геофизические исследования на склонах г. Илька // Археологічні дослідження в Україні. 2011 рік / ІА НАНУ. Київ, 2012. С. 91–92.

2013

50. Науменко В. Е. Памятники культурного наследия КРУ БИКЗ как потенциальные объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО // Музеи в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности: сб. матер. Респ. науч. конф. / Министерство культуры АРК. Симферополь, 2013. С. 180–187.

51. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «церкви Шевелева» («церкви 1833 г.») // Нартекс. Byzantina Ucrainensis / Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2013. Т. 2. С. 295–309.

52. Науменко В. Е. К дискуссии об историческом контексте и источниковой базе «Корсунского похода» Святого равноапостольного князя Владимира: историко-археологический комментарий // XIV Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории» / КОИВ НАНУ; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2013. С. 342–348.

53. Науменко В. Е. Таврика в системе русско-византийских отношений середины X – начала XI вв.: историко-археологический комментарий // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: сб. науч. ст. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2013. С. 169–206.

54. Науменко В. Е., Душенко А. А. Поселение на склоне мыса Тапчан-Кая: новые данные по результатам раскопок 2012 г. // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. Бахчисарай, 2013. С. 34–37.

55. Науменко В. Е. КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» - концепция современного развития // Музеи в XXI веке: новые реалии, новые подходы, новые возможности: сб. матер. Респ. науч. конф. / Министерство культуры АРК; КРУ БИКЗ. Симферополь; Бахчисарай; Евпатория, 2013. С. 51–52.

56. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Христианские памятники и топография Боспора X-XII вв. // Климентовский сборник: матер. VI Международной конф. «Церковная археология: Херсонес – город Святого Климента» / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2013. С. 244–263.

57. Науменко В. Е. Связи восточных славян с Крымом // Науменко Л. А., Таратухина Е. Е. Восточные славяне Крыма. Одежда. Обувь. Аксессуары. Из коллекции КРУ «Этнографический музей»

(Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Suppl. 12) / КОИВ НАНУ. Симферополь; Керчь, 2013. С. 7–9.

58. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лесная Е. С. Исследования раннесредневекового поселения на склоне мыса Тапчан-Кая в Крыму // Археологічні дослідження в Україні. 2012 рік / ИА НАНУ. Київ-Луцьк, 2013. С. 81.

59. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лесная Е. С., Моисеев Д. А. Средневековые гончарные центры на склонах г. Илька // Археологічні дослідження в Україні. 2012 рік / ИА НАНУ. Київ-Луцьк, 2013. С. 82–83.

2014

60. Науменко В. Е. К дискуссии о целях и результатах так называемой «хазарской» миссии Константина Философа // VI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. мат-в конф. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2014. С. 32–33.

61. Науменко В. Е. К военно-политической истории Таврики X в.: русско-византийский конфликт 935-941 гг. и так называемый «поход Песаха» // Хазарский Альманах / Институт сходоведства ім. А. Кримського НАНУ. Киев; Харьков, 2014. Т. 12. С. 118–134.

62. Крамаровский М. Г., Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И. Глазурованная керамика из двух закрытых археологических комплексов XIV в. в медресе Солхата (по материалам исследований 2013 г.) // Поливная керамика Причерноморья – Средиземноморья как источник по изучению византийской цивилизации: тез. докл. межд. науч. семинара / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2014. С. 64–69.

63. Науменко В. Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / ИА РАН. Казань, 2014. Т. III. С. 302–307.

64. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Лавров В. В. Археологические раскопки Мангупского городища // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / Государственный комитет по охране культурного наследия РК. Симферополь, 2014. С. 203–209.

65. Науменко В. Е., Хорлан А. В. Номінаційне дос'є об'єкта «Історичне середовище столиці кримських ханів у місті Бахчисарай» для внесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО // Історико-культурні заповідники: номінаційні дос'є об'єктів культурної спадщини, що запропоновані Україною для занесення до Списку Всесвітньої спадщини ЮНЕСКО: колективна монографія (за ред. Т. А. Бобровського) / НДПД МК України. К., 2014. С. 113–224.

2015

66. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2015. С. 88–100.

67. Науменко В. Е., Душенко А. А. Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры (по материалам исследований 2010–2013 гг.) // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2015. С. 243–250.

68. Герцен А. Г., Науменко В. Е. О хазарском и фемном периоде в истории Мангупа: предварительные наблюдения над исторической топографией городища // VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. мат-в конф. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2015. С. 36–38.

69. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К исторической топографии Мангупского городища: церковь Святого Константина // Международная научная конференция «II Свято-Владимирские чтения», посвященная 1000-летию преставления святого равноапостольного князя Владимира: тез. докл. и сообщ. / НЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2015. С. 16–18.

70. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Новые материалы к изучению исторической топографии Мангупского

городища и его округа (по результатам междисциплинарных исследований 2015 г.) // Ученые записки крымского федерального ун-та. Серия: «Исторические науки». 2015. Т. 1(67). № 2. С. 3–28.

71. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К изучению исторической топографии средневековой Керчи: византийская каменная икона из «Нового Карантина» (источниковедческий аспект) // Античная древность и средние века / УрФУ. Екатеринбург, 2015. Вып. 43. С. 275–288.

2016

72. Науменко В. Е. От фемы Климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX – начале X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / отв. ред. тома Т. Н. Джаксон, отв. ред. серии Е. А. Мельникова; ИВИ РАН. М., 2016. С. 475–506.

73. Науменко В. Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // XXVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры»: сб. мат-в науч. конф. / ИВИ РАН. М., 2016. С. 202–206.

74. Науменко В. Е., Душенко А. А. К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р.Х. Лепера в 1912–1914 гг. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа) // XVII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2016. С. 313–324.

75. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // XVII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». Керчь, 2016. С. 325–331.

76. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму // Золотоордынская цивилизация / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2016. № 9. С. 247–258.

77. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. матер. конф. / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2016. С. 34–38.

78. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В. Новый христианский культовый комплекс в округе Мангупского городища. Храм на г. Илька // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. матер. конф. / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2016. С. 77–83.

79. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. О кораблекрушениях и поселениях VIII – X вв. в акватории и окрестностях Геническа // X Международная научная конференция «Проблемы истории и археологии Украины», посвященная 125-летию профессора К.Э. Гриневича: сб. матер. конф. / ХИАО. Харьков, 2016. С. 61–62.

80. Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Новые материалы к изучению исторической топографии средневекового Бахчисарая: по результатам археологических исследований 2012–2013 гг. // Материалы Конгресса Исламской археологии России и стран СНГ / ИА АН ТР. Казань, 2016. С. 228–239.

81. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // Краткие сообщения Института археологии / ИА РАН. М., 2016. № 243. С. 127–147.

82. Науменко В. Е. К дискуссии о политико-административном статусе Боспора в X – XII вв. // Вестник Вологодского гос. ун-та. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2016. Т. 21. № 5. С. 67–80.

83. Герцен А. Г., Науменко В. Е. «Между Золотой Ордой и Романией...». великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины – второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крымский юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Министерство культуры РК. Симферополь, 2016. С. 36–49.

84. Науменко В. Е. О некоторых особенностях современного этапа изучения источников по истории и культуре крымских караимов // Прохоров Д.А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов / КФУ им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2016. С. 4–8.

85. Науменко В. Е. О дате учреждения фемы Климатов в Таврике (продолжение дискуссии) // Античная древность и средние века / УрФУ. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 104–123.

2017

86. Науменко В. Е. Христианская топография Мангупского городища периода княжества Феодоро (по материалам новейших археологических исследований) // IX Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: сб. матер. конф. / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2017. С. 83–90.

87. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К изучению керамического комплекса салтово-маяцких поселений в округе Боспора: импортные категории находок // XVIII Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Деметра». Симферополь; Керчь, 2017. С. 359–369.

88. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Комплекс хозяйственных сооружений на северо-восточной окраине поселения Гора Чиркова 1 (по итогам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.) // Lauea II: Античный мир и средние века: чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева, к 90-летию со дня рождения / Харьковский нац. ун-т им. В. Н. Каразина. Харьков, 2017. С. 22–28.

89. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015–2016 гг. // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича: сб. матер. конф. / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2017. С. 9–13.

90. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) // Международная научная конференция «Археология средневекового храма», к 170-летию К.К. Косцюшко-Валюжинича: сб. матер. конф. / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2017. С. 50–55.

91. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К дискуссии о ранней истории крымских караимов: археологический аспект // IV Международная научно-практическая конференция «Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы», посвященная 25-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей»: сб. мат-в конф. / ГБУРК КЭМ. Симферополь, 2017. С. 21–23.

92. Науменко В. Е., Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э. Штампованная керамика Золотой Орды: история изучения // Золотоордынская цивилизация / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2017. № 10. С. 203–210.

93. Науменко В. Е. О византийской феме в Таврике в правление императора Никифора I Геника (802–811): критические замечания к гипотезе Тибора Живковича // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения». 2017. Т. 22. №5. С. 75–85.

94. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Ритуальные салтово-маяцкие комплексы на поселении Гора Чиркова 1 (по материалам исследований Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.) // Таврические студии / ГБОУ ВО «КУКИТ». Симферополь, 2017. Вып. 12. С. 136–143.

95. Науменко В. Е. К 70-летию Александра Германовича Герцена и 50-летию Мангупской археологической экспедиции // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 4–11.

96. Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Р.Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2017. Вып. XXII. С. 187–238.

97. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Новые средневековые памятники округа Мангупского городища (Юго-Западный Крым): по материалам комплексных археологических и геофизических исследований 2015–2017 гг. // Актуальные проблемы междисциплинарных исследований в изучении истории, культуры и экономики Крыма: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / КФУ им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2017. С. 48–56.

98. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Поселение VIII – X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский Альманах / Институт славяноведения РАН. М., 2017. Т. 15. С. 236–280.

99. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Каменная икона из Нового Карантина (Керчь): историко-археологический контекст находки // Боспорские исследования / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Дементра». Керчь, 2017. Т. XXXV. С. 240–268.

100. Супренков А. А., Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Раскопки на поселении Гора Чиркова 1 // Археологические открытия. 2015 год / ИА РАН. М., 2017. С. 243–245.

101. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV – XVII вв.) / отв. ред. А. И. Айбабин / ИА РАН; КФУ им. В. И. Вернадского. М.; СПб., 2017. 272 с., илл.

2018

102. Науменко В. Е. Древнерусский фактор в истории византийской Таврики X века: от известных фактов к новым гипотезам // XXX Юбилейные чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье»: сб. матер. конф. / ИВИ РАН. М., 2018. С. 215–219.

103. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Историческая топография Керчи конца XV – XVIII вв.: состояние источниковой базы и перспективы исследований // XIX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации» / НИЦ ИАК КФУ им. В. И. Вернадского; ЦАИ БФ «Дементра». Симферополь; Керчь, 2018. С. 348–358.

104. Науменко В. Е., Неделькин Е. В. Новые археологические материалы к изучению средневековых памятников Чернореченской долины в Юго-Западном Крыму. Поселение Чиргуна (Чоргунь–Черноречье) // Херсонесский сборник / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2018. Вып. XIX. С. 199–216.

105. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища. Стратиграфия участка исследований 2006–2017 гг. (предварительное сообщение) // X Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: матер. науч. конф. / ИАК РАН. Севастополь; Симферополь, 2018. С. 53–58.

106. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Набоков А. И. К изучению исторической топографии Мангупа золотоордынского времени. «Церковь 2015 г.» и некоторые синхронные находки из раскопок дворца // III Свято-Владимирские чтения: матер. Межд. науч. конф., посв. 1030-летию Крещения Руси / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь, 2018. С. 22–25.

107. Науменко В. Е. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западном Крыму. Новая византийская крепость легендарной «страны Дори» Прокопия Кесарийского (предварительное сообщение) // XIV Международные научные Сюзюмовские чтения «Византийский мир: реалии и интерпретации»: матер. конф. / УрФУ. Екатеринбург, 2018. С. 38–41.

108. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Св. Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг. // Археология античного и средневекового города: сб. ст. в честь С. Г. Рыжова / ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Севастополь; Калининград, 2018. С. 12–43.

109. Науменко В. Е., Иожица (Корзюк) Д. В. Церковь на г. Илька в округе Мангупского городища (Юго-Западный Крым). Архитектурный анализ и объемная реконструкция памятника // Вопросы всеобщей истории архитектуры / НИИ ТИАГ. М.; СПб., 2018. Вып. 10. С. 170–196.

110. Науменко В. Е. Укрепление Сиваг-Кермен в Юго-Западном Крыму. Новая византийская крепость «страны Дори» Прокопия Кесарийского (общие итоги археологического изучения памятника в 2015–2017 гг.) // Античная древность и средние века / УрФУ. Екатеринбург, 2018. Вып. 46. С. 54–72.

УДК 338(091): [94(569.1):940.2]

СИРИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ 1925–1927 ГОДОВ НА ПОДМАНДАТНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (СИРИЯ И ЛИВАН) : ПРИЧИНЫ, ХОД И ПОСЛЕДСТВИЯ

Бершов В. Н.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Tripolic@mail.ru*

Рассмотрена борьба сирийского народа против Французского мандатного управления, периода 1925–1927 гг., а именно: народно-освободительное движение под руководством Султана аль-Атраша. Восстанием была охвачена вся территория Сирийских провинций и округов. Изучаемое событие послужило той отправной точкой, благодаря которой французские власти и мировое сообщество осознали, что принципы проводимой колониальной политики нужно пересматривать по отношению к подмандатным территориям. Национально-освободительное движение 1925–1927 гг. сыграло значительную роль в истории Сирии и Ливана. Оно свидетельствовало о серьезном кризисе мандатной системы. Французские власти вынуждены были искать гибкие формы правления. Итогом восстания стал допуск сирийской и ливанской знати во французские акционерные компании, созыв Учредительного собрания в 1928 г., принятие конституции 1930 г., установившей в Сирии республиканскую форму правления, проведение выборов в 1931 г. и другие шаги на пути к независимости.

Ключевые слова: Восстание, освободительное движение, Франция, Сирия.

Вопросы, связанные со становлением независимости, носят ярко выраженный актуальный характер. Притягательность суверенитета – тренд регионального развития мировой периферии второй половины XX века. Сирийское восстание – этап к обретению свободы. Французская администрация на подмандатной Сирийской территории всё больше приводила к сопротивлению местного населения. Прописанное в мандате принятие Сирийской конституции в течение трёх лет откладывалось, что вызывало недовольство элиты. Нерешенные вопросы в сфере сельского хозяйства, закрытие местных производств, в угоду французским и иностранным компаниям, безработица приводили к нестабильности в обществе, что в конечном итоге привело к самому крупному восстанию, охватившему всю территорию Сирии.

Цель исследования заключается в изучении причин и последствий восстания 1925–1927 годов.

При подготовке статьи были использованы следующие виды источников и литературы: опубликованные периодические издания [3], монографии [4, 5, 6], диссертационные исследования [1; 2; 7; 8; 9].

Зарождение национальных идей сирийской и ливанской буржуазии относится к 60–м годам XIX в., когда сирийско-ливанские буржуазные просветители во главе с Бутросом Бустани проповедовали любовь к родине, насаждали культ арабского

языка, создавали арабские национальные школы и газеты, призывали к прекращению религиозных раздоров между многочисленными христианскими и мусульманскими религиозными общинами, существовавшими в стране, во имя национального единства. Более четко национальные идеи сирийской буржуазии были сформированы в период пробуждения Азии в манифесте «Лиги арабского отечества», опубликованном в 1905 г. в Париже сирийским эмигрантом Неджибом Азури: «арабы <...> осознали свою национальную, историческую и этнографическую однородность» [2, с. 144–156].

Вооруженные восстания и сопротивление французам, на территории Сирии происходили постоянно на протяжении всего действия французского мандата на Сирию. Начавшееся в мае 1919 года, в области Хауран восстание алавитов в Латакии длилось три года. Мандатные власти в сентябре 1920 г. создали квазигосударство «Великий Ливан», во главе с марионеточными органами власти, имевшими только совещательные функции, и губернатором-французом. Французская политика в Ливане в первые годы мандата была успешной, местные феодальные кланы, лидеры конфессий и предприниматели, охотно соглашались идти на контакт с французами, выигрывая от укрепления экономических связей с Францией, это касалось делового партнерства с филиалами французских банков и компаний, от расширения транзитной и посреднической торговли через территорию Ливана. Со времен крестовых походов, значительную роль играли установившиеся связи общины маронитов с Парижем и Ватиканом.

Антиколониальную борьбу вели эмигранты из Сирии в Женеве. В 1921 г. они создали Сирийско-палестинский конгресс, потребовавший ликвидации мандатов и провозглашения независимости арабских стран. Долгое время Шакиб Арслан, друзкий эмир из Ливана, возглавлял конгресс, он прослыл приверженцем панарабизма. В принадлежащем ему журнале «La Nacion Arabe» он выступал за единство всех арабов в антиколониальной борьбе [4, с. 132–145]. Повстанческим движением в 1921 г. был охвачен весь север Сирии, а в 1922 г. демонстрации начались в столице. Приведем статистику антифранцузских восстаний: только за 1922 год мятежи вспыхивали 35 раз; в рассматриваемый период погибло до 5 тысяч французских солдат и офицеров, а к лету 1924 г. число погибших составило уже 9 тысяч человек [6, с. 10–15]. К сентябрю 1920 г. на территории Ливана было создано квазигосударство «Великий Ливан» с марионеточными органами власти и губернатором-французом во главе, имевшими только совещательные функции. Для стабилизации положения и борьбы с национальным движением, власти страны-мандатария привлекали к сотрудничеству феодалов, шейхов племен, представителей буржуазии, в основном неарабского происхождения и небольших этнических общин, а также христианское духовенство разных конфессий. Местные феодальные кланы, лидеры конфессий и предприниматели соглашались идти на сотрудничество по причине взаимовыгодных условий от делового партнерства с обосновавшимися в Ливане французскими банками и компаниями и выигрывая от расширения транзитной посреднической торговли через территорию Ливана. Община маронитов, наиболее богатая и влиятельная среди христиан Ливана, играла значительную роль в связях с Парижем и Ватиканом. Ситуация в Сирии складывалась по-другому.

Созданные здесь псевдогосударства (Дамаск, Джебель-эд-Друз, Латакия, Халеб), всерьез никем не воспринимались, управления в них осуществлялось французскими чиновниками и офицерами, при которых формально существовали правительства и представительские советы игравшие совещательную роль. Ставка властей на феодально-компрадорские или открыто профранцузские элементы в их составе себя не оправдала. Сирийцы и ливанцы презирали их, уважая тех, кто иммигрировал в Египет, Палестину, или Швейцарию.

Акты насилия и произвол со стороны мандатных властей спровоцировали в июле 1925 г. восстание друзов, сумевших за неделю освободить свой регион и разгромить четырехтысячный отряд генерала К. Мишо. Переброска частей в Марокко для борьбы с рифами, позволила друзам поднять восстание, центром которого стал горный район с населением, насчитывающим 50 – 70 тысяч человек [5, с. 79].

Находясь на стыке территории Сирии Ирака, сирийская пустыня Джебель – Друз имела важное стратегическое значение, благодаря своему господству над соседними областями. Французские власти вели себя здесь особенно вызывающе. Они предприняли ряд карательных экспедиций, начали раздел общинных земель. Силы подконтрольные мандатным властям арестовали семь вождей крупных племен, заманив их к себе вероломным путем. Арестованные были объявлены заложниками. Это переполнило чашу терпения, и 18 июля 1925 г. друзы начали вооруженное восстание. Ими был сожжен губернаторский дом и осажден гарнизон города. Попытки французских властей овладеть положением закончились неудачей. Восстание друзов вынудило французские власти увеличить численность Левантской армии до 30 тысяч человек. Сирийский легион теперь насчитывал до 5 тысяч человек [9, р. 65]. В центре территории друзов (в г. Сувейде) была образована «Всеобщая национальная лига» [2, с. 453]. Она провозгласила создание национального правительства, которое возглавил шейх одного из друзских горных селений Султан эль-Атраш, имевший опыт борьбы против французских колонизаторов и руководивший восстанием в 1922 г.

В начале августа 1925 года друзы нанесли поражение французским войскам и захватили большие трофеи: пушки, пулеметы, 2 тысячи ружей, обозы с продовольствием и боеприпасами. Захваченное оружие позволило друзам вооружить новые отряды крестьян. Французское командование бросило против друзов авиацию, но в горных районах это не принесло ожидаемых результатов. В целях выигрыша времени для подвоза войск из метрополии Э. Сарайль предложил друзским вождям начать переговоры [8, с. 453]. Французские власти предложили друзам сдать оружие и выплатить контрибуцию. В начале переговоров Султан эль-Атраш выдвигал минимальные требования эвакуации французских войск с территории друзов, ограничения контроля над жизнью друзских племен, восстановление сожженных деревень и свободу торговли оружием. В ходе переговоров опираясь на успехи повстанцев, султан эль-Атраш потребовал в качестве предварительного условия прекращения боевых действий, эвакуации французских войск из Сирии и предоставления независимости всей стране. Им был опубликован манифест к сирийскому народу, в котором он призывал народ подняться на священную войну за свободу. «Вспомните ваших предков, – говорилось в манифесте, – вашу историю,

ваших героев, вашу национальную честь!.. Империалисты захватили наши богатства, завладели ресурсами нашей страны. Они воздвигли временные границы между частями нашей единой родины и раздробили нас на народности, религиозные группы и мелкие государства». Воззвание заканчивалось словами: «Да живет свободная независимая Сирия!» [7, с. 158].

Э. Саралем для снижения градуса напряженности было дано разрешение на визит в Сирию Фейсала аль-Хашими, к тому времени уже четыре года занимавшего престол Ирака. По задумке французов визит Фейсала должен был повлиять на настроения части арабских националистов, в свое время пришедших в Сирию вместе с ним. Но на практике это не дало никакого эффекта. Повстанцы попытались установить контакты с рифами и племенами Саудовской Аравии. Пламя восстания разгоралось. Это вызвало беспокойство в Париже. В сентябре 1925 г. командующим французскими войсками в Сирии был назначен генерал М. Гамелен. Он предпринял наступление крупными силами на территорию друзов. Ему удалось захватить г. Сувейду, но решающего успеха военачальник так и не добился. Друзы сохранили армию [5, с. 58].

Во всех поселениях контроль остался в руках восставших. Воспользовавшись ослаблением постоянных гарнизонов, сирийцы подняли восстание и в других районах страны. В борьбу включились новые слои населения. Основную силу восставших составляло крестьянство. Рабочие также принимали участие в вооруженных схватках с оккупантами, поддерживали повстанцев стычками и забастовками. В восстании также участвовала мелкая буржуазия, учащаяся молодежь, интеллигенция. Национальная буржуазия Сирии на первых порах поддерживала восстание, стремясь подчинить его своему руководству. Однако значительная часть буржуазных кругов отошла при первых же не удачах повстанцев. Стремясь запугать население, мандатные власти прибегли к зверским расправам. Были совершены массовые казни на улицах Дамаска. «Парад трупов» послужил сигналом к новому всеобщему выступлению. 18 октября 1925 г. партизаны и восставшие жители Дамаска захватили ряд районов города [3, с. 158]. Тогда по приказу Сарайля французская армия начала обстрел Дамаска из тяжелых орудий и бомбардировку города авиацией. В течение двух суток древний город с его замечательными памятниками искусства и архитектуры был превращен в груды развалин. Погибло около 25 тысяч жителей, в том числе много женщин и детей. Это событие не сломило волю сирийцев. Значительная часть населения города ушла в национально-освободительную армию, численность которой к ноябрю 1925 года составила 40 тысяч повстанцев [9, с. 136]. В Ливане отряды друзов во главе с И. Зейдом, были поддержаны рабочими Бейрута. В ходе боев большинство французских гарнизонов, дислоцировавшихся в Сирии, к началу 1925 года были разгромлены. Под контролем французов остались лишь большие города Дамаск, Алеппо, Хомс, и Хама. Англичане решили воспользоваться бомбардировкой Дамаска для достижения своих целей, ими была вручена нота правительству Франции в которой требовалось возмещение ущерба нанесенного британским подданным и их имуществу. Государственный секретарь США Келлог заявил, что США предъявят требования о возмещении ущерба, нанесенного американскому имуществу, «если

окажется, что французские войска бомбардировали Дамаск без предупреждения [2, с. 458].

Вслед за тем французам был нанесен новый удар: мандатная комиссия Лиги наций 23 октября 1925 г. отказались утвердить ежегодный отчет Франции как державы – мандатария по управлению Сирией и предложила французскому правительству представить специальный доклад сирийских событиях. Французские власти поняли, что хватило через край. Тогда всю вину за происходившее в Сирии попытались переложить на Э. Саррайля. На него была также возложена ответственность за ущерб, причиненный британским и американским подданным [2, с. 158]. Поэтому французскими властями он был отозван из Сирии, его сменил в ноябре 1925 года де Бетран Жувенель. Свою деятельность Б. Жувенель начал с поездки в Лондон. Там он встретился с министром иностранных дел Н. Чемберленом и министром по делам колоний Эмери. Французский представитель постарался запугать своих собеседников угрозой распространения волнений на английские подмандатные территории. Ему было известно, что восстание в Сирии всё больше беспокоило английские правящие круги: она сирийцев находила отклик в Палестине и Ираке. Арабская национальная партия в Мосуле выпустила манифест с призывом «помочь сирийским братьям». Напуганный восстанием сирийцев английский верховный комиссар в Палестине лорд Плюмер приказывал открывать огонь по всем, кто переходит границу и отказывается сдать оружие [1, с. 45]. Была блокирована граница и с Трансиорданием. Б. Жувенель использовал всё это для того, чтобы добиться соглашения с английским правительством. Говоря об итогах переговоров с Б. Жувенелем, Н. Чемберлен выразил желание, чтобы их дружественные отношения и тесное сотрудничество касались всех вопросов, которые относятся к общим интересам... к таким вопросам относится положение в Сирии, Ираке и Палестине...». В заключение Н. Чемберлен, однако добавил: «Вопрос о военных действиях английских войск против друзей не ставился» [2, с. 454]. Чемберлен, разумеется, умолчал о том, что Англия обещала помочь французам подавить сирийское восстание в обмен на поддержку Парижем притязаний Англии на Мосул.

Франко-английское соглашение сказалось на позиции Лиги Наций. Генеральный секретарь организации – англичан Эрик Друммонд, отказался принять представителя сирийского освободительного движения, который попросил содействия международного форума [3, с. 454]. Фактически окончилась ничем и работа постоянной комиссии Лиги наций по мандатам. Вначале японская и голландская делегации заявили себя сторонниками самоуправления Сирии, надеясь завоевать авторитет в странах Ближнего Востока. Им противостоял франко-английский блок, поддержанный Бельгией и Португалией. Сирийская делегация выехала в Рим, где проходила комиссия представив убедительные свидетельства бесчинств и насилие французских вооружённых сил. Но сирийцев никто не хотел слушать. Их материалы не были приняты во внимание. Вскоре голландские и японские делегаты отказались от своей позиции: взяли верх опасения за собственные колонии. В докладе, который комиссия предоставила Совету Лиги наций в марте 1926 г., было лишь отмечено, что проведенная французскими властями в Сирии денежная реформа нанесла вред экономике Сирии, и поставлено в вину Франции «отсутствие последовательности в

управлении Сирией, частая смена комиссаров и частая административная реорганизация. В заключении комиссия заявила, что Франция, якобы, стремится способствовать созданию в Сирии «самоуправляющего государства» [2, с. 455]. Это был удар по надеждам Сирийского народа.

На помощь Франции пришли США. В Бейрут были направлены два американских миноносца. якобы для защиты американских граждан, послала свои корабли и Италия [7, с. 98]. Действительная их цель заключалась в том, чтобы помешать повстанческим войскам выйти к ливанскому побережью. Французская дипломатия старалась внести раскол в ряды арабских националистических организаций. В середине ноября 1925 г. в Париже Б. Жувенель начал переговоры с лидерами сирийских националистов. Сирийскую сторону представлял исполком сирийско-палестинского конгресса. В начале переговоров представители конгресса потребовали от Франции принятия следующих условий: отмены мандата и признания независимости Сирии; вступления Сирии в Лигу Наций; предоставление Ливану возможности создания своего независимого правительства; установления формы правления по желанию свободно избранного Учредительного собрания; заключение франко-сирийского договора на 20–30 лет для определения французских привилегий в Сирии [7, с. 111]. Сирийские представители соглашались на сохранение оккупационных войск в военно-морской базе Франции в Ливане, на заключение военного союза с Францией и сохранение за французским капиталом своих позиций в экономике Сирии. Французская сторона медлила с ответом. В конце ноября 1925 г. переговоры были перенесены в Каир. Исполком сирийско-палестинского конгресса вручил Б. Жувенелю новый меморандум. Сирийцы требовали создания независимого сирийского государства, образования временного национального правительства, проведения выборов в учредительное собрание, которое определит конституционную систему и срок эвакуации французских войск из Сирии после создания национального правительства [2, с. 456].

Оттягивая ответ, Б. Жувенель надеялся посеять рознь между отдельными сирийскими племенами. 1 декабря 1925 г. он прибыл в Бейрут, где начал устанавливать контакты с феодалами и купцами, щедро давая обещания предоставить им различные привилегии, запугивая революционными последствиями дальнейшего продолжения войны. 22 декабря делегаты от дамасских купцов и феодалов вручили Жувенелю меморандум, содержащий значительно меньшие, чем ранние требования. Из меморандума было исключено условия образования временного правительства, проведения свободных выборов в Учредительное собрание и всеобщей амнистии [2, с. 459]. Жувенель стремился путем лавирования и демагогических обещаний ослабить фронт национально-освободительной борьбы. Он попытался натравить христианскую часть населения против повстанцев мусульман. Султан аль-Атраш выпустил воззвание, где подчеркнул, что восстание носит национальный, а не религиозный характер [2, с. 457]. В начале 1926 г. Б. Жувенель издал декрет об амнистии тем повстанцам, которые сложат оружие и вернуться в свои дома. К вождям, которые сдадутся, он обещал не применять смертной казни. Другой декрет провозглашал созыв представительного совета, создаваемого путем выборов в тех районах, где не было осадного положения. В остальных районах предполагалось

провести выборы лишь после наведения там «порядка». Представительный совет должен был одобрить будущую конституцию, основанную на правах державы мандатария.

Арабские лидеры отвергли декреты Б. Жувенеля. Выборы в Алеппо, назначенные на январь 1926 г., подверглись всеобщему бойкоту. Не привели к успеху и переговоры Б. Жувенеля с руководством национально-освободительного движения. Султан аль-Атраш ещё в декабре 1925 г. опубликовал заявление о том, что «национальная революция только началась» и что он может принять мир лишь на условиях признания независимости и одобренного повстанцами, равноправного франко-сирийского договора [5, с. 175–176]. В мае 1926 г. им было сформировано национальное правительство Сирии, и даны обещания провести амнистию и созвать Учредительное собрание, объединить страну. Обещания эти были нарушены, правительство вскоре было разогнано. Цель была достигнута.

Французы в 1926 г. дали согласие на создание на территории Ливана правительства и двухпалатного парламента с республиканской конституцией. Давая понять сирийцам, что они могут получить то же самое, если пойдут на соглашение с Францией. Французы реализовывали свои намерения обособить Ливан от Сирии как страну с преобладавшим в то время христианским населением и многовековыми контактами этого населения с Западом, прежде всего с Францией и Ватиканом, а также с протестантами Англии, и США. С конституцией 1926 г. французские власти не считались и могли отменить любое решение ливанского правительства, их не устраивавшее. Внешняя политики Ливана и вопросы обороны формально оставались в компетенции Франции [7, с. 115].

Тактика де Жувенеля была направлена на раскол повстанческих сил. Для достижения своей цели он использовал предательские позиции определенной части феодалов и предпринимателей. Они боялись репрессий мандатных властей и революционного размаха повстанческого движения, в ходе которого партизаны в ряде случаев забирали собственность богачей. Англия, опасавшаяся отголосков сирийского восстания в Палестине, поддержала Францию в её стимулировании регионального сепаратизма, обещая феодалам северных областей автономию, всячески натравливая их на южных сирийцев-друзов и жителей области Дамаск. Особое внимание было уделено Ливану после захвата повстанцами юга Ливана в ноябре 1925 г. Весной 1926 г. французская армия закончила войну в Марокко. Французское командование смогло высвободить значительные людские силы (70 тысяч солдат) для подавления восстания в Сирии.

Большую помощь французам оказывали вспомогательные воинские части, укомплектованные жителями Ливана и Сирии. В 1926 г. численность таких частей составляла 30 тысяч человек. Они были сформированы из ливанской Христианской добровольческой армии, сирийской жандармерии, полиции и Сирийского легиона, в который вошли представители различных национальностей. Основной удар был нанесен по центру восстания – Джебель-Друз. В этот район, где жило не более 60 тысяч человек, было брошено свыше 10 тысяч французских солдат [4, с. 89]. Применяя тактику «выжженной земли», мандатные власти уничтожали посевы, угоняли скот, грабили имущество, сжигали деревни, стараясь оставить повстанцев

без снаряжения и питания. В апреле французы заняли столицу друзского государства – Сувейду, а в июне – Салхад, один из центров восстания. Одновременно было развернуто наступление в Ливане, Северной Сирии и окрестностях Дамаска. Несмотря на численное превосходство французов, мощь их техники, повстанцы, возглавляемые Султаном аль-Атрашем, продолжали героическую борьбу против захватчиков. В августе 1926 г., начался новый подъем движения, был разгромлен ряд карательных экспедиций, повстанцы вновь вошли в Дамаск. Французы предприняли наступление осенью 1926 г., закончившееся подавлением восстания. Отдельные стычки продолжались до марта 1927 г. В мае 1927 г. султан аль-Атраш, с группой в 600 повстанцев вынужден был уйти в Трансиорданию, зимой 1928 г. он возвратился в Сирию и возглавил последние очаги вооруженной борьбы. После окончательного подавления восстания он бежит в Саудовскую Аравию [2, с. 451].

В результате восстания в Сирии и Ливане попытка путем вооруженной борьбы освобождения от французского господства терпит неудачу. В восстании приняли участия крестьяне, ремесленники, рабочие, купцы и даже отдельные феодалы. Неудачи восстания можно объяснить не только игрой французов на этнической и религиозной разобщенности различных групп населения Сирии и Ливана, а также их военно-техническим превосходством, и их политическими маневрами вплоть до формального признания независимости Ливана в мае 1926 г.

Сирийские Лидеры, в том числе в Джебель-эд-Друзе, как правило, отходили от восстания, как только оно выходило за границы феодального мятежа с ограниченными локальными целями. Городское купечество, стремившееся вырвать, у мандатных властей с помощью повстанцев побольше уступок, но в тоже время не хотевшее уничтожения товаров и упадка торговли, разрушения домов и лавок, в конечном счете шло на уступки французам. По этой причине различные группы сирийской элиты, шли на контакт с мандатными властями. С самого начала часть этой элиты поддерживала страну-Мандатария, что помогло Понсо, сменившего де Жувенеля, в конце 1926 г. договориться с предпринимателями Сирии о деловом сотрудничестве с французским капиталом. Приняв ряд мер в пользу развития промышленности этих стран, он способствовал профранцузским настроениям в среде коммерсантов и связанных с ними групп интеллигенции и чиновничества. Национально-освободительное движения 1925–1927 гг. сыграло значительную роль в истории Сирии и Ливана. Оно свидетельствовало о серьезном кризисе мандатной системы и шагом на пути к независимости.

Список использованных источников и литературы:

1. Батенко А. В. История Палестины: Международный аспект (1897 –2009 гг.) / А. В. Батенко, Р. А. Близняков, Д. А. Малышев, С.С. Щевелев. – Симферополь; Киев: Доля, 2011.– 505 с.
Batenko A. V. Istoriya Palestiny: Mezhdunarodnyy aspekt (1897–2009 gg.) / A. V. Batenko, R. A. Bliznyakov, D. A. Malyshev, S.S. Shchevelev. – Simferopol'; Kiyev: Dolya, 2011.– 505 s
2. Громыко А.А. История Дипломатии / А.А. Громыко. И.Н. Земскова, В.А. Зорина, В.С. Семен и др. – М.: Политической литературы, 1965. –595 с.
Gromyko A.A. Istoriya Diplomatii /A.A. Gromyko. I.N. Zemskova, V.A. Zorina, V.S. Semen i dr. – M.: Politicheskoy literatury, 1965–595 s.

3. Гурко-Кряжин В. А. Национально-освободительное движение на арабском Востоке / В. А. Гурко-Кряжин // Новый Восток. – 1922. – №1. – С. 45–86.
Gurko-Kryazhin V. A. Natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye na arabskom Vostoke / V. A. Gurko-Kryazhin // Novyy Vostok. – 1922. – №1. – С. 45–86.
4. Ланда Р. Г. Сирия и Ливан под Французским мандатом / Р. Г. Ланда // История Востока. – 2006. – №5. – С. 144–158.
Landa R. G. Siriya i Livan pod Frantsuzskim mandatom / R. G. Landa // Istoriya Vostoka. – 2006. – №5. – С. 144–158.
5. Кайзер Ж. Европа и новая Турция / Ж. Кайзер. – М., – 1925. – 154 с.
Kayzer ZH. Yevropa i novaya Turtsiya / ZH. Kayzer. – М., – 1925. – 154 s.
6. Andrea La révolte druze et l'insurrection de Damas 1925–1926 / La Andrea. – Paris.: Payot, 1937, – 244 p.
7. Achard E. Notes sur la Cilicie et notes sur la Syrie / E. Achard. – Paris., – 1922, – 256 p.
8. Kohn.H. Nationalismus und Imperialismus im Vordern Orient / H. Kohn. – F. a. Main.: Librairie Pion, 1931. – 414. p.
Mounayer N. La regime de la terre en Syrie / N. Mounayer. – Paris., – 1929. – 286 p.

Bershov V. N. The Syrian Revolt of 1925–1927 on mandatory territories (syria and lebanon): causes, progress and consequences

The article considered the struggle of the Syrian people against the French Mandate Administration, the period of 1925–1927, namely, the national liberation movement under the leadership of Sultan al-Atrash. The uprising covered the entire territory of the Syrian provinces and districts. The event under study served as the starting point by which the French authorities and the world community realized that the principles of the pursued colonial policy should be revised in relation to the mandated territories. The national liberation movement of 1925–1927. played a significant role in the history of Syria and Lebanon. It testified to a serious crisis of the mandate system. The French authorities were forced to seek flexible forms of government. The result of the uprising was the admission of Syrian and Lebanese nobility to French joint-stock companies, the convocation of the Constituent Assembly in 1928, the adoption of the 1930 constitution, which established a republican form of government in Syria, the holding of elections in 1931, and other steps towards independence. associated with the formation of independence, are pronounced topical. The attractiveness of sovereignty is the trend of regional development of the world periphery of the second half of the twentieth century. The Syrian uprising is a stage to gaining freedom. The French administration on the Syrian Mandate increasingly led to resistance from the local population. The adoption of the Syrian Constitution, prescribed in the mandate, was postponed for three years, which caused discontent among the elite. Unresolved issues in the field of agriculture, the closure of local industries, in favor of French and foreign companies, unemployment led to instability in society, which ultimately led to the largest uprising that engulfed the entire territory of Syria.

The purpose of the study is to study the causes and consequences of the uprising of 1925–1927.

Keywords: Uprising, liberation movement, France, Syria.

УДК: 902.2/902.3

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
ОКРУГИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2017 Г.)¹**

**Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А.,
Ганцев В. К., Михайлов А. М., Набоков А. И.**

**Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: gertsenag@yandex.ru; byzance@rambler.ru; tnu.dushenko@mail.ru;
valentin.gancev@mail.ru; kobaphoe1@yandex.ru; artur-nabokov@rambler.ru**

Статья посвящена предварительным итогам археологических исследований округа Мангупского городища в 2017 г. В результате разведок, проводившихся на юго-западной окраине с. Красный Мак, был открыт ряд новых памятников археологического наследия. В гроте скального останца Кызык-Кулак-Кая были найдены наскальные рисунки, предварительно датированные эпохой энеолита. На вершине останца и у его подножья открыт комплексный объект, включающий поселение и скальное убежище I – III вв. н.э. Кроме того в округе Кызык-Кулак-Кая были обнаружены руины постройки на плато Безымянное и грот с граффити в виде крестов и тамгообразного знака.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Мангуп, археологическая карта, Кызык-Кулак-Кая, наскальные рисунки, граффити

Мангупское городище представляет собой крупнейший памятник из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. История его археологического изучения насчитывает более 150 лет. Первые раскопки на территории городища в середине XIX в. провел граф А.С. Уваров [28]. Исследования памятника периодически возобновлялись в 1890 г. (работы Ф. А. Брауна) [1], 1912–1914 гг. (работы Р. Х. Лепера) [13; 14; 15], 1938 г. (работы Е. В. Веймарна, М. А. Тихановой, А. Л. Якобсона) [3; 27; 31].

После создания в 1967 г. Мангупской археологической экспедиции Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе² археологические исследования городища приобрели более масштабный и систематический характер. Одним из основных итогов раскопок памятника стало формирование его периодизации, основанной на значительном массиве надежно стратифицированного археологического материала, подкрепленного данными письменных и эпиграфических источников [5; 8].

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта № ВГ 7/2017 «Историческая топография округа пещерного города-крепости Мангуп-Кале», поддержанного Федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

² С 2015 г. – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».

В качестве особого научно-исследовательского вектора работ Мангупской археологической экспедиции в последние десятилетия выдвинулось археологическое изучение окружи городища. В начале 80-х гг. XX в. при строительстве водохранилища у с. Ходжа-Сала В. А. Сидоренко был открыт комплекс раннесредневековых памятников, включавший трехнефную базилику, грунтовый могильник и оборонительную стену [25]. В 1981 г. В.Л. Мыцом был раскопан крестообразный храм на юго-восточном склоне Мангупа [16].

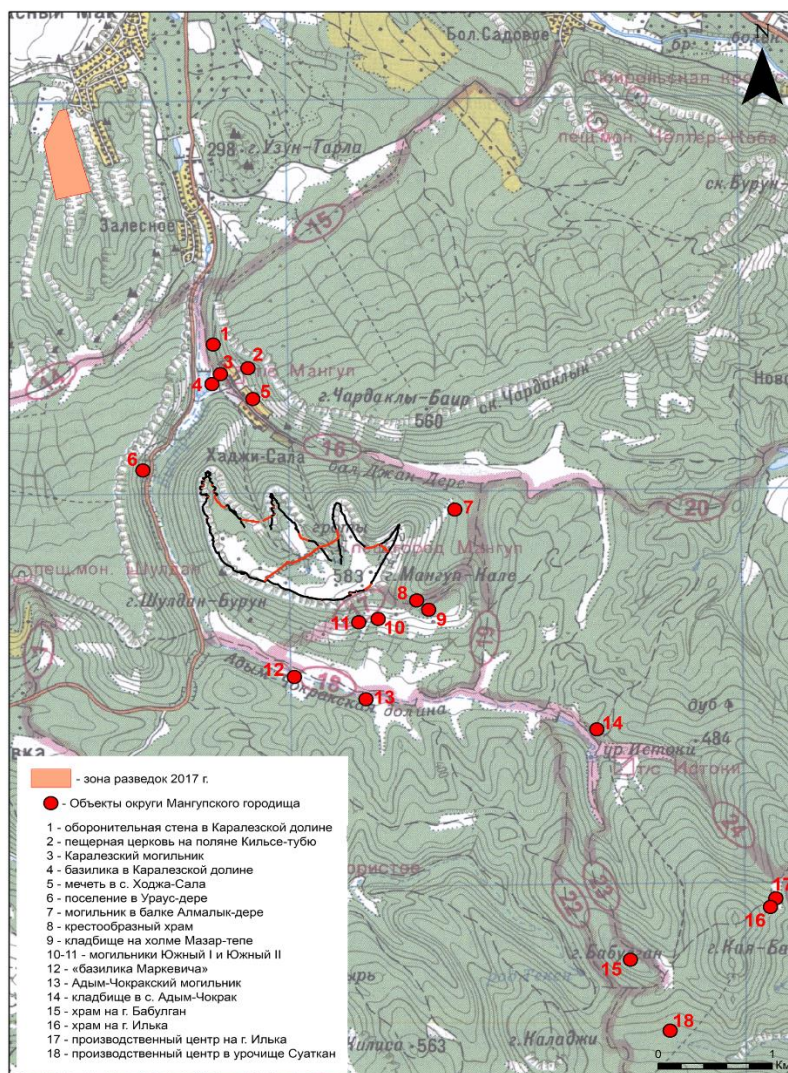

Рис. 1. Карта археологических памятников окружи Мангупского городища с указанием зоны разведок 2017 г. (выполнена А. А. Душенко).

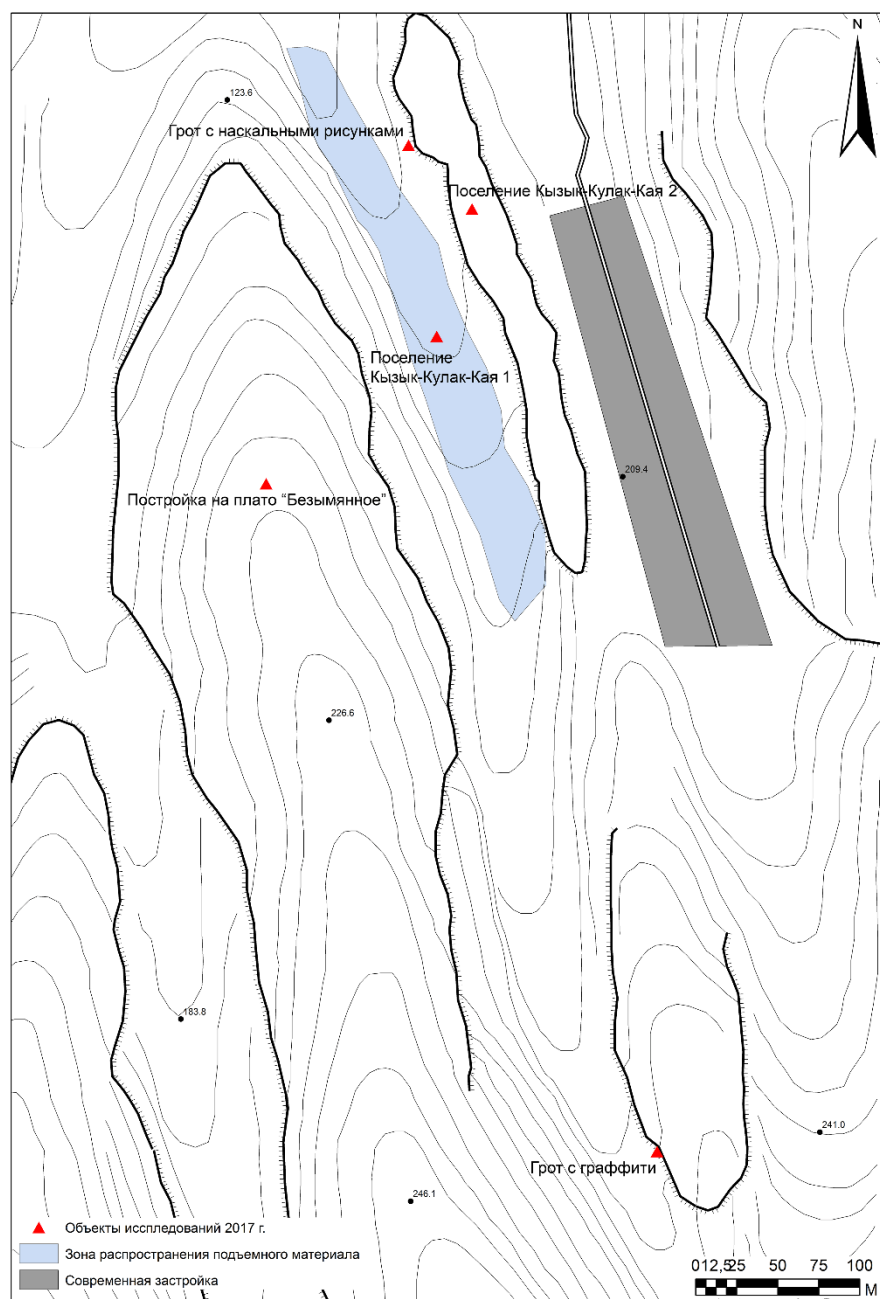

Рис. 2. Топографический план участка разведок 2017 г. (выполнен А. А. Душенко).

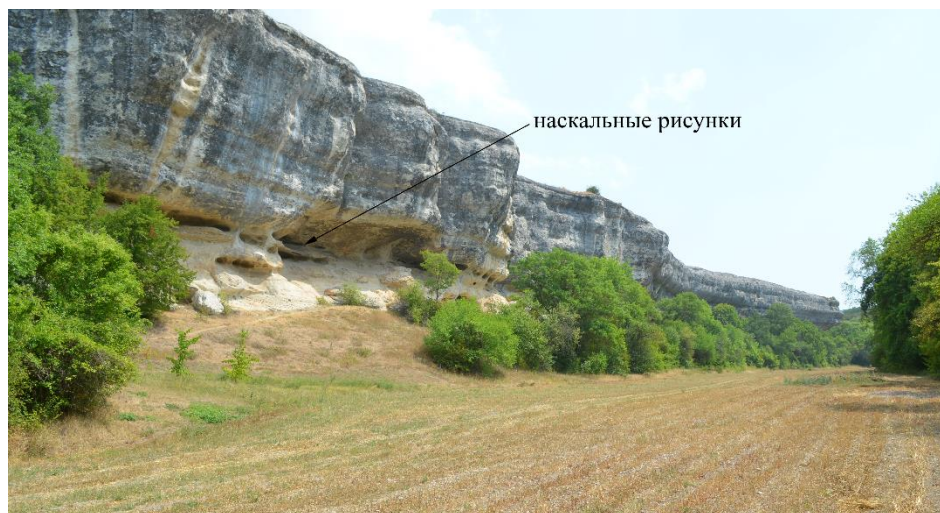

Рис. 3. Скальный останец Кызык-Кулак-Кая. Местоположение грота с наскальными рисунками (фото А. Г. Герцена).

В 1996 г. на южном берегу водохранилища у с. Ходжа-Сала был раскопан участок поселения, датирующегося IX в. [17]. С середины 1990-х гг. ведутся охранно-археологические исследования четырех раннесредневековых некрополей, расположенных на южном (могильники Адым-Чокрак, Южный I, Южный II) и юго-восточном (могильник в балке Алмалык-дере) склонах Мангупа [33; 35; 32; 34].

В 2003 г. сотрудниками Мангупской экспедиции был открыт храмовый комплекс XIV-XV вв., построенный на месте святилища позднеимперского времени на вершине г. Бабулган [6]. Достаточно масштабные археологические разведки округа Мангупа с применением методов GIS проводились в рамках международного проекта по изучению крупнейших «пещерных городов» Крыма – Мангупа и Эски-Кермена [30; 36].

В 2010-2016 гг. проводились систематические археологические исследования южной периферии Мангупского городища, охватывающей территорию Адым-Чокракской долины и ограничивающей ее с юга цепи горных вершин (горы Илька, Орта-Сырт, Кая-Баш, Казанчик-Кая, Бабулган). Еще в начале 1990-х гг. в этом регионе были выявлены следы производства строительной керамики [23, с. 72, 74, 84-85]. Применение традиционных методов археологических исследований наряду с методикой магниторазведки позволило локализовать два крупнейших в Горной Крыму средневековых центра производства кровельной черепицы, расположенных на г. Илька и в урочище Суаткан [18; 19]. Кроме того, были полностью раскопаны два храмовых комплекса – придорожная часовня конца XIV – первой половиной XV вв. на вершине г. Илька [21] и пятиапсидный храм конца IX – первой половины X вв. (так называемая «базилика Маркевича») в Адым-Чокракской долине [22].

К настоящему времени карта археологических памятников округа Мангупского городища насчитывает 18 разноплановых объектов – поселения, производственные

центры, культовые комплексы, некрополи, фортификационные сооружения (Рис. 1). Хронология их функционирования охватывает практически всю эпоху средневековья, что свидетельствует об активном антропогенном освоении округа Мангупа на протяжении всей истории городища.

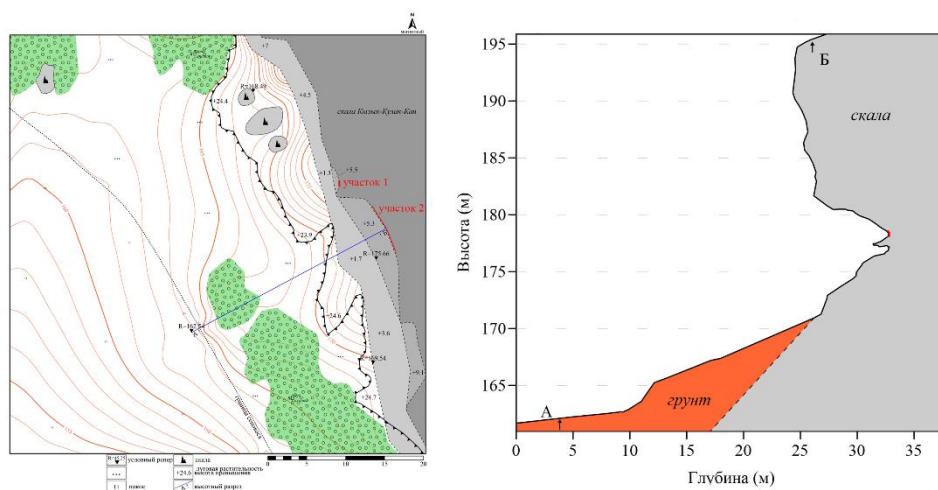

Рис. 4. Грот с наскальными рисунками. Топографический план и разрез (выполнен А. М. Михайловым).

Археологические разведки округа Мангупского городища в 2017 г. были сконцентрированы на юго-западной окраине с. Красный Мак Бахчисарайского района Республики Крым (Рис. 1). Выбор участка исследований был связан с сообщением о находке наскальных рисунков в одном из гротов расположенного здесь скального останца Кызык-Кулак-Кая, полученного от местного жителя А. Остапчука¹.

Останец Кызык-Кулак-Кая дважды упоминается в архивных источниках и специальной литературе, при этом сведения о наскальных рисунках отсутствуют. В «Материалах к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» Н. И. Репникова приведены два варианта перевода его названия – «щавелевый мыс» или «мыс овечье ухо». При осмотре памятника сотрудниками Эски-Керменской экспедиции в 1937 г. был собран подъемный материал, представленный фрагментами керамики II в. до н.э. – II в. н.э. и пробитой медной монетой конца IV в. до н.э. [24, с. 296].

Результаты повторного осмотра останца Кызык-Кулак-Кая кратко упомянуты в работе Е.В. Веймарна. В центральной части плато им была заложена разведочная траншея, основную массу находок составили фрагменты темноглиняной лепной керамики. Памятник был определен как «таврское убежище» [3, с. 428-429].

¹ Авторы благодарят А. Остапчука за предоставленную им информацию.

Рис. 5. Наскальные рисунки участка 1, фрагмент (фото В. Л. Руева).

Рис. 6. Наскальные рисунки участка 1, фрагмент (фото В. Л. Руева).

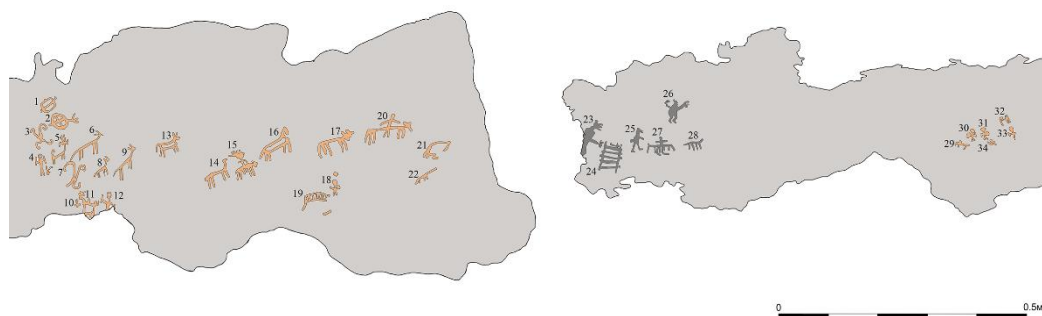

Рис. 7. Наскальные рисунки участка 2 (прорисовка А. А. Душенко).

Предварительный осмотр объекта сотрудниками Мангупской экспедиции в 2016 г. подтвердил наличие наскальных рисунков в одном из гротов обрыва скалы Кызык-Кулак-Кая. В связи с этим было принято решение о проведении детальной археологической разведки окружающей местности. В результате работ, проводившихся в 2017 г., был выявлен ряд неизвестных ранее объектов археологического наследия, публикации которых посвящена данная статья.

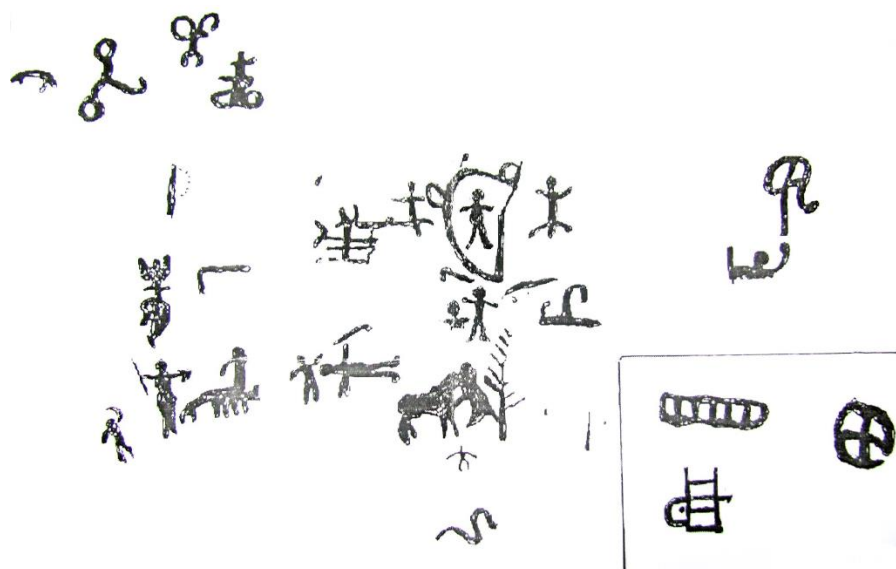

Рис. 8. Наскальные рисунки навеса Таиш-Аир I (по: [12, рис. 15]).

В физико-географическом плане участок исследований представлял собой узкую (375 x 90 м) балку, вытянутую по линии север-северо-запад – юг-юго-восток (Рис. 2). С востока оно ограничено скальным останцем Кызык-Кулак-Кая, с запада – аналогичным геологическим образованием, получившим обозначение «плато

Безымьянное». Северную границу участка разведок определяет современная хозяйственная застройка с. Красный Мак, южную – узкая лесополоса. Склоны балки заросли кустарником и деревьями преимущественно лиственных пород (бук, граб, дуб), тальвег ее в настоящее время используется в качестве пахотного поля.

Рис. 9. Поселение Кызык-Кулак-Кая 1. Процесс сбора подъемного материала (фото А. А. Душенко).

Скала Кызык-Кулак-Кая представляет собой изолированное плато длиной около 350 м и шириной до 40 м. Высота обрывов достигает 30 м. На вершине плато сохранились участки дернового слоя, растительность отсутствует. Длина вытянутого с севера на юг плато Безымьянное достигает 890 м, максимальная ширина его – 175 м. Территория плато густо облесена.

Грот с наскальными рисунками расположен под северо-западным обрывом останца Кызык-Кулак-Кая (Рис. 3). В плане он имеет полукруглую форму (Рис. 4). Ширина грота составляет около 17 м, глубина относительно линии обрыва – около 7 м, высота – 9 м. В глубине грота находится узкая скальная полка длиной до 8,5 м, над которой расположены два участка наскальных рисунков.

Участок 1 расположен в северной части скальной полки, на стене отдельного природного углубления. Изображения нанесены оранжевым минеральным красителем (вероятно, охрой) и в настоящее время плохо различимы. Среди отдельных пятен и полос краски читается крест (Рис. 5) и фигура, напоминающая букву Н (Рис. 6).

Участок 2 расположен в центральной части скальной полки и представляет собой сложно-композиционное панно, объединенное, вероятно, общим сюжетом (Рис. 7). Общие размеры участка 2 составляют 2 x 0,5 м. По своему расположению на панно рисунки делятся на три группы.

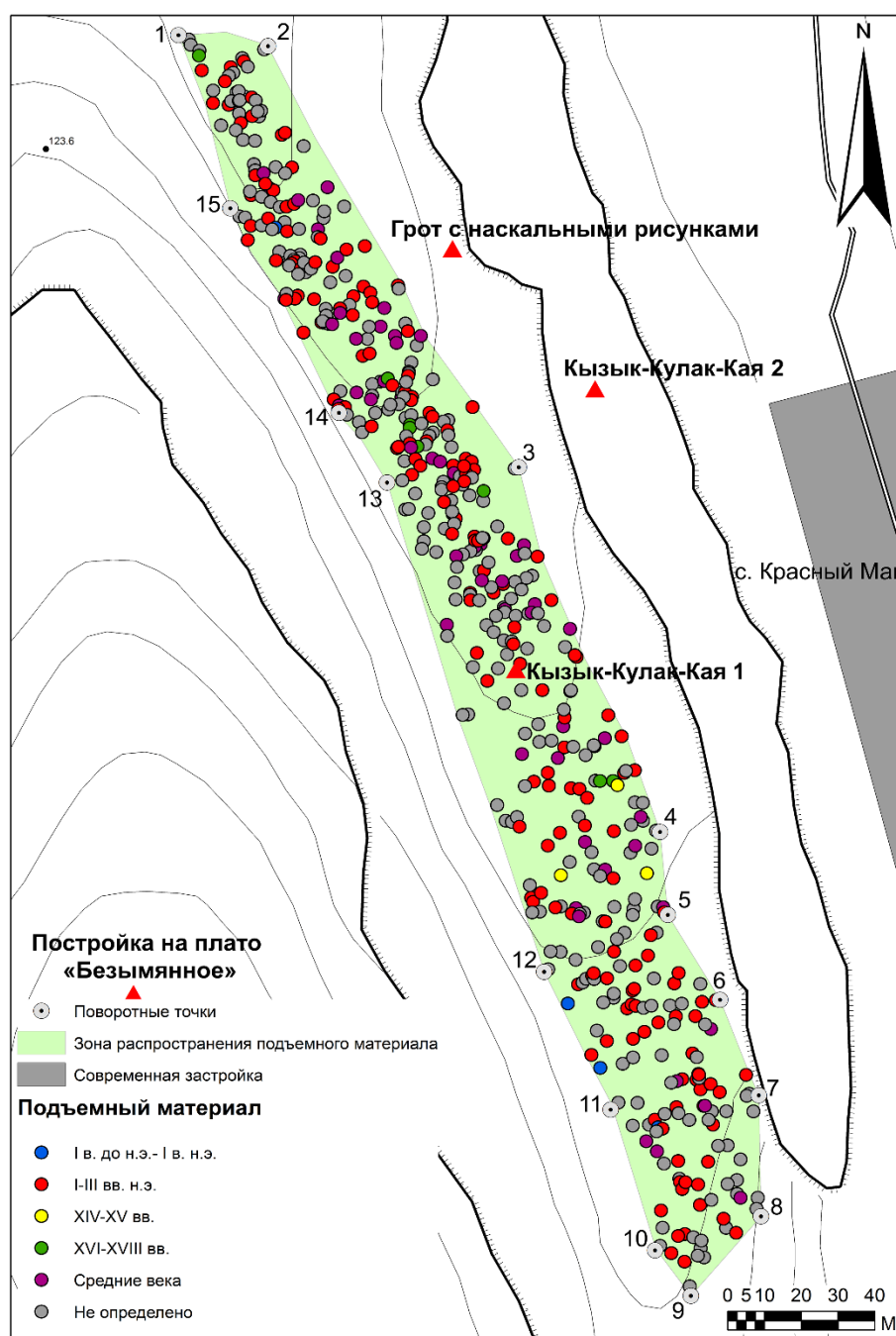

Рис. 10. Поселение Кызык-Кулак-Кая 1. Карта распространения подъемного материала (выполнена А. А. Душенко).

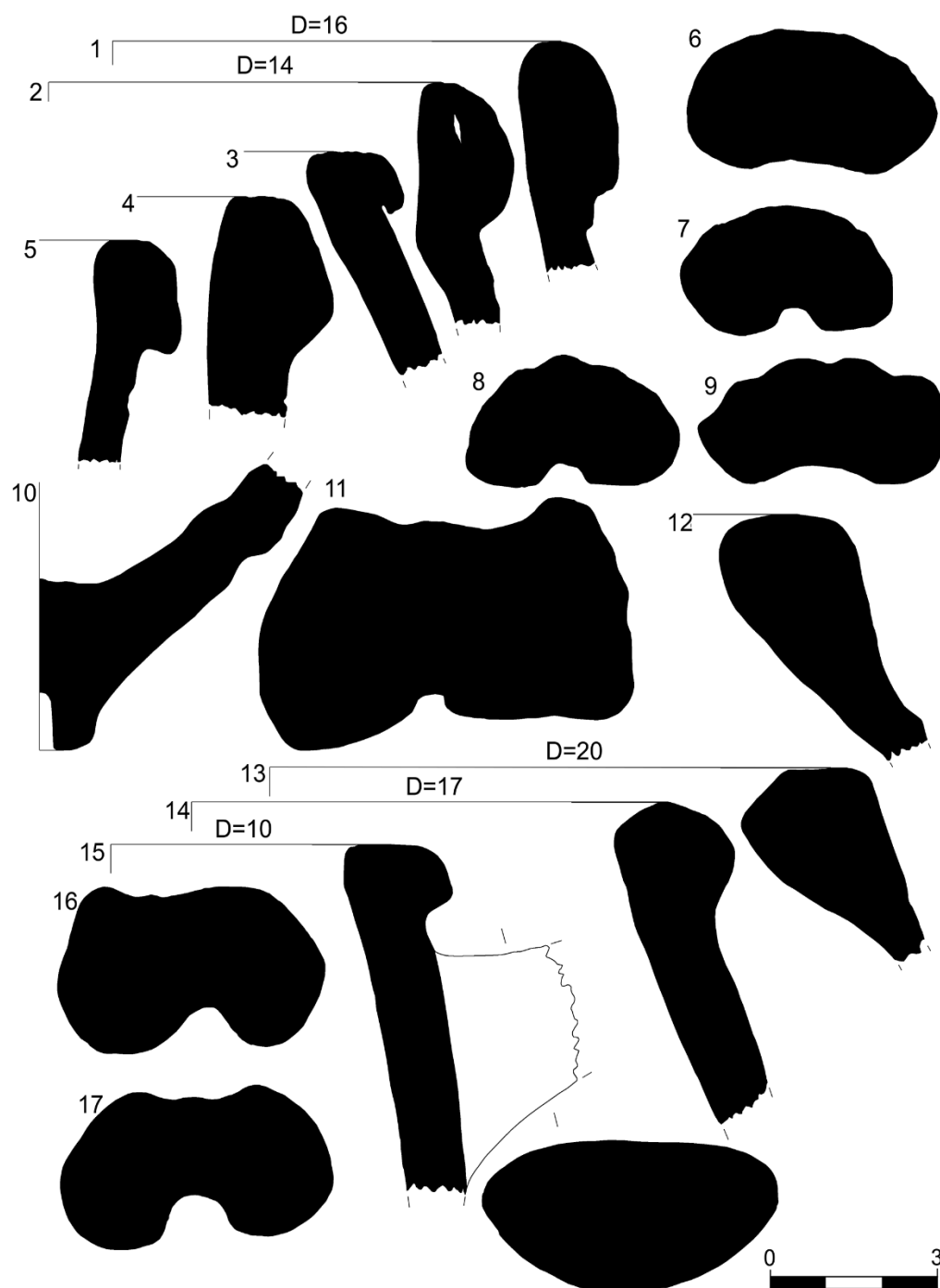

Рис. 11. Поселение Кызык-Кулак-Кая 1. Находки.

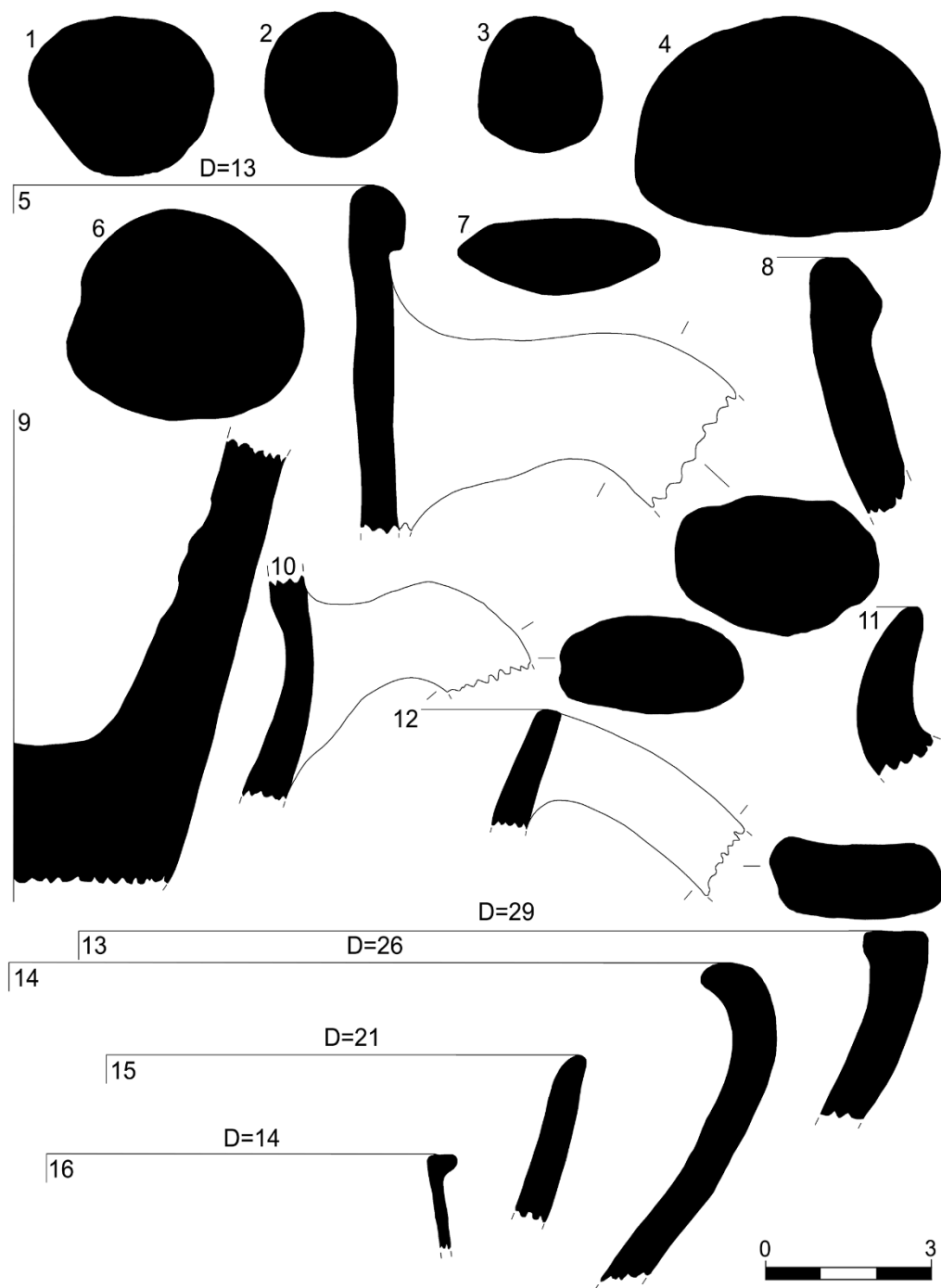

Рис. 12. Поселение Кызык-Кулак-Кая 1. Находки.

Группа 1 включает 22 изображения, в том числе четыре солярных знака (Рис. 7, 1–3, 7), четыре фигуры пешеходов с оружием в руках (Рис. 7, 4, 10, 12, 18), две фигуры всадников (Рис. 7, 15, 20), десять фигур животных (Рис. 7, 5, 6, 8, 9, 13, 14, 16, 17, 19, 22), два неопределенных знака (Рис. 7, 11, 21). Все рисунки нанесены оранжевым минеральным красителем. Фигуры животных и всадников направлены направо, к центру панно. Среди изображений животных узнаваемы фигуры оленя (лося) (Рис. 7, 5), коровы (Рис. 7, 13), лошади (Рис. 7, 16). Три из четырех фигур пешеходов вооружены копьями и щитами, схематично изображенными в виде линий и овалов (Рис. 7, 4, 12, 18). Всадник в центре группы (Рис. 7, 15) изображен в головном уборе в виде расходящихся в стороны линий, что может свидетельствовать о его особом социальном статусе.

Рис. 13. Поселение Кызык-Кулак-Кая 2. Вырубленные в скале ступени в юго-восточном обрыве скального останца (фото А. Г. Герцена).

Рисунки группы 2 расположены в 0,27 м к югу от группы 1. Очевидно, их левая часть утрачена в результате разрушения скальной поверхности. Сохранившиеся рисунки нанесены черным красителем. Группа насчитывает шесть изображений – три антропоморфных фигуры (Рис. 7, 23, 25, 26), всадника (Рис. 7, 27), фигуру в виде лестницы (Рис. 7, 24), фрагмент рисунка животного (Рис. 7, 27). Следует отметить особый стиль трех антропоморфных изображений, выделяющий их на фоне других

представленных на панно рисунков человеческих фигур. Во-первых, их размеры на 20-30% превышают остальные изображения людей. Во-вторых, они менее схематичны и более детализированы, что выражается в прорисовке ступней и пальцев рук. Все три фигуры имеют головные уборы, напоминающие птичий клюв.

Группа 3 расположена на расстоянии 0,5 м к югу от рисунков группы 2. Она включает шесть изображений, в том числе три фигуры пешеходов с копьями и щитами (Рис. 7, 30, 31, 33), фрагмент фигуры животного (Рис. 7, 32) и два неопределенных знака (Рис. 7, 29, 34). Рисунки группы 3 нанесены оранжевым красителем.

Интерпретация сюжета наскальных рисунков в гроте скалы Кызык-Кулак-Кая вызывает определенные трудности. Ключевым вопросом, как кажется, здесь является относительная хронология трех описанных выше групп изображений. Если каждая из них передает отдельный сюжет, то рисунки группы 1 могут рассматриваться как сцена перегона скота конными и пешими пастухами. Группа 2 в этом случае представляется слишком фрагментированной для интерпретации сюжета изображений. Группа 3 может быть как частью общей сцены с рисунками группы 1, так и рассматриваться в качестве самостоятельной практически полностью утраченной композиции.

Ряд косвенных аргументов свидетельствует в пользу одновременности трех групп наскальных рисунков. Это, в первую очередь, схожая стилистика изображений и отсутствие пересечений между фигурами разных групп. Использование разных красителей может быть объяснено задачей художника противопоставить две группы людей. В этом случае общий сюжет изображений становится еще менее ясным.

Вопрос абсолютной хронологии наскальных рисунков останца Кызык-Кулак-Кая на данном этапе исследований также остается открытым. Подъемный материал и культурный слой в гроте отсутствуют. Единственным основанием для датировки памятника является стилистическая схожесть описанных изображений с рисунками навеса Таш-Аир I (Рис. 8), датированными Д.А. Крайновым эпохой энеолита [12, с. 108–122, рис. 15]. Очевидно, для уточнения хронологии этого нового уникального памятника наскальной живописи в Крыму требуется продолжение археологических исследований, включающих раскопки прилегающей к гроту территории и применение междисциплинарных методов.

Поселение Кызык-Кулак-Кая 1 расположено на современном пахотном поле в центральной части балки, разделяющей останец Кызык-Кулак-Кая и плато Безымянное (Рис. 2). Первичный осмотр выявил на площади поля значительную концентрацию фрагментов керамики. Их сбор сопровождался картографированием каждой находки с помощью ручного GPS-приемника (Рис. 9). Результатом применения этой методики стала карта зоны распространения подъемного материала, охватывающей площадь в 12 560 кв. м. (Рис. 10).

Плохая сохранность археологического материала, полученного в ходе разведок поселения Кызык-Кулак-Кая 1, затрудняет его определение. Находки сильно фрагментированы и заматы в результате вспашки поля. Из 508 фрагментов керамики удалось идентифицировать 276 единиц (54%), что позволило объединить их в четыре хронологические группы, представленные в таблице 1.

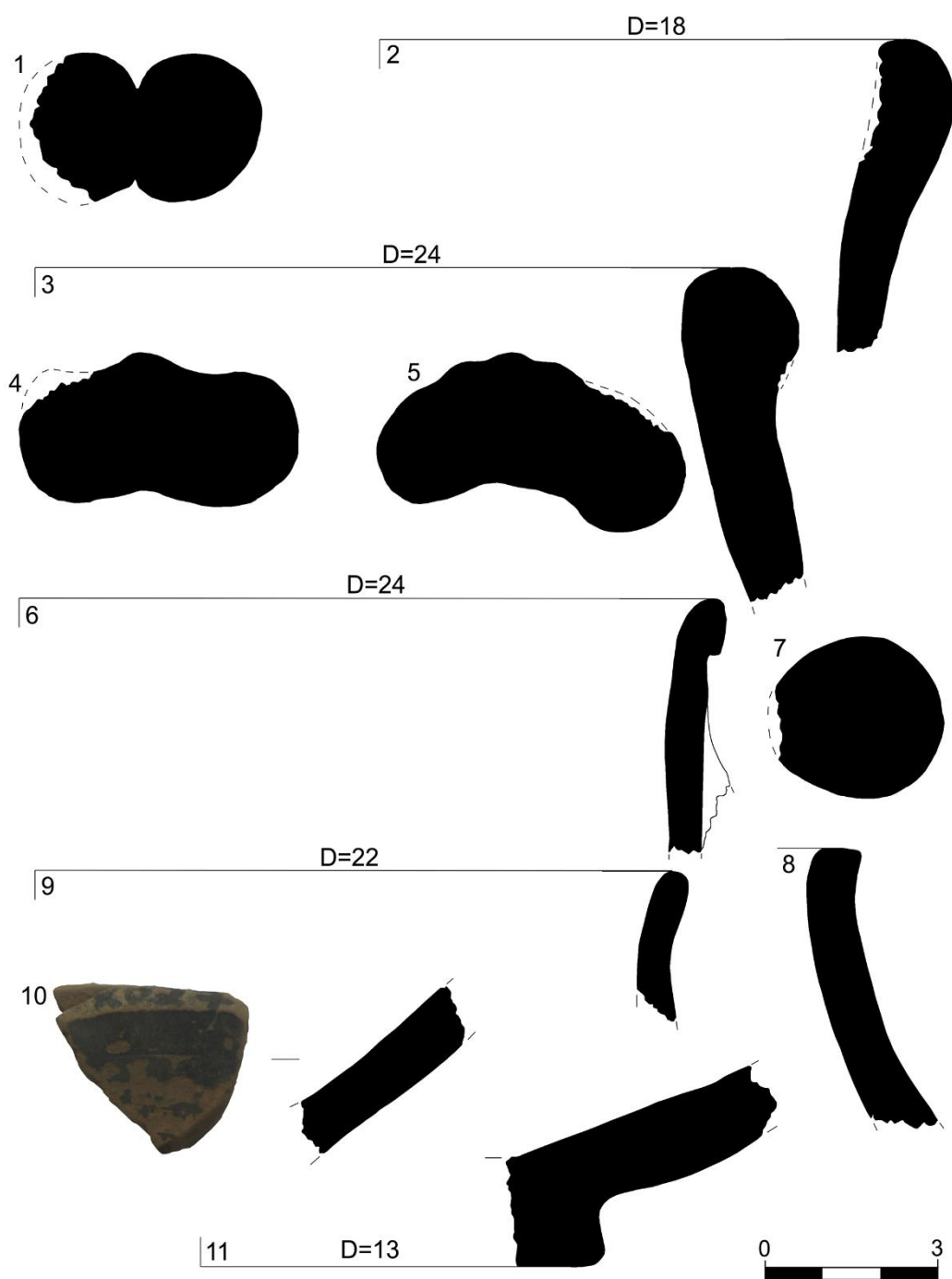

Рис. 14. Поселение Кызык-Кулак-Кая 2. Находки.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
ОКРУГИ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА...**

Таблица 1. Хронологические группы керамики поселения Кызык-Кулак-Кая 1

№ п/п	Датировка	Количество	%
1	I в. до н.э. – I в. н.э.	6	2,2
2	I–III вв. н.э.	196	71
3	XIV–XV вв.	15	5,5
4	XVI–XVIII вв.	59	21,3
	Итого:	276	100

Самая многочисленная группа керамики I–III вв. н.э. представлена, главным образом, фрагментами мирмекийских амфор типов 72 и 73 по классификации И. Б. Зеест (Рис. 11, 1–10) [11, с. 111–112, табл. XXX, 72, 73], амфор со сложнопрофилированными ручками типа 75 (Рис. 11, 11–17) [11, с. 113, табл. XXXI, 75], амфор с коническим дном типа 69 (Рис. 12, 1) [11, с. 111, табл. XXIX, 69], коричневоглиняных колхидских амфор с плоскими ручками первых веков н.э. (Рис. 12, 7) [4, с. 160–194]. Дополняет эту категорию находок фрагмент венчика краснолакового кувшина группы «Понтийская сигиллата А», датирующей I–III вв. н.э. (Рис. 12, 16) [10, с. 40].

Рис. 15. Руины постройки на плато Безымянное. Участок культурного слоя в борту грабительского шурфа (фото А. А. Душенко).

Второе место в количественном плане занимает керамика XVI–XVIII вв. Подавляющее большинство находок характерная для этого периода [9, с. 380] составляет красноглиняная кровельная черепица с дуговидным профилем типа

«татарка». К этой группе отнесены также фрагменты красноглиняных глазурованных кувшинов группы Monochrome Glazed Ware, датирующихся концом XVI – XVIII вв. [37, р. 150–151].

Группа находок XIV–XV вв. включает фрагменты красноглиняных, покрытых светлым ангобом, керамид и калиптеров. Этот тип кровельной черепицы на Мангупском городище характерен для комплексов XIV – третьей четверти XV вв. [9, с. 380; 7, с. 394; 20, с. 206]. Дополняют группу находки фрагментов столовых красноглиняных кувшинов, покрытых ангобом в тон черепку, относящихся к группе «Юго-западный Крым» по классификации И. Б. Тесленко (Рис. 12, 12) [26, с. 497–498, рис. 5–10; 7, с. 395].

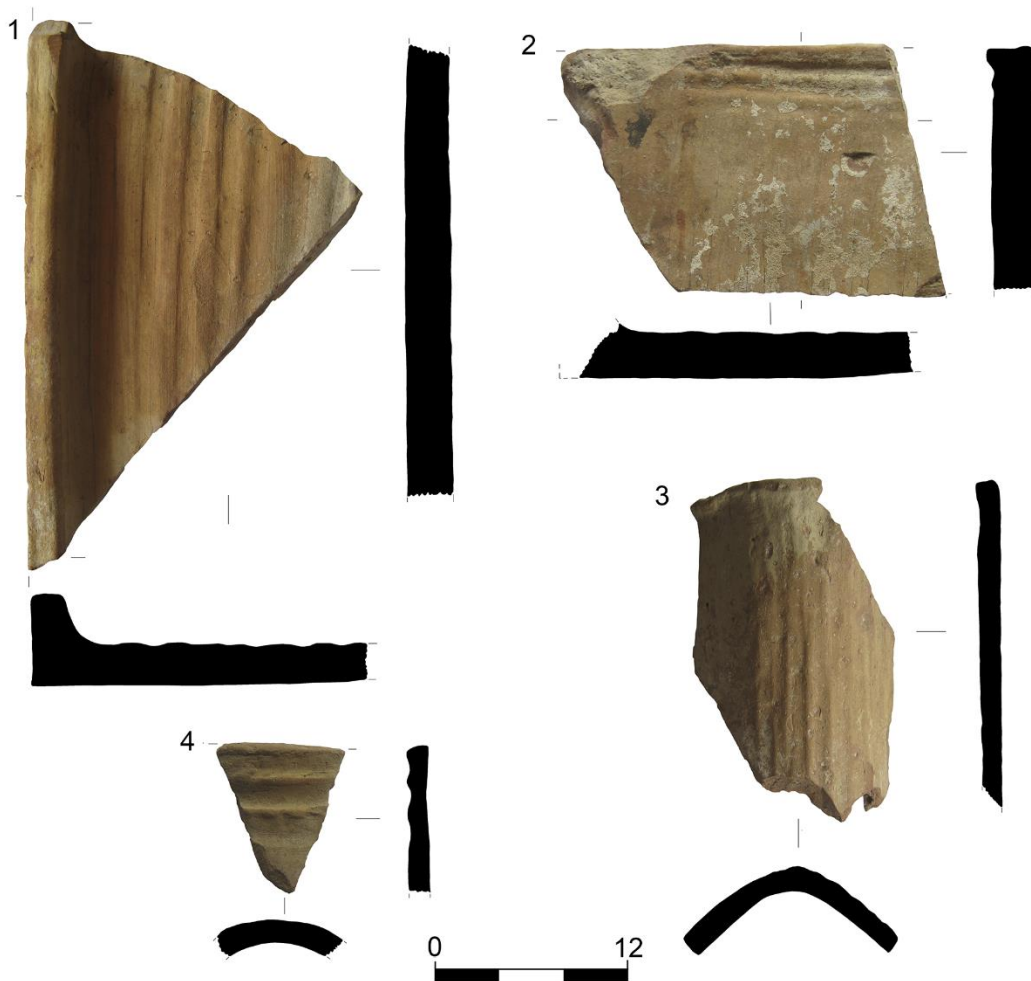

Рис. 16. Руины постройки на плато Безымянное. Находки.

Наименее многочисленную группу составляют находки I в. до н.э. – I в. н.э., представленные шестью фрагментами красноглиняных и светлоглиняных амфор с двустольными ручками типов 61 и 62 по классификации И.Б. Зеест (Рис. 12, 2, 3) [11, с. 109, табл. XXVI, 61, 62].

Многочисленные фрагменты керамики I–III вв. н.э. дают основание датировать поселение Кызык-Кулак-Кая I этим периодом. Находки более позднего археологического материала, очевидно, свидетельствуют об антропогенном использовании этой территории в эпоху позднего средневековья. Границы памятника на данном этапе исследований могут быть предварительно установлены в пределах зоны распространения находок. Для уточнения хронологии и этнокультурной атрибуции памятника требуется продолжение его археологических исследований.

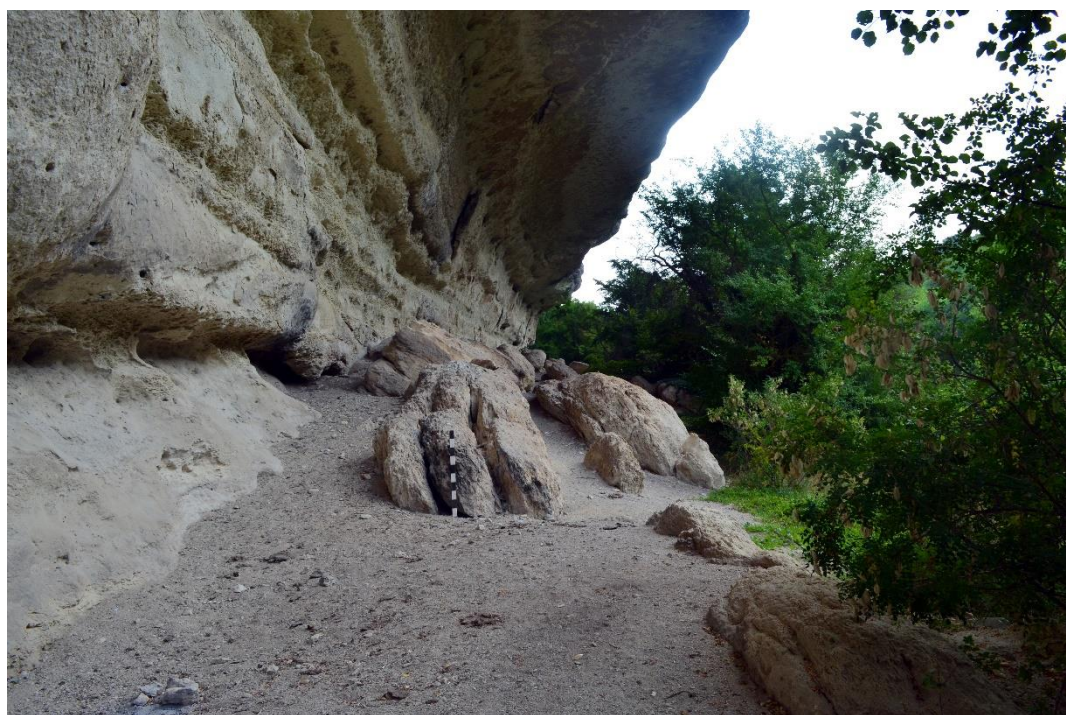

Рис. 17. Грот с граффити (фото А. А. Душенко).

Поселение Кызык-Кулак-Кая 2 расположено на вершине одноименного скального останца (Рис. 2). Доступ сюда затруднен высокими (до 30 м) скальными обрывами. В юго-восточной части останца были обнаружены искусственные скальные вырубki, в древности, видимо, использовавшиеся в качестве лестницы (Рис. 13). Большая часть территории плато представляет собой открытую скальную поверхность без следов обработки. Культурный слой мощностью 0,10–0,20 м сохранился в центральной и северной части плато. Здесь же были зафиксированы скопления фрагментов керамики. Как и на поселении Кызык-Кулак-Кая 1, степень

сохранности собранного на плато археологического материала крайне низка. Из 135 найденных черепков удалось идентифицировать 80 (59%) фрагментов, объединенных в четыре хронологические группы (Таблица 2).

Таблица 2. Хронологические группы керамики поселения Кызык-Кулак-Кая 2

№ п/п	Датировка	Количество	%
1	Эллинистическое время	1	1,3
2	I в. до н.э. – I в. н.э.	3	3,7
3	I–III вв. н.э.	70	87,5
4	XVI–XVIII вв.	6	7,5
	Итого:	80	100

Приведенная таблица наглядно демонстрирует сходство комплексов археологического материала, полученных в ходе разведок поселений Кызык-Кулак-Кая 1 и 2. Подавляющее большинство находок составляют материалы I–III вв. н.э., представленные фрагментами амфор типов 72 и 73 (Рис. 14, 3–5) [11, с. 111–112, табл. XXX, 72, 73], светлоглиняных амфор с воронковидным горлом типа 90 (Рис. 14, 2) [11, с. 117, табл. XXXVII, 90] коричневоглиняными колхидскими амфорами первых веков н.э. [4, с. 160–194].

Наиболее поздними находками являются шесть фрагментов желобчатой черепицы с дуговидным профилем типа «татарка». К I в. до н.э. – I в. н.э. относятся фрагменты светлоглиняных амфор с двустольными ручками типа 61 по классификации И. Б. Зеест (Рис. 14, 1) [11, с. 109, табл. XXVI, 61]. Наиболее ранней находкой, видимо, является фрагмент сероглиняного сосуда с остатками покрытия, напоминающего черный лак (Рис. 14, 10), и относящегося к группе «Сероглиняная керамика с черным покрытием»¹, характерной для слоев IV–III вв. до н.э. Херсонеса [29, с. 127].

Сходство керамических комплексов обоих поселений, расположенных на плато и у подножья Кызык-Кулак-Кая свидетельствует об их синхронности. Особенности их географического положения позволяют предположить, что труднодоступное плато скального останца служило в качестве временного убежища для жителей поселения Кызык-Кулак-Кая.

Руины постройки на плато Безымянное расположены в центральной части скального массива (Рис. 2). Объект представляет холм подпрямоугольной формы (размеры 6 х 6 м), возвышающийся над окружающей дневной поверхностью на 1,5–2 м. По периметру видны развалы бутового камня. В центральной части холма расположены три грабительских шурфа. В борту одного из них зафиксирован участок культурного слоя – завал камня и крупных обломков черепицы (Рис. 15), который, видимо, представляет собой слой разрушения комплекса. Собранный в грабительских отвалах подъемный материал представлен исключительно фрагментами красноглиняных керамид и калиптеров с желобчатой поверхностью

¹ Вопросы хронологии и центров производства этой категории археологического материала остаются нерешенными. Об этом подробно см. [29; 2].

(Рис. 16). Для атрибуции и определения хронологии постройки требуются ее полноценные археологические исследования.

Грот с граффити открыт под западным обрывом безымянного скального останца, расположенного в 200 м к югу от массива Кызык-Кулак-Кая (Рис. 2). Он представляет собой природный навес высотой около 10 м (Рис. 17). В центральной части грота, на обвалившейся скальной полке зафиксированы два прочерченных острым предметом граффити, расположенных на расстоянии 30 см друг от друга. Первый рисунок представляет собой тамгообразный знак (Рис. 18, 1), второй – крест с разветвляющимися концами, вписанный в круг (Рис. 18, 2). Еще один крест (Рис. 18, 3) открыт на стене грота, на высоте около 1,20 м от современной дневной поверхности. Подъемный материал на территории грота не обнаружен.

Разведки 2017 г. позволили дополнить археологическую карту округа Мангупского городища новыми объектами. Грот с рисунками представляет собой второй памятник наскальной живописи подобного рода на территории Крымского полуострова. Его уникальность подчеркивается лучшей, в сравнении с росписями навеса Таш-Аир I, сохранностью изображений. Скальное убежище на вершине останца Кызык-Кулак-Кая и поселение у его подножья, видимо, представляют собой единый археологический комплекс, функционировавший в первые века нашей эры. Возможно, с ним связан упомянутый Н.И. Репниковым некрополь [24, с. 236], расположенный в ущелье к востоку от скального массива. В настоящее время эта территория перекрыта современной застройкой с. Красный Мак. Представленные в настоящей работе данные носят предварительный характер. Продолжение археологических исследований позволит уточнить атрибуцию, хронологию и этнокультурную принадлежность выявленных в 2017 г. объектов.

Список использованных источников и литературы

1. Браун Ф. А. Рукописный отчет о раскопках на Мангупе / Ф. А. Браун // ОАК за 1890 г. – СПб., 1891. – С. 16–17.
Braun F. A. Rukopisnyi otchet o raskopkakh na Mangupe / F. A. Braun // OAK za 1890 g. – SPb., 1891. – S. 16–17.
2. Буйских С. Б. Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья) / С. Б. Буйских // Боспорские исследования. – Симферополь, 2012. – Вып. XXVI. – С. 22–58.
Buiskikh S. B. Seraya goncharnaya keramika Bospora (popytka osmysleniya na fone Severnogo Prichernomor'ya) / S. B. Buiskikh // Bosporskie issledovaniya. – Simferopol', 2012. – Vyp. XXVI. – S. 22–58.
3. Веймарн Е. В. Разведки оборонительных стен и некрополя / Е. В. Веймарн // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – №34. – С. 419–429.
Veimarn E. V. Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropol'ya / E. V. Veimarn // MIA. Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – M.-L.: AN SSSR, 1953. – №34. – S. 419–429.
4. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. (морфология) / С. Ю. Внуков. – М.: Институт археологии РАН, 2003. – 235 с.
Vnukov S. Yu. Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – I v. n.e. (morfologiya) / S. Yu. Vnukov. – M.: Institut arkheologii RAN, 2003. – 235 s.
5. Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу / А. Г. Герцен // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34. – С. 94–112.
Gertsen A. G. Doros-Feodoro (Mangup): ot rannevizantiiskoi kreposti k feodal'nomu gorodu / A. G. Gertsen // ADSV. – Ekaterinburg, 2003. – Vyp. 34. – S. 94–112.

6. Герцен А. Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган / А. Г. Герцен // Материалы V Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы». – Керчь, 2004. – С. 92–95.
- Gertsen A. G. Pozdneantichnoe svyatilishche na gore Babulgan / A. G. Gertsen // Materialy V Bosporskikh chtenii «Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy». – Kerch', 2004. – S. 92–95.
7. Герцен А. Г. Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // МАИЭТ. – Симферополь, 2009. – Вып. XV. – С. 389–431.
- Gertsen A. G. Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniya v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroyki (XV v.) / A. G. Gertsen, V. E. Naumenko // MAIET. – Simferopol', 2009. – Vyp. XV. – S. 389–431.
8. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К вопросу о выделении золотоордынского периода в истории Мангупского городища в Юго-Западном Крыму / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // Золотордынская цивилизация. – Казань, 2016. – С. 247–258.
- Gertsen A. G., Naumenko V. E. K voprosu o vydelenii zolotoordynskogo perioda v istorii Mangupskogo gorodishcha v Yugo-Zapadnom Krymu / A. G. Gertsen, V. E. Naumenko // Zolotordynskaya tsivilizatsiya. – Kazan', 2016. – S. 247–258.
9. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) / А. Г. Герцен, А. Ю. Землякова, В. Е. Науменко, А. В. Смокотина // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. – Вып. XII. – С. 371–494.
- Gertsen A. G., Zemlyakova A. Yu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysy Teshkli-burun (Mangup) / A. G. Gertsen, A. Yu. Zemlyakova, V. E. Naumenko, A. V. Smokotina // MAIET. – Simferopol', 2006. – Vyp. XII. – S. 371–494.
10. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) / Д. В. Журавлев // МАИЭТ. Supplementum. – Симферополь, 2010. – Вып. 9. – 320 с.
- Zhuravlev D. V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I – III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny) / D. V. Zhuravlev // MAIET. Supplementum. – Simferopol', 2010. – Vyp. 9. – 320 s.
11. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора / И. Б. Зеест // МИА. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – № 83. – 180 с.
- Zeest I. B. Keramicheskaya tara Bospora / I. B. Zeest // MIA. – M.-L.: AN SSSR, 1960. – № 83. – 180 s.
12. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма / Д. А. Крайнов // МИА. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – № 91. – 165 с.
- Krainov D. A. Peshchernaya stoyanka Tash-Air I kak osnova dlya periodizatsii poslepaleoliticheskikh kul'tur Kryma / D. A. Krainov // MIA. – M.-L.: AN SSSR, 1960. – № 91. – 165 s.
13. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. / Р. Х. Лепер // ИТУАК. – Симферополь, 1913. – № 49. – С. 266–269.
- Leper R. Kh. Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 16 oktyabrya 1912 g. / R. Kh. Leper // ITUAK. – Simferopol', 1913. – № 49. – S. 266–269.
14. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. / Р. Х. Лепер // ИАК. – М., 1913. – Вып. 47. – С. 73–79, 147–154.
- Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniya v Mangupe v 1912 g. / R. Kh. Leper // IAK. – M., 1913. – Vyp. 47. – S. 73–79, 147–154.
15. Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе / Л. А. Моисеев // ОАК за 1913–1915 гг. – Пг., 1918. – С. 72–84.
- Moiseev L. A. Raskopki na Mangupe / L. A. Moiseev // OAK za 1913–1915 gg. – Pg., 1918. – S. 72–84.
16. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа / В. Л. Мыц // СА. – М., 1990. – № 1. – С. 224–242.
- Myts V. L. Krestobraznyi khram Mangupa / V. L. Myts // SA. – M., 1990. – № 1. – S. 224–242.
17. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа / В. Е. Науменко // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь: Таврия, 1997. – Вып. 1. – С. 324–340.

Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozhia Mangupa / V. E. Naumenko // Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik. – Simferopol': Tavriya, 1997. – Vyp. 1. – S. 324–340.

18. Науменко В. Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий / В. Е. Науменко // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 302–307.

Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovykh pamyatnikov Adym-Chokraskoi doliny Krymskikh predgorii / V. E. Naumenko // Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. – Kazan': Otechestvo, 2014. – Т. III. – S. 302–307.

19. Науменко В. Е., Душенко А. А. Новые данные о хозяйственно-культурном использовании южной периферии Мангупского городища: средневековые гончарные центры / В. Е. Науменко, А. А. Душенко // Материалы XVI Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». – Керчь, 2015. – С. 243–250.

Naumenko V. E., Dushenko A. A. Novye dannye o khozyaistvenno-kul'turnom ispol'zovanii yuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha: srednevekovye goncharnye tsentry / V. E. Naumenko, A. A. Dushenko // Materialy XVI Bosporskikh chtenii «Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Geograficheskaya sreda i sotsium». – Kerch', 2015. – S. 243–250.

20. Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н Южного участка комплекса (по материалам коллекции Р. Х. Лепера Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) / В. Е. Науменко, А. А. Душенко // МАИЭТ. – Симферополь, 2017. – Вып. XXII. – С. 187–238.

Naumenko V. E., Dushenko A. A. Knyazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie N Yuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kollektsii R. Kh. Lepera Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy) / V. E. Naumenko, A. A. Dushenko // МАИЭТ. – Simferopol', 2017. – Vyp. XXII. – S. 187–238.

21. Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В. Новый христианский культовый комплекс в округе Мангупского городища. Храм на г. Илька / В. Е. Науменко, А. А. Душенко, Д. В. Корзюк // VIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы конференции. – Севастополь, 2016. – С. 77–83.

Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korzyuk D. V. Novyi khristianskii kul'tovyi kompleks v okruge Mangupskogo gorodishcha. Khram na g. Il'ka / V. E. Naumenko, A. A. Dushenko, D. V. Korzyuk // VIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «imperiya» i «polis». Materialy konferentsii. – Sevastopol', 2016. – S. 77–83.

22. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. «Базилика Маркевича» на южной периферии Мангупского городища (по материалам исследований 2012–2016 гг.) / В. Е. Науменко, Д. В. Иожица, А. И. Набоков // Материалы международной научной конференции «Археология средневекового храма», к 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. – Севастополь, 2017. – С. 50–55.

Naumenko V. E., Iozhitsa D. V., Nabokov A. I. «Bazilika Markevicha» na yuzhnoi periferii Mangupskogo gorodishcha (po materialam issledovaniy 2012–2016 gg.) / V. E. Naumenko, D. V. Iozhitsa, A. I. Nabokov // Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo khrama», k 170-letiyu K. K. Kostsyushko-Valyuzhinicha. – Sevastopol', 2017. – S. 50–55.

23. Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский район. Научно-производственные работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т. 6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его округа. Книга 2. Альбом 2. Материалы предварительных и историко-архивных исследований. Памятники округа Мангупа (авторы проекта – Ю. С. Воронин, А. Г. Герцен). – Симферополь, 1994. – 105 с.

Pamyatniki arkhitektury i arkheologii. Bakhchisaraiskii raion. Nauchno-proizvodstvennye raboty po obsledovaniyu territorii i podgotovke predlozhenii po organizatsii zon okhrany pamyatnikov. T. 6. Nauchno-issledovatel'skie raboty po obsledovaniyu territorii i po organizatsii zon okhrany pamyatnika arkhitektury i arkheologii gorodishcha Mangup i pamyatnikov ego okrug. Kniga 2. Al'bom 2. Materialy predvaritel'nykh i istoriko-arkhivnykh issledovaniy. Pamyatniki okrug Mangupa (avtory proekta – Yu. S. Voronin, A. G. Gertsen). – Simferopol', 1994. – 105 s.

24. Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма / Н. И. Репников // Архив ИИМК РАН. – Ф. №10. – Д. №10. – 1939/40. – 387 с.

- Repnikov N. I. Materialy k arkheologicheskoi karte yugo-zapadnogo nagor'ya Kryma / N. I. Repnikov // Arkhiv IIMK RAN. – F. №10. – D. №10. – 1939/40. – 387 s.
25. Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму / В. А. Сидоренко // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. – Вып. II. – С. 105–118.
- Sidorenko V. A. «Goty» oblasti Dori Prokopiya Kesariiskogo i «dlinnye steny» v Krymu / V. A. Sidorenko // МАИЭТ. – Simferopol', 1991. – Вып. II. – С. 105–118.
26. Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) / И. Б. Тесленко // История и археология Крыма. – Симферополь, 2014. – Вып. I. – С. 495–564.
- Teslenko I. B. Odnа iz gonchарnykh traditsii Tavriki XIV–XV vv. (keramika gruppy Yugo-Zapadnogo Kryma) / I. B. Teslenko // Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol', 2014. – Вып. I. – С. 495–564.
27. Тиханова М. А. Базилика / М. А. Тиханова // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – №34. – С. 334–389.
- Tikhanova M. A. Bazilika / M. A. Tikhanova // MIA. Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – M.-L.: AN SSSR, 1953. – №34. – С. 334–389.
28. Уваров А. С. Командировка графа на исследование южных губерний / А. С. Уваров // Сборник мелких трудов (под ред. гр. П. С. Уваровой). Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. – М.: типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. – С. 14–15.
- Uvarov A. S. Komandirovka grafa na issledovanie yuzhnykh gubernii / A. S. Uvarov // Sbornik melkikh trudov (pod red. gr. P. S. Uvarovoi). T. III. Materialy dlya biografii i stat'i po teorii arkheologii. – M.: tipografiya G. Lissnera i D. Sobko, 1910. – С. 14–15.
29. Ушаков С. В., Струкова Е. В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического / С. В. Ушаков, Е. В. Струкова // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. – Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. – С. 125–138.
- Ushakov S. V., Strukova E. V. Seroglinyanaya keramika s chernym pokrytiem iz raskopok ХСVII kvartala Khersonesa Tavricheskogo / S. V. Ushakov, E. V. Strukova // Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v skifo-antichnoe i khazarskoe vremya. – Rostov-na-Donu: Media-Polis, 2009. – С. 125–138.
30. Шрег Р. К вопросу изучения освоения округа Мангупа и Эски-Кермена в эпоху Великого переселения народов и средние века с точки зрения археологии поселения и окружающей среды / Р. Шрег // МАИЭТ. – Симферополь, 2009. – Вып. XV. – С. 174–195.
- Shreg R. K voprosu izucheniya osvoeniya okrugі Mangupa i Eski-Kermena v epokhu Velikogo pereseleniya narodov i srednie veka s tochki zreniya arkheologii poseleniya i okruzhayushchei sredy / R. Shreg // МАИЭТ. – Simferopol', 2009. – Вып. XV. – С. 174–195.
31. Якобсон А. Л. Дворец / А. Л. Якобсон // МИА. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). – М.-Л.: АН СССР, 1953. – №34. – С. 390–418.
- Yakobson A. L. Dvorets / A. L. Yakobson // MIA. Arkheologicheskie pamyatniki Yugo-Zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup). – M.-L.: AN SSSR, 1953. – №34. – С. 390–418.
32. Bemann J., Schneider K., Gercen A., Černýš S., Maczyńska M., Urbaniak A., von Freden U. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht / J. Bemann, K. Schneider, A. Gercen, S. Černýš, M. Maczyńska, A. Urbaniak, U. von Freden // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. – Mainz: RGZM, 2013. – P. 147–164.
33. Gercen A., Maczyńska M. Ein Kammergrab aus Almalyk-dere / A. Gercen, M. Maczyńska // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. – Lodz, 2000. – С. 522–544.
34. Gercen A., Maczyńska M., Černýš S., Lukin S., Urbaniak A., Bemann J., Schneider K., Jakubczyk I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-Plateaus / A. Gercen, M. Maczyńska, S. Černýš, S. Lukin, A. Urbaniak, J. Bemann, K. Schneider, I. Jakubczyk // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. – Mainz, 2013. – P. 125–146.
35. Maczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I. The early medieval cemetery of Almalyk-dere near the foot of Mangup / M. Maczyńska, A. Urbaniak, I. Jakubczyk // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. – Kristiansand-Simferopol: Dolya, 2011. – P. 154–175.

36. Schreg R. Forschungen zum umland der höhlenstädte Mangup und Eski Kermen – eine umwelthistorische perspective / R. Schreg // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. – Mainz: RGZM, 2013. – S. 403–445.

37. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in Aegean. An Introduction and Field Guide / J. Vroom. – Utrecht, 2005. – 223 p.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ИАК – Известия Археологической комиссии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИТУАК – Известия Таврической ученой комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ОАК – Отчеты Археологической комиссии

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

Gertsen A., Naumenko V., Dushenko A., Gantsev V., Mykhaylov A., Nabokov A. New materials for the archeological map of the surroundings of mangup Settlement (preliminary results of 2017 research)

The article is devoted to the preliminary results of the archeological research of the surroundings of Mangup settlement in 2017. As the result of the survey of the south-western outskirts of Krasniy Mak village new archeological sites were discovered. Rock paintings, found in the grotto of Kyzyk-Kulak-Kaya, date back to the Aeneolithic times. A complex of settlement and rock sanctuary of I-III cc. AD was discovered on the top and slopes of the mountain. Besides the ruins of a building on Bezymiannoye plateau and the grotto with cross-shaped and tamga-shaped graffiti were found in the vicinity of Kyzyk-Kulak-Kaya.

Keywords: South-Western Crimea, Mangup, archeological map, Kyzyk-Kulak-Kaya, rock paintings, graffiti

УДК 338.124.4(470.323)"1891/1892":338.2

ОРГАНИЗАЦИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1891–1892 ГГ.

Кравцова Е. С.

*Курский государственный медицинский университет,
г. Курск, Российская Федерация
E-mail: elenakravcova@yandex.ru*

Агротехническая отсталость России напрямую влияла на ситуацию в обществе. Ярким примером являлся голод в земледельческих губерниях Империи в 1891–1892 гг., который, в первую очередь, коснулся крестьянское сословие, для которого хлеб был основным продуктом питания. При этом наблюдалась и тотальная нехватка зерна для посевной компании. Первые обращения о поддержке крестьян В Курской губернии прозвучали от земств, которые подняли этот вопрос к губернским властям, славшим аналогичные воззвания в МВД. В связи с тем, что губерний, охваченных недородом, было много, на высшем уровне был создан «Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая», который занимался распределением продовольственной и материальной помощи в рамках Империи. На губернском уровне оказание поддержки местному населению оказывалось Особым губернским попечительством, Губернским Епархиальным комитетом и Губернским временным благотворительным комитетом. Кроме раздачи денег и зерна, были организованы благотворительные столовые и хлебопекарни, позволившие пережить недороды без потерь. Таким образом, созданная система оказания помощи терпящему бедствие населению оказалась эффективной и благодаря ей смертей от голода в курской губернии не наблюдалось.

Ключевые слова: Российская империя, неурожай, голод, земство, благотворительность, крестьянство.

Голод 1891–1892 гг. всколыхнул Империю и помощь бедствующему населению оказывалась на разных уровнях: от правительства до конкретных лиц. Стоит отметить, что при высокой обсуждаемости проблемы в конце XIX в. [3; 18; 20], специальных исследований по теме не так уж много [2; 16; 17; 19; 21; 25].

Голод 1891–1892 гг. относится к категории относительного, т.е. характеризуется хроническим потреблением некачественных продуктов питания с низким содержанием питательных элементов и витаминов, необходимых для поддержания активной жизнедеятельности организма, что вызывает многочисленные заболевания и снижает среднюю продолжительность жизни [1].

Особенностью бедствия являлись огромные территории, которые охватил неурожай. В этой связи правительство провело ряд мер, направленных на стабилизацию ситуации в губерниях, охваченных недородом. Например, были понижены провозные платы на перевозку хлеба в местности, пострадавшие от неурожая; запрещён экспорт ржи, ржаной муки и отрубей; отменен сбор за выдачу паспортов для крестьян 18 губерний (для стимулирования поиска работы в других местностях) и др. Государство полностью финансировало (на возвратной основе) все текущие закупки земствами хлеба и денежные выдачи пострадавшим. 18 ноября 1891 г. при Министерстве финансов был создан «Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая». Задачами комитета являлись

накопление пожертвований, согласование и оказание различных видов благотворительной помощи. За полтора года своей работы (действовал до марта 1893 г.) Комитет собрал и распределил 4,5 млн рублей пожертвований, по его инициативе были проведены две благотворительные лотереи [24, с. 626].

Причин мощного недорода много, но наиболее значимы были две: климатическая и агрономическая. К первой относятся: ранняя зима, резкое потепление и сход снега в феврале, пересев озимых, резкое похолодание, а затем затяжная засуха [см.: 22, с. 1; 13, л. 5 об.–6]. Вторая причина объясняется крайне низким качеством обработки почвы, практически полным отсутствием удобрений. Всё это отрицательно отразилось на урожае, который оказался на 26 % ниже среднего значения за десятилетие.

Неурожай 1891 г. в Курской губернии не был однороден: из 15 уездов самыми пострадавшими были районы восточной части региона – Тимский, Старооскольский и Новооскольский; далее следовали: Корочанский и Белгородский, в которых положение было примерно идентично двум оскольским; Обоянский и Щигровский, Курский, Суджанский и Грайворонский уезды отличались пестротой урожайности по разным местам в уезде – от хорошего до полного отсутствия такового. Остальные административно-территориальные единицы также отличались более низкими урожаями. В целом, после страды оказалось собрано менее половины урожая 1890 г. Неурожай 1892 г. территориально был шире «... наиболее пострадавшими оказались те же уезды, которые пострадали и в 1891 году и к ним присоединились более или менее значительную степенью недорода и все остальные уезда губернии» [см.: 22, с.1–2].

Уже в мае 1891 г. стало понятно, что урожай будет крайне низкий и крестьянству будет необходима помощь. По инициативе земских деятелей и при поддержке губернатора 6 июня 1891 г. было созвано чрезвычайное земское собрание для обсуждения вопроса об обсеменении озимых полей. В это же время уже обозначился и продовольственный дефицит в двух оскольских уездах. В этой связи губернатор обратился в МВД с просьбой о выделении 150 тыс. руб. из общеимперского фонда продовольственного капитала на семенные и первоначальные нужды населения некоторых уездов губернии. В результате было выдано 125,6 тыс. руб. и зерном около 15 тыс. четвертей [22, с. 5], (всего в 1891 г. было отпущено 510 тыс. руб. [22, с. 6]). В результате крестьянство уездов, которые охватил неурожай получили зерно для осенних посевных работ.

В 1892 г. потребность крестьян в зерне (и продовольственного, и для посевной компании) ещё больше увеличилась, поскольку небольшие запасы хлеба в 1891 г. к 1892 г. были полностью истрачены. Для определения степени поддержки был проведен осмотр крестьянских посевов, уточнены размеры недорода и подготовлены списки особо нуждающихся селян, которых больше всего было в: Белгородском, Грайворонском, Старооскольском, Новооскольском уездах, потребность в зерне в которых определялась в 230 тыс. пуд., 154,7 тыс. пуд., 117,4 тыс. пуд., 114 тыс. руб. [23, с. 6] соответственно, на остальные уезды губернии приходилось 292,8 тыс. пуд. Для закупки зерна правительством Курской губернии было выделено 700 тыс. руб.,

что дало возможность крестьянам вовремя обсеменить поля и решить проблему с продовольствием в 1893 г.

Активная деятельность в предотвращении неурожая была состроена в земских органах управления. Так, Губернское земское собрание рассматривало в какой мере были приняты во внимание средства, какими располагали крестьяне для борьбы с нуждой (заработки, магазинные запасы и проч.); определило действительный размер зерна на продовольствие и на посев. Из полученных данных определялся размер необходимой ссуды в рублях [22, с. 8].

Механизм закупки зерна был следующий: по ходатайству уездной земской управы губернатор отпускал аванс из открытого кредита требуемых денежных сумм. Затем специально назначенные лица ехали в губернии, где имелся хлеб в продаже, и приобретали необходимое количество зерна, которое сдавали на станциях железных дорог для отправки по льготному тарифу к месту назначения.

Закупаемое зерно не всегда было хорошего качества. Тимская земская управа сообщала, что «рожь поступила очень плохого качества, масса посторонних примесей и пыли» [4, л. 57]. Такая же информация приходила из Щигровского и Корочанского уездов [4, л. 64–65]. Отметим, что Министерством финансов были введены бесплатные перевозки пожертвованного продовольствия, но не продовольствия, закупаемого земством. В письме, присланном из Минфина на имя курского губернатора отмечалось, что земства нередко прибегают к хитрости, когда закупленное продовольствие, которое должно перевозиться по льготным тарифам, называлось пожертвованием, чтобы перевозить бесплатно [15, л. 4], для которой выдавались специальные свидетельства и купоны за подписью губернатора [15, л. 11]. По прибытию земские агенты разгружали вагоны и ссыпали хлеб в специально нанятые помещения, откуда зерно забирали нуждающиеся в нем крестьяне. Просьбы о предоставлении продовольственных суд крестьяне писали на имя губернатора, который давал распоряжение уездным земским управам провести проверку хозяйств нуждающихся. Часть прошений после проверки удовлетворялись [см.: 4, 8, 9], другие же не проходили проверку [см.: 10, 11, 12]. Земцы считали, что проводимые ревизии приводили к увеличению размера помощи для реально нуждающихся, поскольку крестьяне по-разному хитрили, например, вносили в списки лиц из других сельских обществ. Так, в ходатайстве крестьян Вышне-Теребужского сельского схода Щигровского уезда из 12 человек четверо были не члены общества [6, л. 1–2]; или прошения подавались теми, кто в таковой не нуждался: просьба С. К. Архипова (крестьянина Щигровского уезда), не была удовлетворена, поскольку он был «весьма состоятельный, много лет управлял большим имением в Ливенском уезде Орловской губернии и был человек не нуждающейся в помощи земства» [7, л. 2].

Кроме раздачи хлеба, органами земского самоуправления совместно с общественностью, осуществлялась и другая помощь нуждающимся. Так, одним из востребованных направлений являлась организация благотворительных хлебопекарен. С 1891 г. в Курской губернии было учреждено 86 пекарен: Новооскольском уезде – 57, Старооскольском – 18, Белгородском – 5, Корочанском – 3, Грайворонском, Тимском, Щигровском по 1, в которых выпекался хлеб, как только из муки, так и добавками, но не более 1/3, картофеля или кукурузы. Практически все

хлебопекарни находились в подчинении земских начальников, а хозяйственной частью управляли лица по их назначению.

Первая хлебопекарня была открыта 6 октября 1891 г. в Знаменской волости в с. Средние Апочки Старооскольского уезда. Помещение и топливо были общественные, мука покупалась за средства земского начальника. Выпекаемый хлеб продавался по 2,5 коп. за фунт [14, л. 66–66 об.]. Более всего хлебопекарен было открыто в Новооскольском уезде. Первая появилась 11 декабря 1891 г. в самом городе от Новооскольского Временного благотворительного комитета. В ней ежедневно отпускалось до 17 пудов печеного хлеба: бедным по 2,5 коп. за фунт по маркам членов Комитета, а остальным жителям по 3 коп. за фунт [14, л. 53 об.–54].

Отметим деятельность земского начальника 3 участка Новооскольского уезда Б. Гладкова, который развил очень активную деятельность работу по организации помощи крестьянам. Так, мука отпускалась земством от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 35 коп. Хлеб продавали по 3 коп. за фунт и отпускали по 2 фунта с пуда в распоряжение земского начальника бесплатно для выдачи ученикам. Возможен был и второй вариант – мука отпускалась по 1 руб. 40 коп. без выдачи бесплатных 2 фунтов. Пекли хлеб в Болотовской волости в селах Болотово, Троицкое, Новая Бегунка. Земский начальник 3 участка отмечал, что устроить много пекарен нет возможности, т.к. он не в состоянии следить в них за порядком, но предполагает расширить производство в с. Коньшиной Новооскольского уезда и отправлять хлеб в нуждающиеся населенные пункты. При этом он отмечал, что для скудного пропитания бывших дворовых людей требовалось до 300 пудов хлеба в месяц [см.: 14, л. 54 об.–58].

О Коньшенской хлебопекарне стались интересные сведения. Она располагалась недалеко от здания волостного правления, в наемном доме, за который платили 1 руб. 50 коп. в месяц. Там, в особо устроенной печи, выпекалось от 22 до 35 пудов печеного хлеба [см.: 1, л. 56 об.–57, 60]. Возможно было понижение себестоимости хлеба, а, следовательно, и цены из-за различных припеков. Например, добавление в хлеб кукурузы, давало возможность понизить цену до 2 $\frac{1}{4}$ и даже 2 коп за фунт [14, л. 59]. Из произведенного хлеба ежедневно выдавалось бесплатно за счет Благотворительного комитета 9 пудов 4,1 фунта печеного хлеба 56 семействам, не получающих ссуд от земства (54 семьи бывших дворовых людей, приписанных к волости и не получающих ссуды от земства, 1 мещанин и 1 дворянин), а остальное продавалось по 2,5 коп. за фунт [14, л. 56 об.–57, 60]. Бесплатная раздача и продажа хлеба производилась в особой комнате Волостного правления приглашенным земским начальником крестьянином Т. Фараоновым под надзором волостного старшины или другого старосты. Ежедневное наблюдение за порядком в пекарне осуществлял местный землевладелец А. И. Васильев, земский начальник не реже раза в неделю бывал в пекарне и в волостном правлении для ревизии [14, л. 60]. Отметим, что часть выпеченного хлеба из этой хлебопекарни отвозилось для продажи в другие селения: по вторникам и пятницам продался хлеб в селе Тиньковка супругою агента земского страхования П. В. Нечаевой, а в другие дни недели – в селах Огибином и Волковом. Продажа хлеба в этих селениях начала производиться с 10 января 1892 г.

Таким образом, в пределах наиболее пострадавшей Коньшинской волости, продажа печеного хлеба была открыта в четырёх местах [14, л. 60].

Кроме пекарен, в губернии открывались бесплатные столовые, главным образом, для крестьянских детей. В период с октября 1891 г. по апрель 1892 г. были созданы 233 столовые по уездам: Старооскольском – 136, Новооскольском – 39, Щигровском – 25, Корочанском – 11, Грайворонском – 8, Обоянском – 7, Тимском – 4, и Белгородском – 2, Курском – 1. Столовыми заведовали или особые комитеты, или земские начальники, приходские священники, частных лиц, учредивших эти заведения и содержавших на собственном иждивении.

Первая столовая была открыта 24 ноября 1891 г. в городском здании г. Старого Оскола под руководством дамского комитета по постановлению Временного благотворительного комитета на средства благотворителей. В ней выдавалось ежедневно 52 даровых обеда по назначению комитета и за плату 5 коп. за обед [14, л. 66–66 об.]. Затем столовые стали открываться на всей территории губернии.

В дешевой столовой г. Курска за 5 коп. можно было получить миску щей с 0,5 фунтами говядины или рыбы и 1 фунт хлеба, если прибавить еще 2 коп., то к этой порции прибавлялась миска каши с маслом, и за 6 коп. 0,5 фунта жареной говядины с картофелем. Кроме того, за 1 коп. можно было получить чай с 2 кусками сахара и ломтем хлеба. Особо нуждающимся отпускались даровые обеды [14, л. 6 об.]. В Курском городском ночлежном приюте ежедневно производилась бесплатная выдача чая с хлебом 300 ночлежникам. С наступлением зимы число ночлежников достигло 400 человек, чему главным образом способствовали голод и безработица, поэтому кружка чая и фунт хлеба, даваемые ежедневно утром каждому ночлежнику служили большим подспорьем к сохранению сил неимущего населения. Картофельно-ржаной хлеб для чайной при ночлежном доме выпекался в исправительном отделении арестантским трудом и ежедневно доставлялся в количестве от 5 до 7 пудов. По 1 апреля 1892 года такого хлеба отпущено в чайную 820 пудов.

Создание дешевых или бесплатных столовых для детей станет важнейшей задачей для членов благотворительных обществ. В январе 1892 г. на объединенном присутствии Корочанских благотворительных комитетов и попечительства Красного Креста было принято решение об открытии двух бесплатных столовых: в селах Большом Яблонево и Нечаево [14, л. 49]. Столовая с. Нечаево была рассчитана для детей неимущего крестьянства возрастом до 12 лет. Основных средств было 150 руб. и 25 пудов муки, которых должно было хватить на 2 месяца, при условии, что обедать будут от 50 до 60 детей. Меню было следующим: в скоромные дни – пшенная каша с салом, в постные дни – пшенная каша с постным маслом или галушки. Воду и дрова заготавливались самими детьми. На каждый день составлялся список желающих обедать в столовой, преимущество было у детей дворовых крестьян, как категории населения, находящейся в тяжелейшем положении. Еженедельно представлялась приходно-расходная отчетность. Как отмечали учредители в первый же день обедало 56 детей [14, л. 50].

В начале января 1892 г. в д. Лукьяновке Старооскольского уезда женой статского советника Скалон, была открыта столовая для 81 учащегося сельской школы на средства (600 руб.), пожертвованные ей женой полковника Фон Риттер. В этой

столовой каждому учащемуся ежедневно, кроме выходных, выдается обед, состоящий из горячего, хлеба и каши. Ею же открыта бесплатная столовая в с. Лебеди на 49 человек [с.: 14, л. 72, 74].

10 января 1892 г. в с. Скородном Старооскольского уезда женой земского начальника 5 участка В.П. Шаталовой на пожертвованные деньги была открыта бесплатная столовая на 70 школьников, которым отпускался суп и по 1 фунту хлеба. Кроме того, там ежедневно выдавалось на 90 человек престарелых и больных по 1 фунту печеного хлеба [14, л. 73]. Земский начальник 2 участка Старооскольского уезда в январе 1892 г. отмечал, что на его участке были открыты 4 столовые для детей от 2 до 13 лет, которые не посещают школу и не пользуются завтраками, отпускаемыми в школе на 515 детей. В открытии столовых помогал комитет, в деле присмотра за ними помогают местные грамотные крестьяне, «по моему предложению охотно взявшиеся за это дело» [см.: 4, 124–124 об.]. Планировалось открыть еще 10 таких столовых.

Таким образом, в период неурожая 1891 – 1892 гг. проводился ряд мероприятий как центральными, так и местными органами власти, которые были направлены на поддержание бедствующего населения, в результате которых летальных исходов от голода зафиксировано не было. Тем не менее, устранив последствия голода, не были решены его причины: сохранился низкий уровень агрокультуры крестьян, малоземелье, недостаточное количество скота и др.

Список использованных источников и литературы:

1. <http://medwiki.com/Голодание>
<http://medwiki.com/Golodanie>
2. Арзуманян А. А. Экономические проблемы общественного развития: Избр. тр. – М.: Наука, 1968. – 626 с.
Arzumanyan A. A. Ekonomicheskie problemy obshestvennogo razvitiya: Izbr. tr. – М.: Nauka, 1968. – 626 s.
3. Белоконский И. П. Голод, вырождение, вымирание и невежество русского народа, как следствие политического строя. – Ростов н/Д: тип. «К свету». 1906. – 16 с.
4. Belokonskij I.P. Golod, vyrozhdzenie, vymiranie i nevezhestvo russkogo naroda, kak sledstvie politicheskogo stroya. – Rostov n/D: tip. «K svetu». 1906. – 16 s.
5. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 3502.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 3502.
6. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4143.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4143.
7. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4150.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4150.
8. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4156.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4156.
9. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4203.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4203.
10. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4212.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4212.
11. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4218.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4218.
12. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4219.
ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4219.
13. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4233.

- ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4233.
 14. ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4285.
 ГАКО. – Ф. 1. – Оп.1. – Д. 4285.
 15. ГАКО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 1.
 ГАКО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 1.
 16. ГАКО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 2.
 ГАКО. – Ф. 171. – Оп. 1. – Д. 2.
 17. Горнов В. А. Организация системы социальной помощи в период неурожая и голода 1891–92 гг. (по материалам Рязанской губернии) // Сборник научных статей. – СПб.: Компания Спутник +, 2005. – С. 62–78.
 Gornov V. A. Organizaciya sistemy socialnoj pomoshi v period neurozhaya i goloda 1891–92 gg. (po materialam Ryazanskoj gubernii) // Sbornik nauchnyh statej. – SPb.: Kompaniya Sputnik +, 2005. – S. 62–78.
 18. Егорышева И. В. Борьба с голодом в России и СССР и участие в ней Красного Креста // Советское здравоохранение. – 1973. – № 12. – С. 65–69.
 Egorysheva I. V. Borba s golodom v Rossii i SSSR i uchastie v nej Krasnogo Kresta // Sovetskoe zdavoohranenie. – 1973. – № 12. – S. 65–69.
 19. Ермолов А. С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. Ч. I. – СПб.: Тип. В.Киришбаума, 1909. – 599 с.
 Ermolov A. S. Nashi neurozhai i prodovolstvennyj vopros. Ch. I. – SPb.: Tip. V.Kirshbauma, 1909. – 599 s.
 20. Книга М. Д. История голода 1891–1892 гг. в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1997. – 27 с.
 Kniga M. D. Istoriya goloda 1891–1892 gg. v Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Voronezh, 1997. – 27 s.
 21. Корнилов А. А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. Отчет о помощи голодающим некоторых местностей Моршанского и Кирсановского уездов Тамбовской губернии, в 1891–1892 гг. – М.: Тип. Д. И. Иноземцева, 1893. – 232 с.
 Kornilov A. A. Sem mesyacev sredi golodayushih krestyan. Otchet o pomoshi golodayushim nekotoryh mestnostej Morshanskogo i Kirsanovskogo uездov Tambovskoj gubernii, v 1891–1892 gg. – M.: Tip. D. I. Inozemceva, 1893. – 232 s.
 22. Кравцова Е. С. Попытки изменения налогообложения в России под влиянием голода 1891–1892 гг. // Экономическая история. – 2016. – № 4. – С. 41–46.
 Kravtsova E. S. Popytki izmeneniya nalogooblozheniya v Rossii pod vliyaniem goloda 1891–1892 gg. // Ekonomicheskaya istoriya. – 2016. – № 4. – S. 41–46.
 23. Обзор Курской губернии за 1891 г. – Курск: Типо-лит. губ. правления,, 1892. – 86 с.
 Obzor Kurskoj gubernii za 1891 g. – Kursk: Tipo-lit. gub. pravleniya,, 1892. – 86 s.
 24. Обзор Курской губернии за 1892 г. – Курск: Типо-лит. губ. правления,, 1893. – 76 с.
 Obzor Kurskoj gubernii za 1892 g. – Kursk: Tipo-lit. gub. pravleniya,, 1893. – 76 s.
 25. Полное Собрание Законов Российской Империи. – Собр. третье. – Т. 9. – СПб.: Гос. тип., 1894. – 976 с.
 Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. – Sobr. trete. – T. 9. – SPb.: Gos. tip., 1894. – 976 s.
 26. Рогожина А. С. Организация общественных столовых в Моршанском уезде Тамбовской губернии во время голода 1891–1892 гг. (на материалах личного фонда В. И. Вернадского) // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: «Новые гуманитарные исследования». – 2011. – № 6(20). – С. 384–387.
 Rogozhina A. S. Organizaciya obshestvennyh stolovyh v Morshanskom uезде Tambovskoj gubernii vo vremya goloda 1891–1892 gg. (na materialah lichnogo fonda V. I. Vernadskogo) // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: «Novye humanitarnye issledovaniya». – 2011. – № 6(20). – S. 384–387.

Kravtsova E.S. The organization of anti-crisis activities In the Kursk region in the Period of hunger 1891–1892

Agrotechnical backwardness of Russia directly influenced the situation in the society. A vivid example was the famine in the agricultural provinces of the Empire in 1891– 1892 affected the peasant class, for which bread was the main food. At the same time, there was a total lack of grain for the sowing. The first appeals for the

support of the peasants in the Kursk province sounded from the zemstvo, who raised this issue to the provincial authorities, who made similar appeals to the Ministry of Internal Affairs. Due to the fact that there were a lot of provinces covered by the famine, a "Special Committee for rendering assistance to the population of provinces affected by a crop failure" was set up at the highest level and was engaged in distributing food and material aid within the framework of the Empire. At the provincial level supporting of the local population was provided by the Special Provincial Guardianship, the Provincial Diocesan Committee and the Provincial Provisional Charitable Committee. In addition to distributing money and grain, charitable canteens and bakeries were organized. They made possible to survive lots of people. Thus, the created system of rendering assistance to the population in distress was effective and death from hunger in the Kursk province was not observed.

Keywords: Russian empire, crop failure, famine, zemstvo, charity, peasantry.

УДК 351.74/.76(1-924.71)

ОРГАНЫ ПОЛИЦИИ ТАВРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (ГУБЕРНИИ) В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Микитюк Ю. В.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kf.krdu@mvd.ru*

Исследованы организационные и правовые основы оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Таврической области (губернии) в конце XVIII – начале XIX века. Детально проанализированы архивные источники в этой области и нормативные правовые акты, регламентирующие полномочия крымской полиции, начиная от присоединения Крымского полуострова к Российской Империи в 1783 г. и завершая событиями Февральской революции 1917 г. Историко-правовой анализ позволил раскрыть роль органов государственной власти в организации полицейской деятельности, охарактеризовать состояние криминологической обстановки в регионе, систематизировать актуальные проблемы в деятельности органов полиции и попытки их решения, а также выделить основные тенденции развития правоохранительной системы на Крымском полуострове на различных этапах правления императоров Царской России.

Ключевые слова: охрана правопорядка, полицейская деятельность, Российская Империя, российская полиция, создание полиции, Таврическая губерния, Таврическая область.

Днем создания российской полиции считается 25 мая по старой системе летоисчисления или 5 июня по «новому стилю» 1718 г. В этот день Петр I учредил должность Санкт-Петербургского генерал-полицеймейстера, утвердив «Пункты» для этой должности [1]. То есть дата образования полиции связана не с появлением специализированных органов правопорядка, а с началом использования понятия «полиция» для их наименования.

В конце XIX века выражение «учение о полицейском праве» заменилось «учением о внутреннем управлении», а полиция связалась с охраной права и общественного порядка посредством ограничения свободы отдельного лица в форме принуждения [2, с. 320–336]. Древнегреческий термин «полиция» (πολιτεία – город, государство) прочно закрепился в юридической терминологии [3, с. 131–132].

В нашей статье исследованием охвачен исторический этап, связанный с созданием и развитием системы полицейских органов на территории Крымского полуострова, начиная с включения региона в состав Российской Империи в апреле 1783 г. и завершая ликвидацией полиции после Февральской революции 1917 г.

В 1760–1780-х годах Екатерина II столкнулась с задачами поставленными, но не реализованными при Петре Великом. Так, на юге Российская Империя стремилась укрепить свои границы, выйти к Черному морю и добиться права не только иметь базы и военный флот, но и проходить в Средиземное море через контролируемые Турцией проливы. Этот вектор внешней политики России напрямую затронул сферы влияния Османской империи, владевшей Причерноморьем, Закавказьем и Балканами, и закономерно привел к столкновению интересов двух империй и широкомасштабным войнам.

В сентябре 1768 г. Турция объявила России войну, однако в результате военных действий турецкая армия была вынуждена капитулировать. В 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор, в соответствии с которым Крымское ханство провозглашалось «на вечные времена» независимым, а России передавались город Керчь и крепость Еникале. В связи с этим 14 февраля 1775 г. учреждалась Азовская губерния, в состав которой включались Керчь и Еникале, а Сенату полагалось снабдить новую губернию и ее провинции необходимым Гражданским Правлением.

Позднее, весной 1783 г., Екатерина II подписала Манифест о принятии Крыма, острова Тамань и всей Кубанской стороны «под державу Российскую». В феврале 1784 г. на территории бывшего Крымского ханства была учреждена Таврическая область, руководство которой поручалось генералу, Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину. Именным указом от 8 февраля 1784 г. Таврическая область разделялась на 7 уездов (в том числе 4 на территории Крыма – Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский и Перекопский), в которых предписывалось «устроить города, областной и уездные, определить места и открыть в них Присутственные места, в которых как в нижних, так и в областных, употребить к заседанию достойных лиц из тамошних старшин».

Незадолго до этого были приняты основные нормативные акты, регламентировавшие правовой статус и организацию деятельности полиции, – «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи» (1775) и «Устав благочиния или полицейский» (1782). Они определили пути и направления дальнейшего развития полицейских органов на местах, начиная с первых присутственных мест, учрежденных в Симферопольском, Феодосийском, Евпаторийском и Перекопском уездах Таврической области. Последние признавались официально открытыми к 29 января 1787 г.

Полицейская деятельность (благочиние) в Таврической области была подведомственна генерал-губернатору. Согласно первому штату для управления уездным городом в каждом из 4-х уездов предусматривалось по одной должности городничего со штатом, а для управления уездом – Нижний земский суд в составе земского исправника, 2-х дворянских заседателей, 2-х сельских заседателей и секретаря. В состав Управы благочиния входили городничий и подчинявшиеся ему приставы по уголовным и гражданским делам, а также 2 выборных представителя купечества и ремесленников (ратманы). На Управу благочиния возлагались не только полицейские, но и различные административно-хозяйственные и судебные функции. В качестве подразделений для охраны присутственных мест и выполнения функций государственного принуждения в распоряжении генерал-губернатора и городничих функционировали губернская и уездные военные (штатные) команды соответственно.

Городничий и Нижний земский суд под руководством генерал-губернатора (после образования 30 июня 1803 г. Таврической губернии – Губернского правления) осуществляли полицейские функции по обеспечению благочиния, добронравия и порядка, повсеместного соблюдения и неукоснительного исполнения законов, реализации повелений правления, решений палат и прочих судов. Также

осуществлялись: надзор за торговлей, соблюдением мер и весов, недопущением укрывательства беглых; обслуживание дорог, улиц, мостов; обеспечение противопожарной охраны, безопасности массовых мероприятий; охрана мира и тишины Православной Церкви, доброго согласия между жителями разных религий; предупреждение и раскрытие преступлений и проступков; взятие под стражу преступников; исследование на месте, обнаружение и фиксация доказательств преступлений или проступков; препятствие «злому учинить злое»; попечение за неимущими и т.д. При этом Екатерина II стремилась выделить полицию из других сфер управления и привлечь к полицейскому управлению общественные элементы, организовать местные учреждения на сословных началах [2, с. 328].

С момента основания Таврической области Г. А. Потемкин занимался устройством областного центра и уездных городов, строительством в них Присутственных мест. В июне 1784 г. он определился с местом строительства областного центра – возле Ак-мечети. До открытия губернского дома в Симферополе административным центром были города Карасубазар (1784) и Бахчисарай (1784–1785), а в 1785 г. Таврическое областное правление переехало в Симферополь. Закономерно, что в таких условиях при открытии гражданских учреждений в Крыму генерал-губернатор решал вопросы кадрового обеспечения, в первую очередь благодаря привлечению на службу местного населения [4, с. 66–67; 5, с. 18–19].

Однако в первые годы существования Таврической области чиновники из других российских губерний не стремились попасть на службу в Крым. Причинами служили удаленность региона, неразвитость инфраструктуры, недостаточное финансирование, регулярные случаи эпидемий и др. Исследуя вопросы администрации начала XIX века, историк Н. Ф. Дубровин отмечал: «Губернатор, хозяин губернии, имеет расходы, превышающие его жалованье, ибо правительство на письмоводство отпускает сотню рублей, когда содержание канцелярии его стоит несколько тысяч. Гражданский губернатор получает гораздо менее жалованья, чем вице-губернатор. Управляющий винной продажей в уезде, один получает более жалованья, чем все чиновники целого уезда» [6, с. 31]. Вследствие этого открытие присутственных мест Таврической области растянулось на несколько лет. Если областное правление было открыто в 1784 г., то большинство других губернских и уездных учреждений – в 1787 г.

С началом русско-турецкой войны (1787–1791) основное внимание главнокомандующего русскими войсками Г. А. Потемкина сосредотачивалось на ходе военных действий, охране побережья, обеспечении армии продовольствием, а вопросы системы управления и благочиния в Таврической области отошли на второй план. Поэтому Управы благочиния в описанном виде просуществовали до начала неоднозначных реформ Государя Императора Павла I. Его правление было ознаменовано включением 31 декабря 1796 г. Таврической области в состав Новороссийской губернии [7], при этом статус уездных городов в Крыму сохранился только за Симферополем и Перекопом.

Согласно Указу от 18 декабря 1797 г. штаты городских полиций существенно сократились и были переведены на содержание из городских доходов. Кроме того, значительно сокращались воинские команды. Подобный подход, в том числе

связанный с назначением на полицейские должности купцов или мещан без положенного жалования, привел к «неудобствам» и злоупотреблениям. Попытки верховной власти исправить положение были безуспешны, поскольку увеличение штата полиции ложилось дополнительным бременем на городские бюджеты [8].

25 февраля 1801 г. была предпринята попытка радикального изменения системы Губернского управления, введения так называемых Ратгаузов [9], которая так и не была реализована в связи со смертью Павла I. Вступивший на престол Александр I отменил почти все реформы органов управления своего предшественника. Именным указом от 17 марта 1801 г. Магистраты, а при них Городнические правления и места при Нижних земских судах, были оставлены в прежнем виде, а учреждение Ратгаузов отменено.

Уже в первые месяцы правления Указом от 11 мая 1801 г. Александр I пытался решить проблему управления полицией, которая одновременно подчинялась военному и гражданскому начальству. На организационную структуру и штаты крымской полиции влияли следующие детерминанты: во-первых, полуостров и его морские порты, будучи границей Российской Империи в Черном и Азовском морях, становились постоянным объектом военных нападений; во-вторых, крымские порты являлись местом развивающейся международной торговли с сопутствующими карантинными, таможенными и миграционными проблемами либо военными объектами, обеспечивавшими морской флот; в-третьих, наблюдалось постепенное развитие виноделия, промышленности, инфраструктуры и почтовых сообщений, демографический рост, в том числе за счет мигрантов; в-четвертых, была смена императоров, стремившихся оставить след в истории Российского государства в целом и региона в частности.

Учитывая изложенное, должности городничих, полицмейстеров, иных нижних чинов полиции комплектовались офицерами армии, которые по состоянию здоровья или иным причинам не годны к военной службе, но подходят для полицейской. Тем не менее, городничие, полицмейстеры и другие полицейские чины в этот период и до конца XIX века сохранили воинские (армейские) звания.

8 октября 1802 г. Именным указом Александра I Новороссийская губерния разделялась на Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую. В свою очередь Таврическая губерния делилась на 7 уездов, из них 4 в Крыму – Симферопольский (Акмечетский), Перекопский, Феодосийский (Кефийский) и Евпаторийский (Козловский). Городские и сельские полиции подчинялись Губернскому управлению. Должности городничих предусматривались в губернском Симферополе, уездных Перекопе (для городского селения Армянский Базар в связи с наличием в Перекопской крепости коменданта), Евпатории и Феодосии, а также Севастополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Керчи и Еникале. Нижний земский суд не вводился только в Балаклаве и ее окрестностях, месте дислокации Греческого пехотного батальона. В Феодосии для обеспечения покровительства международной торговли вводилось управление посредством института градоначальства, который должен был организовывать и деятельность полиции. Впрочем, в феврале 1803 г. градоначальник Феодосии еще не был назначен, поэтому город оставался в ведении Губернских начальств и Николаевского военного губернатора и инспектора крымской инспекции

С. А. Беклешова. Последнему поручалось приведение в лучшее положение земской полиции в Таврической губернии, после чего 30 июня этого же года в регионе открылось Присутственное место.

Отметим, что в конце XVIII – начале XIX века Таврическая губерния являлась одним из отсталых регионов Российской Империи. Это было связано с отсутствием промышленных предприятий, стагнацией сельского хозяйства, неразвитостью инфраструктуры городов, демографическими проблемами и массовой эмиграцией крымских татар, земельными спорами и межрелигиозными конфликтами, отсутствием поддержки местной администрации со стороны населения, сложной криминологической обстановкой и т.д. Именно поэтому первый Таврический губернатор Г. П. Милорадович (13 декабря 1802 г. – 2 августа 1803 г.) просил отставку фактически сразу после посещения полуострова.

Начало серьезных изменений было положено деятельностью губернаторов Д. Б. Мертваго (26 декабря 1803 г. – 28 октября 1807 г.) и А. М. Бороздина (2 ноября 1807 г. – 20 июля 1816 г.) [10, с. 170–173]. Д. Б. Мертваго так описывал состояние дел в губернии: «...не только кражи, грабеж, но смертные убийства оставались не выявленными, безнаказанными и дела отдавались суду Божьему. Правосудие продавалось, как вещь в торговле привычная» [11, с. 131]. Сразу после своего назначения он провел критическую оценку деятельности губернских чиновников, после чего многие из них были уволены со своих должностей и привлечены к ответственности [12, с. 195]. Подобное положение дел требовало функционирования эффективного полицейского аппарата.

Все это происходило в контексте продолжавшейся в Российской Империи реформы управления полицией. 24 октября 1803 г. был издан Императорский Указ «О средствах к исправлению полиции в городах», которым определялись основы управления полицейскими учреждениями, в том числе в каких случаях и пределах военное, гражданское или морское начальство руководило городничими и (или) полицеймейстерами. Например, Еникале и Керчь были отнесены к городам, в которых управление полицией осуществляло военное начальство, а полиция Севастополя в связи с наличием военного порта подчинялась морскому начальству.

До этой реформы города управлялись одними городничими или комендантами без помощников, не было ни частных приставов, ни квартальных надзирателей. Коменданты, как органы военного ведомства, только частично подчинялись гражданским властям в губернии. Губернатор или Губернское правление могли привлечь их к ответственности не иначе как через Сенат или Министра. Новое положение дало Министру внутренних дел право утверждать штаты для каждого города, с назначением частей, кварталов, количества персонала и их окладов, а также заменять комендантов полицеймейстерами. Руководствуясь этим положением, Министр внутренних дел представлял на Высочайшее утверждение новые штаты для городских полиций [13, с. 24].

Особенность управления Таврической губернией в этот период – наличие градоначальств, созданных для концентрации власти в руках градоначальника и эффективного управления торговлей и карантинами в портовых городах Черного и Азовского морей [14, с. 58–59]. Например, в созданном в 1803 г. в Феодосии

градоначальстве градоначальник непосредственно подчинялся Государю Императору и МВД, но взаимодействовал с местными гражданским и военным губернаторами при выполнении общих задач. Определение перечня и распределение полицейских полномочий утверждалось градоначальником, без чего признавалось нелегитимным. К его ведению относились городская полиция и губернская рота, все размещенные в городе военные команды, крепости и портовые строения, а также морские чиновники.

16 марта 1806 г. был утвержден новый штат Таврической губернии, согласно которому в столице губернии Симферополе, а также Перекопе и Евпатории введены должности городничих. В этих же штатах предусматривались должности полицеймейстеров в Севастополе, Бахчисарае, Карасубазаре и Керчь-Еникале, а также Нижние земские суды во всех уездах, кроме Тмутараканского. При Губернском правлении и правлениях уездов создавались военные команды (132 и 34 чел. соответственно). Кроме того, в распоряжении полицеймейстеров городов Севастополя, Бахчисарая, Карасубазара и Керчь-Еникале под руководством унтер-офицеров находились военные команды численностью по 14 человек.

3 июля 1811 г. было утверждено «Положение о внутренней страже», а 1 февраля 1817 г. – «Положение для жандармов внутренней стражи». Внутренняя стража и ее жандармы, пришедшие на смену обычным военным командам, но как и прежде имевшие воинские и относимые к губернскому начальству обязанности, представляли силовые подразделения полиции. По указанию местного начальства они несли караульную службу, осуществляли охрану общественного порядка, поимку воров, преследование и истребление разбойников и др.

В то же время на территории Таврической губернии были сформированы Симферопольская губернская и Феодосийская портовая жандармские команды, которые состояли при местном гарнизонном батальоне и инвалидной команде соответственно. Обязанности жандармских чинов в целом совпадали с обязанностями внутренней стражи, за исключением сбора податей, охраны присутственных мест и острогов. Такая ситуация сохранялась вплоть до создания в 1827 г. корпуса жандармов (с 1836 г. – Отдельный корпус жандармов), исполнительного органа Третьего Отделения Собственной Его императорского величества канцелярии [15]. Другими словами, корпус жандармов постепенно становился органом политической полиции (органом безопасности) со специфическими функциями, который в дальнейшем продолжил взаимодействовать с ОВД при выполнении совместных задач.

В 1837 г. император Николай I инициировал проведение очередной реформы полиции. В частности принимаются «Положение о земской полиции» и «Наказ чинам и служителям земской полиции», определившие сферу деятельности и полномочия исполнительной полиции в уездах, земских исправников, выбирающихся дворянством, и становых приставов, назначавшихся губернским правлением. Низший исполнительский состав полиции был представлен десятскими, сотскими, пятисотскими и тысяцкими, именуемыми так по численности дворов на подведомственной территории. Порядок организации полиции, введенный в этом же

году, сохранился до начала второй половины XIX века, вплоть до реформ Александра II.

Император Александр II также много внимания уделял совершенствованию государственного и полицейского управления. 23 июня 1853 г. был утвержден «нормальный» (примерный) штат полицейских команд, зависевший от количества населения. Реформа полиции изменила не только ее организационную структуру, но и предполагала разделение подразделений по функциональным признакам. В 1858–1859 годах произошло объединение городской и земской полиций в Уездное полицейское управление, с обособленными городскими полицейскими управлениями в губернских и некоторых крупных городах. После этого в 1860 г. следственные функции полиции были переданы судебным следователям, за исключением функций дознания. Урегулированные «Главными началами для устройства уездной полиции» общие положения получили дальнейшую реализацию 8 июня 1860 г. при учреждении подведомственного Министерству юстиции института судебных следователей, а также утверждении «Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим включать в себя преступление или проступок». В результате этих изменений для уездных полиций упразднились звания земских исправников, городничих и полицеймейстеров и заменились общим для всех – уездный исправник. При этом исправник становился начальником уездной полиции, а полицеймейстер – городской. В 1878 г. было утверждено временное положение о полицейских урядниках, ставших квалифицированным звеном в подчинении становых приставов по управлению десятскими и сотскими.

В конце XIX века организационная структура полиции в Таврической губернии была представлена генерал-губернатором как высшим органом управления, губернаторами, губернскими правлениями и уездными полицейскими управлениями, отвечавшими за контроль исполнения законов и надлежащее повиновение властям, обеспечение безопасности и охрану общественного порядка, исполнение обязанностей по обеспечению судебного производства и исполнению судебных решений, исполнение обязанностей по делам казенного управления, военного ведомства и общественного хозяйства. Ключевой фигурой в полицейской деятельности становился становой пристав, которому подчинялись пешие и конные урядники, а через них сотские в участках стана и десятские в селениях. Соответственно, становой пристав должен был обеспечивать безопасность, исправник – наблюдать за безопасностью, а губернатор – отвечать перед правительством за безопасность в губернии [2, с. 329].

В городах, посадах и местечках, неподведомственных уездной полиции, образовывались городские полицейские управления под руководством полицеймейстера, у которого мог быть помощник. Этому управлению подчинялись участковые приставы, полицейские надзиратели (в некоторых городах околоточные надзиратели, относимые к полицейским служащим) и городовые (полицейская команда). Отдельно от уездной создавалась городская полиция в Керчь-Еникальском градоначальстве, в 19 уездных городах, а также безуездных населенных пунктах.

Во время русско-турецкой войны (1877–1878), правления императоров Александра III и Николая II, Первой мировой войны и революционных потрясений,

штаты городских полиций крымских городов и градоначальств систематически оптимизировались и усиливались адекватно внешним и внутренним угрозам Российской Империи. Регулярно вводились или продлевались режимы военного времени, усиленной или чрезвычайной охраны.

В 1903 г. в 46 губерниях, в том числе Таврической, была учреждена полицейская стража, а в 1908 г. выделена сыскная часть, предназначенная для производства розыска по делам общеуголовного характера в городах и уездах, в том числе отделения из 8 чинов в городах Симферополе и Керчь-Еникале. Городовые могли содержаться и на частные средства. Так, в 1906–1915 годы в Крыму содержалось около 10 полицейских чинов, в том числе городовые табачных фабрик Стамболи и Старого Крыма, Феодосийских отделений Азовско-Донского коммерческого банка и др.

В начале 1917 г. на весь Крым приходилось всего 218 полицейских стражников. Наряду с уездной и городской, функционировали фабричная, речная, горная и портовая полиция. Дислокация и структура крымской полиции представлена в таблице 1.

Таблица 1

Дислокация и структура крымской полиции (1917 г.)

№ п/п	Наименование уездов	Кол-во урядн. (чел.)	Полицейские стражи (чел.)	
			конной	пешей
1.	Симферопольский	7	64	11
2.	Феодосийский	8	9	26
3.	Евпаторийский	7	9	16
4.	Перекопский	7	4	15
5.	Ялтинский	5	6	24
Итого:		34	92	92

После прихода к власти Временного правительства последовала ликвидация действующих органов правопорядка, в результате чего государственная власть окончательно потеряла рычаги управления страной. Запреты приема на службу в ОВД бывших сотрудников полиции и офицеров корпуса жандармов привели к дезорганизации системы управления, деструктивным процессам в обществе и никем неконтролируемому и несдерживаемому росту преступности. После событий Февральской революции прекращение функционирования полицейских органов, история создания которых в Крыму брала начало с присоединения полуострова к России, нарушило связь традиций и нововведений, оперативного мастерства, накопленного опыта и сформированных ценностей, то есть прервало преемственность правоохранителей [16, с. 60–61]. Вместо профессионально грамотных и квалифицированных специалистов, на службу принимались исключительно лица пролетарского происхождения, далекие от правоохранительной деятельности, но верные и преданные новым идеалам [17, с. 132]. Указанные обстоятельства привели к экспансии существующих и появлению новых угроз

безопасности в регионе, частично нивелированных лишь в 1920-х годах благодаря применению вновь созданной Советской милиции, наделенной более чем широкими полномочиями по охране и поддержанию революционного порядка и борьбе с уголовной преступностью.

Таким образом, в период с 1783 по 1917 годы органы полиции Крыма неоднократно подвергались организационно-штатным преобразованиям, смене ведомственной принадлежности и кардинальным изменениям направлений оперативно-служебной деятельности. В то же время необходимо отметить предпринимаемые меры по совершенствованию их кадрового потенциала, материально-технической оснащенности, механизма взаимодействия с военным командованием и органами публичной власти, а также укреплению авторитета полицейских и повышению престижа службы в органах внутренних дел. Вместе с тем правоохранительной деятельности в исследуемом периоде присутствовали определенная разбалансированность, двойная и даже тройная подчиненность, выполнение нехарактерных для полиции функций, злоупотребление дискреционными полномочиями и отсутствие поддержки населения, которые в конечном итоге не позволили мобилизовать силы и средства для защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства в начале XX века.

Список использованных источников и литературы

1. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. 5. – № 3203.
Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). Sbranie pervoe. – SPb., 1830. – Т. 5. – № 3203.
2. Энциклопедический словарь / под. ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона: издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. – Т. 24.
Энциклопедический словарь / под. ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона: издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1898. – Т. 24.
3. Балдецкий О. А., Шаповалова Т. А. Проблемы определения понятия «полиция», связанные с формированием структуры системы управления органов внутренних дел // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 3 (37). – С. 129–132.
Baldeckij O. A., Shapovalova T. A. Problemy opredeleniya ponyatiya «policiya», svyazannye s formirovaniem struktury sistemy upravleniya organov vnutrennih del // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 3 (37). – С. 129–132.
4. Непомнящий А. А. Образование Таврической губернии. Административные преобразования // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – С. 63–71.
Nepomnyashchij A. A. Obrazovanie Tavricheskoj gubernii. Administrativnye preobrazovaniya // Istoriya Kryma: v 2-h t. / In-t rossijskoj istorii RAN; pod red. A. V. YUrasova. – M.: Kuchkovo pole, 2017. – Т. 2. – С. 63–71.
5. Болотина Н. Ю., Непомнящий А. А. Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина // История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – М.: Кучково поле, 2017. – Т. 2. – С. 15–21.
Bolotina N. YU., Nepomnyashchij A. A. Organizaciya upravleniya i administrativno-territorial'nye preobrazovaniya. Deyatel'nost' svetlejshego knyazya G. A. Potemkina // Istoriya Kryma: v 2-h t. / In-t rossijskoj istorii RAN; pod red. A. V. YUrasova. – M.: Kuchkovo pole, 2017. – Т. 2. – С. 15–21.
6. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. – 1899. – Т. 97. – № 1. – С. 3–38.
Dubrovin N. F. Russkaya zhizn' v nachale XIX veka // Russkaya starina. – 1899. – Т. 97. – № 1. – С. 3–38.

7. ПСЗ РИ. Собрание Первое. – СПб., 1830. – Т. 24. – № 17702.
PSZ RI. Sobranie Pervoe. – SPb., 1830. – T. 24. – № 17702.
8. ПСЗ РИ. Собрание Первое. – СПб., 1830. – Т. 25. – № 19226.
PSZ RI. Sobranie Pervoe. – SPb., 1830. – T. 25. – № 19226.
9. ПСЗ РИ. Собрание Первое. – СПб., 1830. – Т. 26. – № 19763.
PSZ RI. Sobranie Pervoe. – SPb., 1830. – T. 26. – № 19763.
10. Непомнящий А. А., Калиновский В. В. Под скипетром России: Крым в конце XVIII – первой половине XIX века // История Крыма / Российское военно-историческое общество. – М.: Олма, 2015. – С. 166–196.
Nepomnyashchij A. A., Kalinovskij V. V. Pod skipetrom Rossii: Krym v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka // Istoriya Kryma / Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo. – M.: Olma, 2015. – S. 166–196.
11. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / Подг. С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. – СПб.: Русская симфония, 2006. – 368 с.
Mertvago D. B. Zapiski (1760–1824) / Podg. S. D. Dzyubanov, G. G. Martynov. – SPb.: Russkaya simfoniya, 2006. – 368 s.
12. Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. – 2014. – № 3 (17). – С. 189–197.
Kravchuk A. S. Iz istorii gosudarstvennogo stroitel'stva v Krymu: Tavricheskaya guberniya v svoi pervye desyatiletija // Prostranstvo i Vremya. – 2014. – № 3 (17). – S. 189–197.
13. Адрианов С. А. Министерство внутренних дел: исторический очерк. – СПб.: Тип. МВД, 1902. – 226 с.
Adrianov S. A. Ministerstvo vnutrennih del: istoricheskij ocherk. – SPb.: Tip. MVD, 1902. – 226 s.
14. Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России, 1800–1860 гг.: учеб. пособие. – М.: Моск. гос. ист.-арх. ин-т, 1985. – 98 с.
Eroshkin N. P. Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformennoj Rossii, 1800–1860 gg.: ucheb. posobie. – M.: Mosk. gos. ist.-arh. in-t, 1985. – 98 s.
15. ПСЗ РИ. Собрание Второе. – СПб., 1830. – Т. 2. – № 1062.
PSZ RI. Sobranie Vtoroe. – SPb., 1830. – T. 2. – № 1062.
16. Коноплева А. А., Буткевич С. А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений // Философия права. – 2018. – № 1 (84). – С. 57–64.
Konopleva A. A., Butkevich S. A. Tradicii i innovacii: točki ehkstremaal'nyh znachenij // Filosofiya prava. – 2018. – № 1 (84). – S. 57–64.
17. Прохоров В. В. Создание руководящих органов крымской милиции в 1920–1924 гг.: страницы истории // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 17. – С. 130–133.
Prohorov V. V. Sozdanie rukovodyashchih organov krymskoj milicii v 1920–1924 gg.: stranicy istorii // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2001. – № 17. – S. 130–133.

Mikityuk Yu. V. Police agencies of the Taurida region (governorate) in the late 18th and early 19th centuries

The organizational and legal foundations of the operational and official activities of the internal affairs agencies of the Taurida region (governorate) in the late 18th and early 19th centuries are studied. The archival sources in this area and normative legal acts regulating the authorities of the Crimean police, from the accession of the Crimean peninsula to the Russian Empire in 1783 and up to the events of the February Revolution of 1917, are analyzed in detail. The historical and legal analysis made it possible to reveal the role of public authorities in the organizing of the police activities, to describe the state of the criminological situation in the region, to systematize current problems in the work of the police and attempts to solve them, as well as to highlight the main trends in the development of the law enforcement system on the Crimean peninsula at various stages of emperor rule in Tsarist Russia.

Keywords: law enforcement, police activity, Russian Empire, Russian police, formation of police, Taurida governorate, Taurida region.

УДК 94 (477.75)

МОРСКОЙ ФАКТОР В БОРЬБЕ ПОНТА С РИМОМ

Молев Е. А.

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: molev.eugeny@yandex.ru.*

Рассматривается военное противостояние Понта и Рима на море в период Митридатовых войн. Отмечается особая важность этого рода войск в римско-понтийских войнах, обеспечившая длительность сопротивления Понта римской агрессии. Отдельно рассматриваются боевые действия пиратов и их контакты с царем Понта.

Ключевые слова: Понт, Рим, Митридат VI Евпатор, Колхида, военный флот, пираты.

*Море не знает жалости, и если осторожность
спасает предусмотрительных,
то невнимательных губит небрежность...
Veg., IV, 38.*

Эпиграф к нашей статье выбран не случайно. Морской фактор в истории приморских государств всегда играл большую роль, и от того, как были подготовлены противники к этой войне, как они учитывали свои возможности ее ведения на море, насколько знали природные условия театра военных действий и могли использовать их в своих целях, в значительной мере зависел исход любого военного столкновения. Не случайно уже в V и IV вв. до н. э. политическая гегемония в античном мире всегда подразумевала «правление на суше и (или) на море» [16, р. 62].

Мы рассмотрим результаты решающего столкновения Понта и Рима и то, в какой мере враждующие стороны были обязаны своими успехами и неудачами морю и подготовленным ими флотам. Роль морского фактора в войнах Митридата Евпатора против Рима отчетливо проявилась уже в первой его войне 89–85 гг. до н. э. [14, с. 350]. Боевые действия на море в то время показали, что реального плана морской войны не было ни у той, ни у другой стороны. Ни тогда, ни после Митридат, начиная войну, не ставил своей целью поход на Рим, используя для этого силы флота¹. Его цель была гораздо более ограниченной: добиться от римлян признания своих завоеваний в Азии. Исходя из таких планов, Митридат надеялся, что сил его флота будет достаточно для того, чтобы не дать римлянам возможности высадиться в Азии и тем самым принудить их к признанию *de facto* сложившейся политической ситуации. Отсутствие собственного военного флота у римлян в то время [в годы Союзнической войны 90–88 гг. до н. э. большую часть кораблей римлян, дислоцировавшихся вне Италии, обслуживали города восточных провинций – 24,

¹ А когда в конце третьей войны поставил такую цель (App., Mithr. 101–102), то и тогда собирался достичь Италии по суше, однако потерял при этом не только свое царство, но и саму жизнь.

с. 10] делало эту надежду вполне реальной. Весь вопрос состоял в том, чтобы правильно организовать выполнение задачи обеспечения господства на море. Митридат, как свидетельствуют все наши источники, в решении этого вопроса полагался, прежде всего, на численность своего флота.

По сообщению Аппиана, он имел к началу войны 300 триер-катафракт, 100 дикротов (бирем) (ἄλλες κατὰφρακτοὶ τριακόσια, δίκροτα δὲ ἑκατὸν – App., Mithr. 13; 17; Memn., 31) и строил другие корабли. И. Кромайер считает эти сведения завышенными и полагает, что численность митридатова флота не превышала 150 кораблей [10, с. 471–473]. Точная численность римского флота, стоящего в Византии, неизвестна, но она, несомненно, была меньше, чем численность флота Митридата. Однако одного численного превосходства в кораблях оказалось недостаточно. Неудачные бои со значительно меньшим по численности родосским флотом вынудили Митридата расширить театр военных действий на территорию Греции, что тоже имело целью не дать римлянам приблизиться к границам Азии. В результате такой тактики значительная часть сил флота была вынуждена заниматься не блокадой вражеских берегов с целью пресечения попыток переправы римских войск в Грецию и Малую Азию, а продовольственным и иным снабжением своих сухопутных армий. Вероятные места переправы римлян в Азию (в частности самое опасное – Византий) даже не были поставлены под контроль сил флота.

Сулла, со своей стороны, не решался перенести войну в Азию при отсутствии флота. Чтобы исправить это упущение, он послал своего легата Луция Лициния Лукулла за кораблями к царям Сирии, Египта и на Родос (App., Mithr., 33; Plut., Luc., II–III). И только после успешного создания последним флота из кораблей союзников Сулла переправился в Азию.

Таким образом, победа римлян в первой войне с Понтом наглядно показала обеим сторонам значимость военного флота. Весь вопрос был в том, в какой мере враждующие стороны учтут этот опыт в своем будущем противостоянии. Начнем с Рима, поскольку необходимость наличия флота для него теперь, казалось бы, выглядела совершенно очевидной. Тем не менее после заключения в 85 г. до н. э. Дарданского мира римские военно-морские силы в Эгейском море, созданные Лукуллом, были расформированы. И это несмотря на то что война вовсе не закончилась. Уже вскоре после ухода армий Митридата римлянам пришлось осаждать Митилену, которая, по словам Тита Ливия, «одна в Азии продолжала бороться после поражения Митридата (Liv., Epit., 89). Подчинение Митилены потребовало помощи флота Вифинии [5, с. 397], за которыми был отправлен Гай Юлий Цезарь, отличившийся позднее при штурме этого города и награжденный дубовым венком (Suet., Caes., 2).

Поскольку Мурена собирался продолжать войну с Митридатом, он приказал прибрежным городам Малой Азии представить корабли для своего флота, во главе которого поставил Авла Теренция Варрона, о чем свидетельствует надпись с острова Самофракия [9, р. 273]. Число кораблей, которые обычно требовали римляне со своих союзников Азии, было невелико. По мнению Ч. Старра, их общее количество даже к началу третьей митридатовой войны не превышало сотни судов [24, с. 11]. Вероятно, именно поэтому, как отмечал в свое время Поль Фукар, «ни Варрон, ни Мурена не

Вторжение Мурены на некоторое время задержало возвращение Митридатом своих понтийских владений. Но сразу после окончания второй войны (ок. 80 г. до н. э.) он приступает к этой задаче. Для успешного решения ее он вновь усиливает свой флот, что специально подчеркивают Аппиан («против жителей Боспора он начал строить большой флот» – App., Mithr. 64) и Цицерон («под предлогом войны с соседними боспорцами он построил и снарядил огромные флоты» – Cic., De imp. Gn. Pompei. 9, 22). Претензии к Митридату на Боспоре были, по-видимому, аналогичны претензиям колхов. Не случайно и решение вопроса было одинаковым – Митридат назначил боспорцам в качестве правителя одного из своих сыновей – Махара – и тем самым добился подчинения этого государства без войны. Но после этого он предпринял попытку овладеть землями ахейцев, живших севернее колхов и отделявших владения Митридата в Таврике от собственно понтийских. Попытка эта оказалась неудачной. «Потеряв две трети своего войска в сражениях, от мороза и засад, он возвратился назад» (App. Mithr., 67).

Незадолго до начала военных действий против Мурены и в ходе их, понтийский царь ищет себе новых союзников. Ему удается заключить союзные договоры с Аполлонией и Мессембрией, что существенно расширяло возможности для базирования его флота, а, кроме того, обеспечивало прямую связь с союзными фракийскими племенами [11, с. 289]. А вот попытка привлечь к союзу один из сильнейших городов южного Причерноморья – Гераклею – успехом не увенчалась. За помощью к Гераклею обратился и римский наместник в Азии Мурена. Но гераклеоты предпочли не вмешиваться в конфликт, надеясь сохранить целостность своего полиса соблюдением строгого нейтралитета [19, р. 181, 322]. Эта надежда оказалась несбыточной, и спустя короткое время они сами убедились в этом [20, с. 230–231].

Далее, вплоть до начала своей последней войны с Римом, Митридат по-прежнему проявлял заботу о флоте, строил новые корабли, проводил обучение их экипажей, расширял контакты с пиратами. К началу решительного столкновения с главным противником Митридат сумел подготовить собственный значительный военный флот и имел надежных союзников в лице критян и пиратов. Еще одним союзником царя Понта стал римский полководец Серторий, который вел войну против политического режима своей страны, опираясь на поддержку племен Испании (App., Mithr., 68; Cic., De imp. Gn. Pompei. 9, 22; Liv., Per. 93; Plut., Sert., XXIV; Oros., VI, 2, 12). Причем начать войну против Рима Митридат решил, по информации Ливия и Аппиана, только после заключения союза с Серторием в 75–74 гг. до н. э. [8, с. 68]. Эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи [7, с. 88].

Цицерон в своей заметке (Cic., De imp. Gn. Pompei. 9, 22) утверждает, что Митридат, заключая договор с Серторием, подготовил единый план ведения войны с Римом на суше и на море. Однако на самом деле такового плана не было или, во всяком случае, он никак не проявился в последующих действиях понтийского флота и его союзников. В основной своей массе пираты ограничивались исключительно грабежами и только потому, что большая часть Средиземноморья была в руках римлян, последние были их врагами. Не случайно только небольшая часть пиратских кораблей приняла участие в боях совместно с царским флотом. Критяне в этой войне

действовали вполне самостоятельно и ограничились обороной своего острова. А Серторий вообще ставил своей главной задачей восстановление власти марианцев в Риме, а вовсе не поддержку Митридата. Впрочем, этот союз состоялся лишь на словах, вследствие гибели Сертория, вскоре после его заключения. И таким образом, основным фактором войны на море для Митридата оставался его собственный флот. Но и он, как показал ход военных действий, ограничился выполнением исключительно тактических задач, показывающих, что целью царя Понта было, как и в годы первой войны, завоевание Малой Азии и не более того [3, s. 201–204, 207–212]. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим, вкратце, его состав и характер боевых действий.

К началу третьей войны против Рима (74–63 гг. до н. э.) Митридат имел 400 триер и большое число мелких кораблей – пентеконтер и керкур (App., Mithr., 119; Memn., XXXVII). Еще 5 триер ему предоставили жители Гераклеи (Memn., XXXVIII, 1). В составе флота упоминаются также синопские триеры (Memnon. LIII, 1). Кроме того, в описание войны на море в составе флота Митридата упоминаются пентеры (Plut., Luc., XII) – наиболее крупные военные корабли того времени, и биремы (App., Mithr., 108). Столь значительные силы флота требовали соответствующего управления и в армии Понта вводится должность стратег флота (ὁ τοῦ ναυτικοῦ στρατηγός – Memnon. XXXVIII, 1) [13, с. 359].

Перед началом войны из общего числа кораблей 40 триер были отправлены в Испанию к Серторию и столько же на Крит (Memn., XLVIII).

Точная численность флота противника Понта неизвестна. В начале войны, когда сенат выделил 3000 талантов на строительство военного флота, «Лукулл воспротивился этому и высокомерно заверил его (сенат – *Е. М.*) в письме, что и без таких затрат и хлопот, с одними только кораблями союзников сумеет прогнать Митридата с моря. Не без божественной помощи это удалось ему» (Plut., Luc. XIII). Под последней Плутарх, вероятно, имел в виду бури, которые действительно уничтожили значительную (если не большую) часть понтийского флота.

К началу войны собранный римлянами военный флот под командованием консула Марка Котты сосредоточился в гавани Халкедона. Его задачей была оборона Пропонтиды и Вифинии (Plut., Luc. VI). Одновременно с назначением Лукулла и Котты сенат направил для ведения войны с пиратами претора Марка Антония Кретика, наделив его чрезвычайными полномочиями, аналогичными тем, которые семь лет спустя получил Гней Помпей [Vell., Paterc., II, 31]. Отметим сразу, что Антоний в первый год войны (73 г. до н. э.) провел лишь несколько незначительных операций против пиратов в районе лигурийского побережья, а затем перебрался в Грецию, где собирал корабли, формировал их экипажи, усердно выжимая для этого средства у местного населения, но не проявлял никакой активности в войне до 71 г. до н. э. [18, p. 575].

Таким образом, в целом план ведения войны с Митридатом у римлян был рассчитан в значительной степени на победу на море. Однако осуществление его потребовало значительно больше усилий, чем предполагали его создатели.

Весной 73 г. до н. э., после проведения маневров, флот Понта двинулся к Халкедону. (Рис. 1). Победа армии Митридата на суше, привела к тому, что флот в

тот же день атаковал гавань Халкедона, где укрылся римский флот, составленный из кораблей союзников. Разорвав заграждения, состоявшие из медных цепей, понтийцы сожгли 4 неприятельских корабля, а остальные 60 захватил в плен (App., Mithr., 71, 14–15). После этого город был осажден. Митридат не решился на его немедленный штурм, хотя после только что одержанных побед это было бы вполне естественно и в определенной степени могло гарантировать дальнейшие успехи армии и флота Понта. А вскоре подошла армия Лукулла, блокировавшая пути доставки продовольствия понтийской армии по суше. Попытки Митридата вызвать Лукулла на решительное сражение близ Халкедона не увенчались успехом. И он нашел, как ему казалось, путь сделать это, осадив другой греческий город – Кизик.

Несомненной причиной такого поступка Митридата стала роль жителей Кизика в битве при Халкедоне. По наиболее заслуживающим доверия данным Мемнона, в сражении на суше пало 5300 римлян, в морском же сражении (ναυμαχία) – 8000 римлян, а 4500 – взяты в плен (Мемн., XXXIX, 1). По данным Аппиана, у римлян в сражении на море погибло 3000 человек (App., Mithr., 71). Плутарх сообщает, что Котта потерял «60 кораблей со всеми людьми и 4000 пехотинцев» (Plut., Luc., VIII). Если считать эти корабли триерами, то на кораблях погибло около 12000 человек, что лишь немногим расходится с данными Мемнона. Но вот что важно: из этих 12000 человек 4000 погибших (т. е. одна треть) и 10 кораблей были кизикийскими. Более того, Аппиан сообщает, что перед штурмом Кизика Митридат приказал вывести к стенам города 3000 военнопленных (ἀιχμαλώτους) кизикийцев (App., Mithr., 73). Поскольку до осады города никаких данных о военных действиях с участием кизикийцев источники не сообщают, вполне вероятно, что эти пленные были взяты в плен также при Халкедоне. И тогда оказывается, что половина погибших в этом сражении были кизикийцы. Они же составили и две трети пленных. Это свидетельствует о том, что кизикийцы были активными сторонниками римлян. Г. Бенгтсон даже считает их единственными сторонниками Рима в провинции Азия в то время [2, с. 313]. Видимо, именно это обстоятельство, наряду с уклонением Лукулла от решительного сражения, заставило Митридата следующий удар нанести по этому городу. В известном смысле, от овладения им зависело отношение малоазийских эллинов к Митридату [22, с. 116].

Кизик расположен на острове у самого материка и связан с ним мостом. Для его блокады с моря нужен был флот. По сообщению Страбона, царь привел под Кизик 400 кораблей (Strabo., XII, 8, 11), т. е. практически весь свой военный флот. Роль флота в осаде и штурме города была достаточно велика. Он занял пролив, отделяющий город от материка, переправил небольшой отряд понтийских воинов на остров, который укрепился на Диндименских высотах, господствующих над городом, а во время штурма подвозил к стенам города осадные машины и штурмовые отряды воинов. Однако в защите своего собственного города кизикийцы оказались более успешными, чем при обороне Халкедона, и сумели отразить все атаки. Какая часть флота участвовала в штурме города – судить трудно, но совершенно очевидно, что в условиях блокады армией Лукулла путей доставки продовольствия для огромной армии Митридата для этих целей также использовалась и часть флота. Однако и с этой задачей он справиться оказался не в состоянии. Армия Митридата голодала,

вследствие чего часть войска царь отправил в Вифинию. Однако оно было разбито Лукуллом при реке Риндаке. Наступившая зима с ее непогодами отняла возможность подвоза продовольствия и с моря (App., Mithr., 76).

Теперь на долю флота выпало спасение еще сохранивших боеспособность остатков армии. Часть войска и жителей Лампсака, поддерживавших Митридата, были вывезены в Никомедию. На месте остался небольшой отряд воинов и кораблей под командованием стратега Аристоники, который должен был отвлечь неприятеля. Но изменники предупредили Лукулла о бегстве царя. Благодаря этому Лукулл смог внезапно обрушиться на Аристонику и полностью уничтожил его отряд.

Для обороны подступов к черноморским проливам был оставлен отряд из 50 кораблей под командованием Марка Мария, присланного Серторием в качестве главнокомандующего на Востоке. Для борьбы с ним Лукулл собрал флот из кораблей городов провинции Азия и назначил его начальником Триария (App., Mithr., 77). Сам Лукулл тем временем с частью собранного флота атаковал отряд стратега Исидора, плывший на Лемнос к Марию, и захватил все его 13 пентер. Исидор погиб в бою.

Узнав о месте расположения отряда Мария, Лукулл двинулся против него. Понтийские моряки поставили корабли на якоря вплотную к берегу и смело встретили римлян. Первая атака была отбита. Тогда, не прекращая боя, Лукулл приказал части кораблей своего флота идти в обход острова и высадить десант в тылу противника. После этого римляне обрушились на воинов Митридата и с суши, и с моря. Часть понтийских кораблей, обрубив якорные канаты, пыталась пробиться в открытое море. Экипажи других, наоборот, сошли на берег, чтобы драться с врагом на суше. Вскоре почти весь отряд Мария был перебит. Сам он попал в плен и был казнен.

Триарий также действовал вполне успешно. Он захватил вифинский город Апамею, а затем, соединившись с войском Котты, осадил самого Митридата в Никомедии. Осада велась вяло, но Митридат, узнав о гибели отряда Мария, принял решение уходить в Понт. Зима в то время уже полностью вступила в свои права, и море постоянно штормило. При входе флота Митридата в Понт началась сильная буря, погубившая 60 его кораблей. Затонул и царский корабль. Митридат вынужден был перейти на легкий корабль пиратов, чтобы спастись. С уцелевшими кораблями и воинами царь провел остаток зимы в устье реки Гипия. Во время зимовки он обманом занял город Гераклею и оставил в нем свой гарнизон.

Так закончился первый год третьей войны Митридата против римлян. Как видим, и в этой войне с самого начала флот был привязан к боевым действиям сухопутной армии и фактически не решал самостоятельных боевых задач. В какой-то мере таковые можно увидеть в деятельности понтийских моряков на Крите и в Испании, но сведений в источниках о них не сохранилось. Мы можем лишь предполагать, что понтийские корабли в составе критского флота приняли участие в сражении с флотом Марка Антония у берегов Крита. Однако после прибытия на Крит эскадры, посланной к Серторию с известием о гибели этого союзника Понта, и получив известия о неудачах своего царя, понтийские моряки решили вернуться к своим основным силам, но были уничтожены флотом Триария при Тенедосе (Mett., XLVIII).

В дальнейшем роль понтийского флота и вовсе свелась лишь к обороне городов своего государства. Эта оборона была достаточно длительной и велась с переменным успехом. Отметим еще один важный момент – поскольку основной состав морских сил противников состоял из греков, никаких тактических новшеств в сражениях не применялось. Таранный удар был основным средством достижения победы над врагом. Для успешного нанесения таранного удара требовалось именно высокое качество подготовки экипажей и командиров кораблей, их умение осуществлять необходимые маневры в любой ситуации. Достаточно вспомнить эпизод боя кораблей Лукулла с понтийским флотом Неоптолема при Тенедосе, когда родосский наварх Дамагор сумел развернуть свой корабль и подставить под удар тарана понтийского корабля корму, что позволило избежать подводной пробоины и остаться на плаву (Plut., Luc., III), а понтийские экипажи так и не смогли предпринять никакого иного маневра, чтобы одержать победу. Также было и в последующих сражениях.

Готовя флот к войне и, несомненно, зная слабость своего флота в отношении боевой подготовки, Митридат мог использовать для увеличения его боеспособности римские нововведения в тактику морского боя, использованные последними в период пунических войн и обеспечившие им победу в войне. Но он не сделал этого. И в конечном итоге римляне и на этот раз одержали победу. 110 понтийских кораблей (четверть военного флота Митридата) была представлена в триумфе Лукулла (Plut., Luc., XXXVII). Без поддержки же понтийского флота римлянами был сравнительно легко уничтожены и флоты его союзников – критян – в 71 г. до н. э. [25, с. 158], и киликийских пиратов. Что касается последних, то уже Генри Ормерод подчеркнул, что победы Лукулла на море подготовили почву для покорения пиратов [«His victories over Mithradates at sea prepared the way for the subjugation of the pirates no less than his successes on land broke the king's power» – 17, p. 221].

Список использованных источников и литературы

1. Appiani. Historia Romana / Ed. Mendelssohn, Ludwig. – Lipsiae : In aedibus B. G. Teubneri., 1879. – 564 p.
2. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма / Г. Бенгтсон ; Пер. с нем., предисл. Э. Д. Фролова. – М. : Наука, 1982. – 391 с., илл.
Bengtson G. Praviteli épokhi éllinizma / G. Bengtson ; Per. s nem., predisl. È. D. Frolova. – М. : Nauka, 1982. – 391 s., ill.
3. Berve H. Sertorius / H. Berve // Hermes. – Bd. 64. – Berlin, 1929. – S. 199–227.
4. Brulé P. La piraterie crétoise hellénistique / P. Brulé. – Paris, 1978. – 190 p.
5. Габелко О. Л. История Вифинского царства / О. Л. Габелко. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. – 576 с.
Gabelko O. L. Istoriya Vifinskogo tsarstva / O. L. Gabelko. – SPb. : ITS «Gumanitarnaya Akademiya», 2005. – 576 s.
6. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквилл ; Пер. М. Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1966. – 375 с.
Gay Svetoniy Trankvill. Zhizn' dvenadtsati tsezarey / Gay Svetoniy Trankvill ; Per. M. L. Gasparova. – М. : Nauka, 1966. – 375 s.
7. Гельцер М. Уступил ли Серторий Митридату провинцию Азия? // Studia hystorica. III / М. Гельцер ; Пер. с нем. А. В. Короленкова. – М., 2003. – С. 83–89.
Gel'tser M. Ustupil li Sertoriy Mitridatu provintsuyu Aziya? // Studia hystorica. III / M. Gel'tser ; Per. s nem. A. V. Korolenkova. – М., 2003. – S. 83–89.

8. Гуленков К. Л., Короленков А. В. Союз Митридата с Серториом / К. Л. Гуленков, А. В. Короленков // *Античность: общество и идеи* / Отв. ред. О. Л. Габелко. – Казань : Мастер Лайн, 2001. – С. 63–70.
- Gulenkov K. L., Korolenkov A. V. Soyuz Mitridata s Sertoriem / K. L. Gulenkov, A. V. Korolenkov // *Antichnost': obshchestvo i idei* / Отв. ред. О. Л. Габелко. – Казань : Master Layn, 2001. – С. 63–70.
9. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat et alii. V. I. Fasc. 1. – Paris, 1901. – 544 с.
10. Kromayer J. Die Entwicklung der römischen Flotte vom Seeräuberriege des Pompeus bis zur Schlacht von Actium / J. Kromayer // *Philologus*. Vol. 56. – 1897. – S. 426–491.
11. Молев Е. А. Западнопонтийские города в антиримских войнах Митридата Евпатора / Е. А. Молев // *Годишник на Софийски университет*. – Т. 77. Ч. 2. 1984. – София, 1985. – С. 286–293.
- Molev E. A. Zapadnopontiyskie goroda v antirimskikh voynakh Mitridata Evpatora / E. A. Molev // *Godishnik na Sofiyski universitet*. – Т. 77. Ч. 2. 1984. – Sofiya, 1985. – S. 286–293.
12. Молев Е. А. Властитель Понта / Е. А. Молев. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1994. – 145 с.
- Molev E. A. Vlastitel' Ponta / E. A. Molev. – N. Novgorod : Izd-vo NNGU, 1994. – 145 s.
13. Молев Е. А. Военные силы Понта при Митридите Евпаторе / Е. А. Молев // ПЕНТХОНТАЕТИА. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Ред. О. Л. Габелко, А. В. Махлаюк, А. А. Синицин. – М. : Изд-во СПбГУ, 2016. – С. 355–361.
- Molev E. A. Voennye sily Ponta pri Mitridate Evpatore / E. A. Molev // ПЕНТХОНТАЕТИА. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyy yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova / Red. O. L. Gabelko, A. V. Makhlayuk, A. A. Sinitsin. – M. : Izd-vo SPbGU, 2016. – S. 355–361.
14. Молев Е. А. Военно-морской флот Понта – первые испытания / Е. А. Молев // МАИАСК. – 2016. – Вып. 8. – С. 344–354.
- Molev E. A. Voennno-morskoy flot Ponta – pervye ispytaniya / E. A. Molev // МАИАСК. – 2016. – Вып. 8. – S. 344–354. Makhlayuk, A. A. Sinitsin. – M. : Izd-vo SPbGU, 2016. – S. 355–361.
15. Møller, Bjørn. Piracy, Maritime Terrorism and Naval Strategy. – Copenhagen : Danish Institute for International Studies, November 16, 2008. 10.
16. Momigliano, Arnaldo. Terra Marique // *The Journal of Roman Studies*. – 1942. – № 32. – P. 53–64.
17. Ormerod H. A. Piracy in the Ancient World / H. A. Ormerod. – London ; Liverpool, 1924. – 286 с.
18. Paul Foucart. Les campagnes de M. Antonius Creticus contre les pirates, 74–71 / Пер. С. Э. Таривердиевой // *Journal des Savants* n. s. 4 (Nov., 1906). – P. 569–581.
19. Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. – Paris, 1890. – 494 p.
20. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический / С. Ю. Сапрыкин. – М. : Наука, 1986. – 248 с.
- Saprykin S. YU. Gerakleya Pontiyskaya i Khersones Tavricheskiy / S. YU. Saprykin. – M. : Nauka, 1986. – 248 s.
21. Souza de, Philip. Piracy in the Graeco-Roman World. – New York : Cambridge University Press, 2002. – 276 p.
22. Талах В. Н. Рожденный под знаком кометы : Митридат Эвпатор Дионис / Под ред. В. Талаха. – Киев : Blok.NOT, 2012. – 199 с.
- Talakh V. N. Rozhdennyu pod znakom komety : Mitridat Ehvpator Dionis / Pod red. V. Talakha. – Kiev : Blok.NOT, 2012. – 199 s.
23. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III / Тит Ливий ; Пер. М. Л. Гаспарова, отв. ред. Е. С. Голубцова. – М. : Наука, 1993.
- Tit Liviy. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. T. III / Tit Liviy ; Per. M. L. Gasparova, отв. ред. E. S. Golubtsova. – M. : Nauka, 1993.
24. Честер Старр. Флот римской империи / Старр Честер. – М. : Центрполиграф, 2015. – 288 с.
- Chester Starr. Flot rimskoy imperii / Starr Chester. – M. : Tsentrpoligraf, 2015. – 288 s.
25. Хаджидаки Э. Критское эллинистическое пиратство / Э. Хаджидаки ; Пер. А. И. Иванчика // ВДИ. 1992. № 2. С. 154–161.
- Khadzhidaki EH. Kritskoe ehllinisticheskoe piratstvo / EH. Khadzhidaki ; Per. A. I. Ivanchika // VDI. 1992. № 2. S. 154–161.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории

МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Археология, история, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика. Севастополь, Тюмень, Нижневартовск

IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Ed. R. Cagnat et alii. V. I. Paris, 1901.

Molev E. A. Marine factor in fighting Pont against Rome

The article deals with the military confrontation of the Pontus and the Rome on the sea during the Mithridatic Wars. Notes the particular importance of this kind of troops in the Roman-Pontic war, provided the duration of the resistance of Pont Roman aggression. Considered separately, fighting pirates and their contacts with the king of Pontus.

Keywords: Pontus, Rome, Mithridates VI Eupator, Colchis, Navy, pirates.

УДК 930.25

АРХИВНОЕ ДЕЛО В ГОСУДАРСТВЕННОМ БАНКЕ РОССИИ (1860–1914)

Морозан В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
С.-Петербург, Российская Федерация
E-mail: v_moga@mail.ru*

Рассматривается процесс становления архивного дела в Государственном банке России. Основанное на базе Государственного Коммерческого банка, это учреждение переняло у своего предшественника многие методы хранения документов и принципы их разделения на отдельные разряды. Создав обширную сеть провинциальных подразделений, банк так и не смог сформировать в своих отделениях и конторах профессиональную группу архивистов. К концу императорского периода России в лишь в центральном управлении Государственного банка и в ряде контор действовали архивы с выделенными для них штатами. В подавляющем же большинстве филиалов следить за хранилищами документов поручалось отдельным служащим сверх их служебных обязанностей.

Ключевые слова: архив, банк, архивариус, контора, отделение, документы.

Интерес отечественных исследователей к истории архивного дела всегда был устойчив, хотя и не занимал определяющее место. Рассматривая публикации на отмеченную тему за последнее время, отметим, что интерес этот, в основном, сосредоточен на периоде после 1918 г. Исследования по более ранним периодам встречаются гораздо реже. И совершенно невозможно найти работы по устройству архивного дела в Государственном банке России. Полагаем, что работа ведомственных архивов времен императорской России продолжает оставаться малоизученной и требует к себе более пристального внимания историков.

Организация внутренней работы Государственного банка прошла сложный путь. По мере усложнения его делопроизводства и развития его операционной деятельности множился и объем документального материала. В таких условиях возникала необходимость в организации специальных архивных хранилищ, в особенности для центрального управления банка. Специфика этого учреждения требовала использования значительной части документов в повседневной работе. Сложно было определить какой документ из, казалось бы, законченного дела потребуется вновь. По этой причине служащие банка и его филиалов неохотно расставались с делопроизводственными бумагами. Эти обстоятельства мешали руководству контор и отделений сформировать архивы своих подразделений, разделив текущие и оконченные дела. Отметим, что учреждения Министерства финансов долгое время строили свою архивную службу на основании высочайше утвержденных правил о порядке хранения и уничтожения архивных дел от 9 июня 1864 г. Формулировки этих правила имели общий характер и не учитывали специфику каждого подведомственного учреждения. По этой причине сотрудникам банка сложно было классифицировать банковские книги и документы по степени

значимости и исторической ценности. Впрочем, недостатки этих правил стали проявляться со временем, по мере накопления документов и возникновения необходимости дальнейшего их хранения или уничтожения.

Отмеченные особенности делопроизводства и необходимость частого использования документов в процессе деятельности филиальной сети Государственного банка не требовали выделения отдельных архивных помещений. Лишь в центральном управлении в С.-Петербурге такое подразделение существовало с самого момента возникновения банка. Учрежденный в 1860 г. на базе Государственного Коммерческого банка, Государственный банк получил от своего предшественника объемный архив, который формировался на протяжении более 40 лет. В конторах и отделениях, да и то не во всех, существовали лишь особые помещения для хранения закрытых дел. Эти помещения отводились в начале 1860-х гг. лишь в тех конторах, которые были основаны на базе бывших филиалов Коммерческого банка. Таким образом, наличие документов, ликвидированных к маю 1860 г. старых банковских заведений, вынуждало руководство заводить особые помещения по хранению архивов. При этом штат для этих подразделений не предполагался. К примеру, Московская контора была открыта в здании конторы Коммерческого банка с сохранением части штата чиновников и служащих. По существу, поменяли лишь вывеску для вновь учрежденного банка, который получил более широкие кредитные функции.

Важно отметить, что бывшая контора также не имела особо выделенного архива, а дела хранились бессистемно в разных местах. По словам секретаря Московской конторы, коллежского советника Н. А. Матякина, архив текущих и решенных дел не был никому подчинен как до 1860 г., так и после. Ненадлежащее хранение документов и отсутствие должности архивариуса не позволяли составить ни описей, ни алфавитов [1, л.250]. Все просьбы управляющего конторой А. Н. Дюкло разрешить открыть должность хранителя архива заканчивались отказом руководства банка. При этом правление Государственного банка поручило руководству конторы составить опись всем нерешенным и решенным делам. А. Н. Дюкло поручил эту работу служащим отдела вкладов под управлением директора Д. В. Колосовского. Однако последний пришел к выводу, что силами самих сотрудников его отдела это сделать было невозможно, так как число этих дел было слишком значительным. Позднее, обвиненный в ненадлежащем отношении к документам, Д. В. Колосовский ссылался на перечень обязанностей директора по вкладам, в котором об архиве ничего не было сказано, следовательно, по его мнению, и ответственности за архивные документы он не нес. [2, л.94] Он также указывал, что делопроизводственные бумаги как завершенных дел, так и текущих были разбросаны по разным помещениям, частью на чердаке, частью в другом здании конторы на Никитской улице.

Ситуацию усложнила передача конторе в 1864 г. архива Московской сохранной казны, который хранился в здании Опекунского совета. После увольнения в 1863 г. С. М. Заяицкого, который был архивариусом Сохранной казны, делами этого архива никто не занимался. Очевидно, С.М. Заяицкий был недобросовестным архивариусом, так как архив был принят в Московскую контору в крайне запущенном состоянии. После 1864 г. следить за документами поручали разным лицам, то младшему

делопроизводителю А. И. Орловскому, то старшему делопроизводителю В. П. Лебедеву. Так, ключи от комнаты на Мясницкой ул., где хранились архивные бумаги, были доверены В. П. Лебедеву. Отмечая неудовлетворительное положение с архивом конторы, ее директор Д. В. Колосовский обращался непосредственно к Е. И. Ламанскому с просьбой определить для него архивариуса. На что Е. И. Ламанский ответил: «...у вас вся форма, да возьмите какого-нибудь чиновника, приставьте к архиву и назовите его архивариусом». [2, л.96]

По этой причине архив оставался в неразборном состоянии и разбросанным по разным местам до конца 1860-х гг., когда в Московской конторе была предпринята попытка похитить часть платежных документов. Чтобы скрыть хищение архивных документов, преступниками был предпринят поджог комнаты, где они хранились. Лишь счастливый случай позволил спасти архив и здание конторы от крупного пожара. [3] Разбор документов и составление описей начались в 1869 г. и продолжались до 1873 г. Для их хранения были отведено специальное помещение в каменном здании Опекунского совета на Солянке. Она находилась недалеко от жилых квартир, хотя и на безопасном расстоянии «от очагов огня и наводнения». Отведенное помещение не было идеальным для хранения документов. Располагаясь в подвале, с кирпичным полом, комната была несколько сыровата, особенно осенью и весной. Вход был защищен двойными деревянными дверями. Хотя в помещении архива и не было печи, он все же отапливался. Обогрев производился посредством духового душника, проведенного через стену от печки, состоящей в коридоре смежном с архивом. Вместе с тем помещение было хорошо освещено. Окна были зарешеченными, но без ставней. Вместе с тем должности архивариуса не было как, впрочем, и самого штата архива. Не было даже сторожа. Обязанности составлять справки и следить за сохранностью документов нес один из служащих банка сверх его штатных обязанностей. Таким образом, особой статьи расходов на содержание архива не было. В среднем на его нужды уходило до 60 руб. в год: на покупку веревок и другие мелкие материалы или на ремонтные работы.

В архиве хранились дела с 1769. Всего в архиве в 1873 г. было 10 759 книг и 500 дел Коммерческого банка, Ассигнационного банка и его Учетной конторы. Там же содержались документы Московской сохранной казны с 1772 по 1870 г. Всего было 23 172 таких дела. При этом в них содержалось 461 764 временных свидетельств по 4 % непрерывно-доходной операции. Очевидно, такое количество бумаг делали архив весьма объемным.

К 1873 г. дела с документами частично были переплетены и содержались в связках на открытых полках. Дела хранились по предметам ведения и по отдельным категориям и годам. В целом соблюдался определенный порядок содержания дел. Они были распределены по 3-м разрядам: «1) подлежащие всегдашнему хранению, 2) подлежащие хранению в течение 20 лет, 3) подлежащие хранению только в течение 10 лет». По каждому разряду были составлены описи с присвоением делу особого номера. Была и черновая опись, где было указано название дела, число листов или книг. Для удобства поиска дел был составлен и алфавит.

Примечательно, что в 1869 г. часть архива разбиралась младшим секретарем конторы, титулярным советником Владимиром Карловичем Зенгером с двумя

помощниками из числа чиновников конторы. Затем к этому мероприятию были привлечены еще 4 человека. По словам управляющего Московской конторы, к осени 1870 г. были разобраны 4000 решенных дел, из числа открытых до 9 сентября 1861 г., и составлен алфавит. Еще разобраны были 719 решенных дел, которые были открыты после 9 сентября 1861 г. Они также были внесены в алфавит. Привлеченные к разбору документов чиновники попытались систематизировать и текущие дела конторы. Они просмотрели 713 дел, из которых 325 отнесли к незавершенным. Остальные 388 дел они передали в архив с необходимой описью. [4, л.104]

Усилия по разбору старых документов предпринимались вплоть до 1873 г. При этом за эту работу, весьма трудоемкую, чиновники конторы не получили никакого вознаграждения. Впрочем, большая часть старых дел так и не была разобрана. В частности, не разобранными оставались дела Астраханской конторы Коммерческого банка, временного отделения Московской конторы. Старые и решенные дела были выделены в отдельный разряд. Ранее эти дела хранились где попало, как отмечалось, даже на чердаках. В виду малой площади архивного помещения, многие дела из отделений конторы не передавались на хранение в архив, а содержались на служебных местах. Уничтожения дел до 1873 г. тоже не проводилось. Руководство конторы в течение 1870-х гг. неоднократно просило назначить архивариуса и двух помощников к нему, а также сторожа. Отметим, что отдельные помещения для хранения документов были лишь в некоторых филиалах банка, как например, в Архангельской или Одесской конторах, где ранее действовали подразделения Коммерческого банка.

Во всех остальных, вновь открытых филиалах, архивных помещений не отводилось. Так, архив Архангельской конторы в 1870 г. был размещен в цокольном этаже каменного дома, принадлежавший Государственному банку. С одной стороны, он соседствовал с кассой конторы, а с другой его стороны располагалась пустая лавка. По словам управляющего, он был безопасен от пожара и наводнения. Архив находился в трех комнатах со сводчатыми потолками и деревянными полами, разделенные деревянными дверями. Входная дверь также была деревянной. Помещения были светлыми с тремя зарешеченными окнами. Штат для архива, как и повсеместно в провинциальных конторах и отделениях банка, не предусматривался. По сложившейся практике, архив был подконтролен канцелярии конторы и охранялся общим сторожем. Самые старые документы, оставшиеся от Променной конторы и Приказа общественного призрения, датировались 1784 г., дел с 1784 по 1800 было всего 47 единиц. Всего же в архиве содержались 3200 единиц хранения в виде книг, подшитых дел и отдельных документов. Дела были распределены по разрядам и по годам, которые надлежало хранить постоянно, временно или до уничтожения. [5, л. 106–111] До 1847 г., когда 16 июля случился крупный пожар в Архангельске, описей дел не было. Лишь после этого управляющий распорядился завести необходимые алфавиты и описи.

Гораздо лучше обстояли дела с хранением документов в центральном управлении Государственного банка. Из справки, составленной архивариусом А. Г. Терещенко, следовало, что в 1870 г. архив располагался на двух этажах каменного здания, в котором проживали нижние чины банка. В том же доме

находилась и гауптвахта, содержавшая караул с обер-офицером. В ней же находились печи, среди которых был большой котел с водяным баком на 2-м этаже для отопления архива горячей водой, гауптвахты и кладовой для медной монеты. Эта водонагревательная печь топилась с 6 часов утра до 3-х часов по полудню коксом или каменным углем. Хорошее отопление исключало сырость в архиве. В отведенных для хранения документов помещениях на нижнем этаже имелись 4-х стрельчатые своды, а на верхнем этаже был деревянный потолок. Полы на каждом этаже архива были деревянными, а двери железными. К недостаткам отведенных помещений, можно отнести плохое освещение. От имевшихся на нижнем этаже трех и на верхнем шести окон освещалась только половина пространства и то не везде одинаково. Из-за темноты в архиве было сложно читать не только надписи на связках и книгах, но даже с фонарем было трудно различить сами связки, дела и книги. Окна не были оснащены решетками и ставнями. Оконные рамы были чугунные с форточками, которые в самые жаркие дни было невозможно открыть. По штату 1860 г. в архиве состоял архивариус, его помощник и один сторож.

Архив состоял из дел и книг не только Государственного банка, но и тех кредитных учреждений, которые были ликвидированы к 1860 г. В частности, документы Ассигнационного банка, иногородних и временных походно-армейских, променных и учетных контор с 1786 по 1843 г. Всего по этим заведениям в архиве было 5063 дела. Далее в архиве были дела Экспедиции Депозитной кассы с 1839 по 1840 г. (675 дел); Экспедиции Государственных кредитных билетов с 1843 по 1861 г. (4350 дел), Сохранной казны С.-Петербургского опекунского совета (62 839 дел с 1791 по 1864 г.). Дела и книги Государственного Заемного банка с 1808 по 1864 г. (всего 191 390 дел). Из этой массы дел важнее всего для банка были билеты по вкладам. Их число крайне трудно было определить. В частности, билеты с 1825 по 1853 г. были переплетены в особые книги. По ним уже были произведены платежи, т. е. возвращены вклады. Более точные данные имелись по билетам с 1853 по 1860 г. Их было 70 795 штук при 648 реестрах. Они хранились в особом шкафу под простым ключом. Имелись дела Государственного Коммерческого банка, их было 153 907 дел. Наконец, в архиве содержались дела самого Государственного банка, которые составляли 63 280 единиц хранения. [6, л. 17–19]

Наибольшее беспокойство служащим архива приносили билеты по вкладам различных учреждений, по которым еще не были произведены выплаты. Их надлежало удостоверить и погашать в случае востребования вклада. Таким образом архивариусу и его помощнику приходилось искать в книгах записи по каждому билету. Учитывая объемы хранившихся документов, дело это было трудоемкое.

В архиве имелись описи по выплаченным билетам Заемного и Коммерческого банков с 1818 по 1828 г. Имелись описи по свидетельствам и книжкам Государственного банка с 1860 по 1872 г. При этом все эти описи имели различную форму, так как начали составляться еще до учреждения Госбанка. Алфавиты по разным предметам так же хранились в архиве. Поток поступающих в архив дел состоял в основном из свидетельств и книжек по вкладам. В год таких поступлений достигало до 5 тыс. единиц хранения. Примечательно, что до 1873 г. уничтожение дел в архиве не производилось. Правда, с 1860 по 1873 г. его так никогда и не

разбирали. Архивариус просил увеличить площадь помещений для архива, чтобы в них было светло, он так же просил увеличить и штат архива, так как два человека не могли привести его в надлежащий порядок. Руководство банка неохотно отзывалось на эти просьбы. К концу XIX в. в архиве появились должности писца и делопроизводителя с денежными окладами по 600 руб. в год. Помощник архивариуса получал 800 руб., а архивариус 1200 руб. в год. Писцом архива состоял Михаил Бурков, который окончил Петровское училище С.-Петербургского купеческого общества и служил в банке с 1897 г., изначально занимая эту должность. На 1900 г. ему было 27 лет. Помощником делопроизводителя был выпускник С.-Петербургской духовной академии и Археологического института Василий Георгиевский. В архив банка он поступил 6 сентября 1900 г. Должность помощника архивариуса занимал выпускник Московского университета Григорий Лукьянов. [7, л. 35, 75, 80]

Отметим, что положение дел в центральном архиве Государственного банка улучшилось в начале XX в., когда в 1903 г. было принято решение создать Центральный архив, в котором хранились не только местные документы, но и ценные дела филиалов банка. В этой связи товарищ управляющего Г. Г. фон-дер Остен-Дризен писал директору Е. Н. Сланскому: «При рассмотрении годового отчета банка делегация из членов совета неоднократно высказывала пожелание об учреждении в С.-Петербурге «Центрального архива банка», в котором могли бы быть сосредоточены все наиболее важные, подлежащие вечному хранению книги провинциальных учреждений банка, краткие сведения о всех вообще архивных материалах этих учреждений, а также и все делопроизводство по вопросам о порядке хранения и об уничтожении архивных дел контор и отделений». [8, л. 10]

В связи с этим возникла необходимость изменить и некоторые законоположения относительно архивов банка и его учреждений. Действующие с 1864 г. правила о порядке хранения и уничтожения архивных дел по Министерству Финансов и расписание номенклатуры документов, которые надлежало хранить вечно и временно далеко не удовлетворяли практику архивного производства того времени, учитывая, что делопроизводство крайне усложнилось. Впрочем, последующие меры по усовершенствованию нормативных актов оказались лишь отчасти результативными. Правила 1864 г. так и не были пересмотрены. К ним лишь прилагалась подробная инструкция по архивному делу, с расписанием разрядов дел, книг и документов, а также сроков их хранения. Инструкция и расписание были утверждены министром финансов 27 сентября 1906 г., а 7 ноября того же года они были разосланы конторам и отделениям для руководства и исполнения при циркуляре банка от 7 ноября 1906 г. Таким образом, можно говорить, что помимо улучшения условий хранения архивных материалов, служащие банка получили инструкции, позволявшие более объективно оценивать историческую важность отдельных документов, хотя старые нормативные документы пересмотрены не были.

При составлении инструкции 1906 г. Комиссия большое внимание уделила вопросу уничтожения не подлежащих хранению документов. Учитывая сложность выделения таких документов из общей массы закрытых дел, было принято решение отправить небольшие группы чиновников центрального аппарата для инспекции провинциальных архивов. В их задачу входили оценка состояния архивов, разбор

имевшихся дел и обучение местных чиновников архивному делу. Решено было командировать петербургские группы в те провинциальные учреждения, которые просили расширить или переустроить имевшиеся помещения для архивов. Лишь после этого предполагалось отправлять чиновников центрального управления в другие конторы и отделения банка. При этом те чиновники, которые возвращались из первых командировок с приобретенным опытом разбора архивов, назначались руководителями новых групп для последующей отправки в другие филиалы. Принимая во внимание весьма трудную и ответственную задачу, которая возлагалась на этих чиновников, а также вредные для здоровья условия работы, руководство банка распорядилось выплачивать им подъемные деньги в повышенном размере.

Первая группа ревизоров были отправлены первоначально в Варшавскую контору, затем Лодзинское и Белостокское отделения. В ее состав вошли помощник директора В. В. Андрищенко, старшие бухгалтеры А. П. Зарубин и А. Б. Яковлев, бывший архивариус центрального архива банка А. А. Миронов и один из нижних чинов архива. Из рапорта В. В. Андрищенко о проведенной работе следовало, что в архиве Варшавской конторы хранился значительный объем документов. Особенно много было бумаг от бывшего Польского банка, Центральное управление которого находилось в Варшаве, куда стекались документы из пяти его отделений. Таким образом, в варшавском архиве скопились дела с 1828 г. По признанию В. В. Андрищенко, его подчиненные работали не покладая рук, имея дело с массой грязи и пыли. [9, л. 30] Примечательно, что местная администрация была крайне «предупредительна» к ревизорам, готовая помочь им всем необходимым. Однако, когда В. В. Андрищенко предложил уничтожить значительную часть документов, управляющий Варшавской конторой отказался исполнять это решение, потребовав соответствующего приказа из С.-Петербурга. Важно и то, что, обследовав архив Варшавской конторы, группа Андрищенко не только составила список дел, подлежавших уничтожению, но и опись тех дел, которые надлежало изучить и определить их историческую ценность. Для этого они предлагали назначить человека, достаточно компетентного и знавшего польский язык для изучения дел бывшего Польского банка. Его задача состояла не только в том, чтобы определить их историческую значимость, но и решить в какое учреждение они могли быть переданы на хранение.

После обследования архивов Варшавской конторы, Лодзинского и Белостокского отделений было принято решение отправить ревизионные комиссии в Московскую, Киевскую, Одесскую конторы и Херсонское, Кишиневское и Каменец-Подольское отделения. Вскоре была командирована другая комиссия во вторую группу отделений банка: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Ломжинскую, Полоцкую, Калишскую, Петраковскую, Ченстоховскую, Томашовскую, Радомскую и Люблинскую отделения. Третья группа состояла из Пормского, Екатеринбургского, Уфимского, Самарского, Саратовского, Пензенского, Симбирского, Владимирского, Ярославского и Рыбинского отделений. В первую группу филиалов были отправлены В. В. Андрищенко, как руководитель комиссии, старший бухгалтер Иващенко, бухгалтер 1 разряда Пикель. Вторую группу отделений поехали обследовать

А. А. Миронов и помощник бухгалтера А. Витковский, а третью Зарубин и бухгалтер 2 разряда Копылов.

Отметим, что к 1913 г. в Московской конторе существенно были расширены площади архива. Вместо прежней подвальной комнаты для документов были выделены две просторные комнаты общей площадью почти 400 кв. м. Первая была отведена для хранения книг, дел и документов бывших кредитных учреждений, вторая для дел Московской конторы. Общая длина полок в архиве составляла 1882 м., из которых заняты документами были всего 122 метра. Архив велся архивариусом и его помощником согласно инструкции. Проведенная специальной комиссией в 1913 г. проверка работы архива конторы не выявила каких-либо нарушений. К 24 сентября 1913 г. архив состоял из 25 226 дел, 16 846 печатных книг, 9 185 пачек документов и 1488 пакетов. Всего 52 705 ед. хранения. [9, Л.30] В Московской конторе проводилось регулярное уничтожение закрытых и не подлежащих хранению документов. Так, в 1908 г. было уничтожено 1439 пудов дел, а в 1912 г. – 1203 пуда. [9, л. 30]

Ревизоры отметили важные перемены в состоянии провинциальных архивов. В большинстве филиалов банка архивы располагались в отдельных помещениях. К примеру, архив Кишиневского отделения был расположен в трех отдельных комнатах, правда среди жилых квартир. Документы занимали лишь две комнаты, третья оставалась свободной. Вместе с тем ревизоры обнаружили, что в архиве настольных журналов и хронологических журналов отделение не вело. Имелся лишь устаревший черновой список дел, книг и документов, составленный при разборке архива в 1907–1908 гг. Архивные материалы были размещены на полках в связках, распределены по операциям с отступлением от требований и без архивной нумерации. По мнению комиссии, значительная часть документов подлежала уничтожению. [9, л. 26] Архив Киевской конторы находился в прекрасном состоянии, в совершенно изолированных помещениях площадью 172 кв. м. Документы хранились в связках по отделениям конторы, однако без какой-либо нумерации. Реестров как архивных, так и хронологических служащие не вели. Не велась и регистрация сданных дел. Если в Кишиневе архив не обслуживался отдельным штатом служащих, а велся секретарем отделения, то в Киеве им ведал архивариус. [9, л. 23]

Были и филиалы, где специальных помещений для архива не было отведено. В Каменец-Подольском отделении архив был хорошо систематизирован. Материалы пронумерованы и занесены в архивную настольную книгу, размещены в систематическом порядке, удобном для поиска нужных сведений. При этом документы были распределены по разным местам хранения в нарушение инструкции. Кроме того, по мнению комиссии из С.-Петербурга, около 30 % архива отделения подлежало уничтожению. [9, л. 25] Примечательно, что многие филиалы банка до 1870-х гг. сжигали подлежащие к уничтожению документы. Затем, по просьбам руководства филиалов, часть материалов стала продаваться писчебумажным фабрикам. Сжиганию подлежали лишь лицевые счета клиентов и другие бумаги, содержавшие сведениями личного характера, чтобы они не попали в руки недобросовестных лиц.

Таким образом, практика содержания архивов в Государственном банке за более чем полувековой период существования этого учреждения (1860–1914) претерпела существенные изменения к лучшему. Были отработаны методы отбора документов для передачи в архив, определены критерии их ценности, следовательно, и сроки их хранения. Для руководства банка стала очевидной необходимость выделения отдельных, защищенных от очагов огня помещений. По мере возможности в филиалах банка открывались должности архивариусов.

Список использованных источников и литературы

1. Дело об архивных делах Московской сохранный казны. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 272.
Delo ob arhivnyih delah Moskovskoy sohrannoy kazni. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 272.
2. Объяснительная записка действительного статского советника Д. В. Колосовского. 24 сентября 1870 г. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 261.
Ob'yasnitelnaya zapiska deystvitelnogo statskogo sovetnika D. V. Kolosovskogo. 24 sentyabrya 1870 g. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 261.
3. Подробнее см.: Морозан В. В. Сегодня, в одиннадцатом часу утра произошел пожар в архиве бывшей сохранный казны. Подозреваем поджог...» // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 188–204.
Podrobnее sm.: Morozan V. V. Segodnya, v odinnadtsatom chasu utra pro-izoshel pozhar v arhive byivshey sohrannoy kazni. Podozrevaem podzhog...» // Vestnik arhivista. 2015. № 4. S. 188–204.
4. Рапорт и. д. управляющего Московской конторой Н. И. Палтова. 30 октября 1870 г. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 261.
Raport i. d. upravlyayuschego Moskovskoy kontoroy N. I. Paltova. 30 oktyabrya 1870 g. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 261.
5. Записка об устройстве архива Архангельской конторы Государственного банка. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 272.
Zapiska ob ustroystve arhiva Arhangel'skoy kontoryi Gosudarstven-nogo banka. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 272.
6. Справка архивариуса А. Г. Терещенко. 1873 г. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 272.
Spravka arhivariusa A. G. Tereschenko. 1873 g. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 272.
7. О назначении и перемещении чиновников ниже 4 класса по СПб. Конторы Госбанка. 1900 г. РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 935.
O naznachenii i peremeschenii chinovnikov nizhe 4 klassa po SPb. Kontoryi Gosbanka. 1900 g. RGIA. F. 587. Op. 30. D. 935.
8. Г. Г. фон-дер Остен-Дризен – Е. Н. Сланскому. 23 мая 1903 г. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 332.
G. G. fon-der Osten-Drizen – E. N. Slanskomu. 23 maya 1903 g. RGIA. F. 587. Op. 56. D. 332.
9. Дело об обследовании архивов местных учреждений банка. РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 410.
Delo ob obsledovanii arhivov mestnyih uchrezhdeniy banka. RGIA. F. 587. Op. 56. D. 410.

Morozan V. V. Archival work in the State bank (1860–1914)

The article examines the process of archiving in the State Bank of Russia. Founded after and on the base of the State Commercial Bank, this institution took over from its predecessor many methods of storing documents and the principles of their division into separate categories. Having created an extensive network of provincial branches, the bank was never able to form a professional group of archivists in its stores and offices. By the end of the imperial period of Russia, only the central office of the State Bank and a few other branches had an archives department with full time employees. In the overwhelming majority of branches, the responsibility to monitor the storages with documents was entrusted to random employees as additional duties in excess of their regular workload.

Keywords: archive, bank, archivist, office, branch, department, documents.

УДК 94(470)«1941/1945»

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1-ГО ЭШЕЛОНА ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В КАМПАНИЮ 1943 ГОДА

Морозов М. Э.

*Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ,
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: red-sub@mail.ru*

Среди драматических эпизодов, выпавших на долю отечественного подводного флота в годы Великой Отечественной войны, кампания 1943 г. на Балтике занимает особое место. Ни до, ни после нее соотношение успехов и собственных потерь не достигало такого невыгодного для советской стороны соотношения, как в этот период. Из состава 1-го эшелона развертывания кампании 1943 г. пропали без вести две из трех входивших в его состав подлодок (66%) при том, что ни одной из них так и не удалось вырваться за пределы Финского залива и принять участие в действиях на коммуникациях противника. Рассекречивание в последние годы большого пласта документов из отечественных архивов, находки на дне Финского залива, а также появившийся доступ к документам бывших противников дает возможность максимально полно восстановить картину событий и объективно оценить причины трагических неудач.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Военно-Морской Флот СССР, военные действия на море, боевые действия на Балтийском театре военных действий, подводные лодки, противолодочная оборона.

Планирование боевых действий подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) на кампанию 1943 г. началось в самом начале года, когда Финский залив был еще скован льдом. «Плана действий подводных лодок КБФ на коммуникациях противника в кампанию 1943 г.» был завершен к 27 марта и утвержден командующим КБФ вице-адмиралом В. Ф. Трибуцом 8 апреля 1943 г. [1].

На основе анализа коммуникаций противника в Балтийском море, «Планом» предусматривалось нарезка 11 наиболее выгодных для действий подлодок районов, из которых 7-8 планировалось занять подлодками разворачиваемого в самом начале кампании 1-го эшелона [2].

Второй раздел «Плана» содержал сведения разведки о состоянии противолодочной обороны (ПЛО) противника в Финском заливе. Считалось, что немецко-финское командование создало и будет наращивать три рубежа ПЛО: первый между побережьем Финляндии у Манни, о. Гогланд, о. Большой Тютерс и о. Вигрунд (Гогландский), второй на меридиане м. Юминданина и третий между маяком Порккалан-Каллбода и о. Найссар (Нарген-Порккаландский). Каждый из рубежей состоял из линий минных заграждений, корабельных дозоров, береговых артиллерийских батарей, прожекторов, шумопеленгаторных станций, постов наблюдения (рисунок 1).

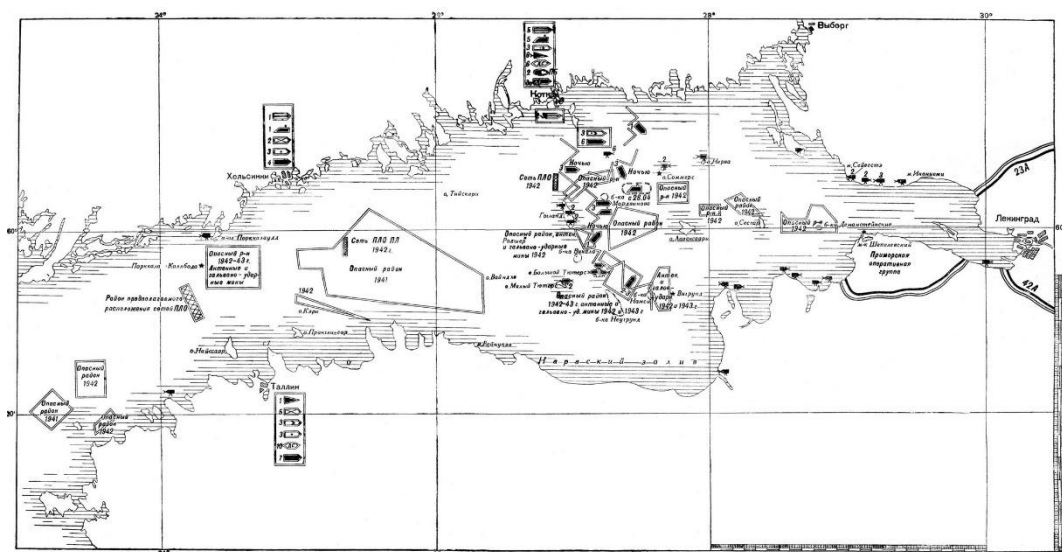

Рис. 1. Средства противолодочной обороны и силы корабельного дозора германских и финских ВМС в Финском заливе по информации, имевшейся в штабе КБФ на 1 мая 1943 г. Источник: Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. Выпуск 4 (1 января – 30 июня 1943 г.). М., 1949. С. 320.

Как показали последующие события, «План действий подводных лодок» не учитывал всех изменений в ПЛО противника. Весной 1943 г. система ПЛО противника в Финском заливе была коренным образом реорганизована. Главные усилия были сосредоточены на Нарген-Порккалудском рубеже, основу которого составляло двойное сетевое заграждение «Вальросс», выставленное в самом узком месте залива от берега до берега, от поверхности до самого дна. Перед сетями находилось минное заграждение «Насхорн», на котором к началу июня 1943 г. имелось около 10 тысяч мин. Второй рубеж – Гогландский – являлся передовым. В его основе лежало минное заграждение «Зеесигель» (около 5,3 тыс. мин). Между рубежами в средней части залива постоянно действовали финские и немецкие корабельные поисковые группы, поддерживаемые противолодочной авиацией. Общее количество кораблей и катеров германских и финских ВМС, задействованное в несении дозоров на рубежах и поиске подводных лодок достигало к 20-м числам мая 100 единиц. Все это позволяет сделать вывод, что Финский залив от меридиана Гогланда до меридиана Таллина превратился в один сплошной противолодочный рубеж глубиной около 100 миль [3].

Обо всем этом в разведотделе штаба КБФ имелись лишь отрывочные сведения воздушной и агентурной разведки. В апреле для дальней разведки Финского залива было произведено 47 самолето-вылетов, в мае – 25, в июне – 24. Сокращение числа вылетов после апреля объяснялось усилением противодействия вражеской истребительной авиации [4].

В результате вся выработка способов форсирования Финского залива на кампанию 1943 г. осуществлялась на основании старых разведданных и оценках обстановки, сложившихся к концу предыдущей кампании. Форсировать залив подлодки должны были исключительно в подводном положении, всплывая для зарядки батарей исключительно в темное время суток. С учетом того, что в конце мая в Финском заливе наступает период белых ночей развертывание 1-го эшелона планировалось осуществить между 7 и 24 мая, а возвращение в базу осуществить после 20 июля [5]. В состав 1-го эшелона «Планом» выделялись подлодки Щ-303, Щ-323, Щ-408, С-9, С-13, К-52, по две в состав резерва – (Щ-406, С-12) и для проведения разведывательных выходов (М-96, М-102). Для увеличения времени пребывания под водой каждая готовившаяся к походу лодка принимала большой запас средств регенерации воздуха, так например Щ-303 приняла 14 баллонов кислорода и 1400 регенерационных патронов [6].

По замыслу составителей плана прорыв через залив осуществлялся в два этап: первый - от Кронштадта до момента окончания прорыва через Гогландский рубеж, на котором действия подлодок обеспечивались своими силами и второй от Гогландского рубежа до устья залива, который подлодки преодолевали самостоятельно.

Участок от Кронштадта до точки погружения на восточном Гогландском плесе планировалось преодолевать за две ночи с промежуточной покладкой на грунт в районе о. Сескар. При этом переход обеспечивался своими надводными кораблями и авиацией. Из точки погружения до момента завершения форсирования Гогландского рубежа лодки двигались самостоятельно по маршруту через Нарвский залив, но их прорыв должен был обеспечиваться ударами авиации по вражеским дозорам.

Наиболее выгодным маршрутом движения на втором этапе считался центральный, проходивший через сильно разрядившееся минное заграждение «Юминда», выставленное противником в 1941 г. При этом меридиан маяка Каллбодагрудн требовалось форсировать в подводном положении, после чего без паузы в ночь на 4-е сутки с момента выхода из Кронштадта предполагалось преодолеть и Нарген–Поркаллаудский рубеж. Перед этим составители плана предусмотрели лишь одну зарядку батарей – на протяжении 4 часов в ночь на 3-е сутки похода в районе острова Вайндло. Окончательный выход за пределы устья Финского залива согласно плановой таблице должен был произойти в 23 часа 5-х суток прорыва [7]. Первая и вторая подлодки эшелона в течение прорыва должны были трижды выйти на связь с командованием по радио: по окончании 1-й зарядки, после прохода Нарген–Поркаллаудского рубежа и окончании 2-й зарядки, и после выхода в Балтийское море. Только после получения всех вышеуказанных донесений от обоих кораблей командование собиралось возобновить развертывание остальной части 1-го эшелона.

2 апреля Военный совет КБФ отдал директиву №ОП/422сс. Согласно нее командиру бригады подводных лодок (БПЛ) КБФ капитану 1 ранга С. Б. Верховскому и командующему Кронштадтскому МОР капитану 1 ранга Г. И. Левченко надлежало уже 18 – 20 апреля выслать две первые подлодки на позиции в Балтийское море с учетом возвращения их до периода белых ночей не

[illegible]

Рис. 2. Форсирование Гогландского противолодочного рубежа подводными лодками 1-го эшелона в мае 1943 г. Схема разработана автором статьи.

Лишь около 2 часов ночи 17 мая после завершения зарядки подлодка передала сообщение о завершении форсирования рубежа. Радиограмма представляла собой одну группу цифр (слово «Аист») без позывных и служебных сочетаний, переданную с предельной быстротой – всего за 1,5 – 2 секунды, – а кроме того, в нарушение инструкции по связи не был сделан повтор спустя 15-20 минут. Все эти нарушения были осуществлены по прямому приказанию командира подлодки, который опасался радиопеленгования. По времени и волнам передача совпала с трансляцией московской ширококвотельной радиостанции, поэтому не была принята даже несмотря на то, что дежурство на нужной волне осуществляли 10 радиоприемных центров КБФ [12]. Следующее сообщение, согласно «Плана» должно было последовать из района зарядки, расположенного западнее меридиана Таллина, но поскольку туда Щ-303 добраться так и не смогла, субмарина продолжала молчать на протяжении еще девяти суток. В результате, в штабе КБФ Щ-303 сочли погибшей на минах в Нарвском заливе. Затянувшееся ожидание радиограммы привело к большой задержке с развертыванием 1-го эшелона в целом, вследствие чего последующим подлодкам пришлось выйти в море, когда продолжительность темного времени суток сократилась до минимальных значений. Основной причиной произошедшего следует признать ошибки составителей «Плана действий подводных лодок», которые при отсутствии достаточных разведанных выбрали неудачный, контролировавшийся силами противника район зарядки и не предусмотрели запасного района. Это стало одной из главных причин гибели Щ-408.

Это подводная лодка продолжала скрытно базироваться на Лавенсари до вечера 18 мая. В 01.00 19 мая Щ-408 была оставлена эскортом в точке погружения, после чего приступила к самостоятельному прорыву Гогландского рубежа [13]. Можно предположить, что в течение дня субмарина успешно форсировала заграждение «Зееигель» и к утру 20 мая прибыла в район о. Вайндло. В ночь на 21 мая «щука», вероятно, смогла частично подзарядить батареи, но, как и в случае с Щ-303, этому мешали пролеты самолетов и проходы патрульных катеров. В 12.40 (по немецкому летнему времени; на час меньше московского) 21 мая ее присутствие по масляному пятну было обнаружено немецким гидросамолетом, который сбросил бомбы и вызвал поддержку. Вслед за этим подлодку атаковал финский самолет, осуществивший наводку поисковой группы, состоявшей из трех немецких быстроходных десантных барж (БДБ). В 16.16-16.28 баржи бомбардировали район топливного пятна, после чего легли в дрейф и приступили к пеленгованию шумов при помощи опускаемых станций. Это продолжалось до 01.49 (в 02.49 по московскому времени), когда Щ-408 всплыла в 700 метрах от баржи «F 188», которая сразу же открыла огонь из 75-мм орудия и 20-мм автоматов. Спустя несколько минут к ней присоединились и две другие баржи [14]. В 02.55 и в 02.58 приемные радиостанции КБФ получили от Щ-408 две радиограммы, общее содержание которых было следующим: «Атакован силами ПЛО, имею незначительные повреждения. Противник не дает заряжаться. Прошу выслать авиацию. Мое место Вайндло». Бой продолжался около 11 минут, после чего подлодка погрузилась. Согласно материалам обследования остова Щ-408 на грунте, она получила попадания как минимум трех 75-мм снарядов в районе рубки и многочисленные попадания 20-мм

снарядов. На мостике с левого борта, напротив пробойны от снаряда, был обнаружен пистолет-пулемет ПППШ, принадлежавший, вероятно, командиру лодки [15]. С учетом данных обследования можно прийти к выводу, что гибель субмарины наступила не в результате разрушения прочного корпуса глубинными бомбами в ходе последующих атак немецких и финских кораблей 22 и 23 мая, как это считалось ранее, а в результате полного израсходования запасов воздуха высокого давления и электроэнергии, повреждения цистерн главного балласта и вероятной гибели командира в артиллерийском бою в ночь на 22 мая, а также, возможно, в связи с отказом оставшихся моряков поднять корабль на поверхность и сдаться противнику.

В начале третьей декады мая ситуация в глазах штаба КБФ выглядела следующим образом: Щ-303 считалась погибшей, а Щ-408 - прорывающейся через Финский залив. В Кронштадте в готовности к выходу находились Ш-406 и С-12, операция по проводке которых к Лавенсари началась вечером 23-го и завершился в ночь на 25 мая. Именно в этот момент в штаб БПЛ начали поступать данные от Щ-303. В 01.05 25 мая от нее была получена радиограмма: «Возвращаюсь в базу. Задержите ПЛ ПЛ Мохни» [16, л. 339]. Сразу же на «щуку» было направлен запрос о ее состоянии и причине задержки с выходом в открытое море. Следующей ночью командир Щ-303 капитан 3 ранга И.В. Травкин доложил: «[В точке] Ш=59.41,1 с.ш., Д=24.26,6 в.д. попал в сети. Повреждений не имею». В штабе бригады решили, что за сутки «щука» перешла из района о. Мохни к о. Найссар, где и попала в противолодочную сеть, что совершенно не соответствовало истинному положению. Известие о том, что обе первых «щуки» успешно форсировали Гогландский рубеж стало основанием для возобновления подготовки к выходу С-12 и Щ-406. В ночи на 27 и 28 мая штаб БПЛ продолжал запрашивать Щ-303 о месте ее нахождения и состоянии, но Травкин сохранял радиомолчание. Лишь в ранние часы 29 мая с Щ-303 была получена третья радиограмма: «Мое место Ш=59.58,5 с.ш. Д=25.16 в.д. Нарген сильная ПЛО. Старшина трюмных попал в плен. Кислорода два баллона...» [17, л. 340]. С получением этого сообщения стало ясно, что положение, в котором оказалась «щука», гораздо сложнее, чем считалось ранее, и у командира действительно есть основания настаивать на возвращении в базу.

Вкратце со «щукой» за прошедшие дни произошло следующее: После окончания зарядки у о. Вайндло Щ-303 двинулась на запад, и утром 19-го приступила к форсированию Нарген-Порккалаудского рубежа. В 04.38 она коснулась минрепа, а в 18.15 уперлась в сеть. Силой противодействия ее развернуло на 50 градусов на левый борт, одновременно возник 11-градусный дифферент на нос. В этой ситуации командиру ничего не оставалось, как оторваться от сети и отойти на восток, пытаясь найти место для незапланированной зарядки. Им стал район в 7,5 милях северо-западнее маяка Кери. Из-за помех, создаваемых силами ПЛО, в ночь на 20-е «щука» заряжалась на протяжении 78 минут, а в ночь на 21-е не смогла зарядиться вовсе [18]. Хотя командир не обращался к экипажу, всем на борту было ясно, что лодка находится в критическом положении – запасы электроэнергии и воздуха высокого давления (ВВД) сократились до минимума, стремительно убывали средства регенерации. В этой обстановке произошел случай, не имевший аналогов в

подводных силах других государств во Второй мировой войне – переход на сторону врага члена экипажа подводной лодки.

Днем 21 мая старшина трюмных Б. А. Галкин, оставшись один в центральном посту, продул цистерны главного балласта [19]. Лодка всплыла на виду у двух поисковых групп БДБ, но успела погрузиться раньше, чем противник по ней пристрелялся. Галкин оказался в воде и был спасен немцами [20]. После продолжительной бомбардировки (по оценке Травкина на лодку было сброшено до 200 глубинных бомб) вечером 22 мая Щ-303 на остаточном заряде батарей перешла в район в 9 милях северо-восточнее о. Кери. Зарядка возобновилась в ночь на 24 мая и продолжалась до 1 июня (девять ночей). В этой обстановке Травкин и принял решение о возвращении, рекомендовав командованию задержать выход остальных подлодок.

Из-за невразумительно составленных на борту Щ-303 радиogramм уяснение обстановки командованием сильно затянулось, и Щ-406 в ночь на 29 мая ушла в боевой поход. Он оказался очень коротким – еще до полудня подлодка погибла на mine заграждения «Зееигель» в паре миль севернее о. Большой Тютерс [21]. Лишь вечером 31 мая командованием КБФ были приняты два важнейших решения, фактически означавших прекращение развертывания 1-го эшелона: на Щ-303 была отправлена радиogramма, разрешающая возвращение в базу, а на С-12 - об отмене подготовки к походу [22]. 8 июня «щука» была встречена эскортом и приведена в бухту о. Лавенсари. В ночи на 10 и 11 июня она вместе с С-12 в два этапа была переведена от Лавенсари в Кронштадт.

Сразу после прибытия Щ-303 в базу началось изучение материалов ее похода. Условия, в которых находились подводники, прекрасно иллюстрировались цифрами. За 30 суток с момента выхода из Кронштадта, «щука» прошла 261,7 мили в надводном и 255,1 милю в подводном положении. Нахождение на грунте в общей сложности заняло 538 часов (22,5 дня), максимальное пребывание без всплытия – 76 часов 11 минут [23]. Общий расход средств регенерации воздуха составил 13 баллонов кислорода и 1250 патронов к регенерационным машинкам. Из-за длительного нахождения на грунте на глубинах 70-80 метров межотсечные переборки деформировались, в результате чего прорезалась и повывдавливалась резина комингсов входных люков. Хотя в походе Щ-303 не потопила ни одного корабля противника, его без всякого преувеличения можно считать одной из наиболее героических страниц советского подплава за все время войны, а экипаж «щуки» поставить в один ряд с героями последних дней обороны Брестской крепости. Впрочем, как показали последующие события, не все представители командных инстанций оказались с этим согласны.

14 июня комбриг Верховский представил Военному совету КБФ доклад о боевом походе Щ-303. Действия командира и экипажа он оценил высоко, а причиной невыхода в Балтийское море назвал «израсходование до прохода дальних противолодочных рубежей энергетических ресурсов, связанных с подводной автономностью и невозможностью их пополнения в море». Все расчеты составителей «Плана действий подводных лодок», комбриг, вопреки фактам, назвал правильными. Он считал залив проходимым при условии, что подлодки будут прибывать к сетям с

полным зарядом аккумуляторной батареи, что позволит им находить маршруты обхода сетей и преодолевать их. Он подчеркивал необходимость наличия как минимум трех часов темного времени в сутки для полноценного пополнения запасов электроэнергии, то есть фактически предлагал повторить попытки прорыва после завершения белых ночей [24]. В недалеком будущем именно эти идеи легли в основу замысла действий подлодок 2-го эшелона.

В штабе флота подготовили доклад на имя наркома ВМФ к 26 июня 1943 г. Краткое описание похода, сделанное в докладе, заметно преуменьшало сложности, с которыми экипаж Щ-303 столкнулся при прорыве. Так например, в документе не упоминалось о задевании подлодки за минреп при приближении к сетевому заграждению, не давалось параметров сетей, установленных визуальным наблюдением Травкина. Отсутствовало описание многочисленных контактов с кораблями и самолетами в районах зарядок, из-за чего плавание по заливу исключительно в подводном положении не казалась единственно возможным условием выживания.

Помимо этого просматривалось явное желание снять со штаба КБФ всякую ответственность за невыход «щуки» в Балтийское море и переложить ее на командира подлодки. «Зная о возможной встрече противолодочных сетей на рубеже Нарген – Порккалан-Каллбода, – писалось в документе, – командир ПЛ не подзарядил аккумуляторную батарею..., дабы в случае попадания в сеть имела бы возможность найти обходные пути». При этом составители доклада сделали вид, что не знакомы с «Планом подводной войны», в котором единственное место зарядки между Гогландским и Нарген-Порккаландским рубежами находилось у о. Вайндлю, откуда прийти в район сетей в подводном положении с неразряженной батареей было технически невозможно. На основании этого констатировалось невыполнение командиром Щ-303 поставленной задачи по выходу в Балтийское море и уничтожению вражеских кораблей и судов [25].

Еще больше несправедливой критики содержалось в анализе похода Щ-303, произведенном в Главном морском штабе (ГМШ) ВМФ СССР. Анализ был завершен к началу августа, когда в ходе подготовки к развертыванию 2-го эшелона были выявлены новые данные о концентрации сил и средств ПЛО в Финском заливе. В частности, 6 июля самолет-разведчик произвел первое фотографирование сетевого заграждения «Вальросс», а спустя 10 дней была произведена его полная аэрофотосъемка [26]. То, что сети нельзя было обойти с флангов, стало очевидным. Тем не менее, оценка похода Щ-303 осталась неизменной.

В частности рассматриваемый документ содержал следующие утверждения: «Не подновленные минные поля противника в Финском заливе в результате воздействия на них льдов и штормов в течение двух лет оказались настолько разряжены, что подлодка не имела ни одного касания минрепа на протяжении всего перехода (517 миль от Лавенсаари до Таллина в оба конца)... Несмотря на большое количество сил и средств ПЛО, противнику удалось подлодку атаковать только после ее всплытия в результате предательства». Соответствовал этим утверждениям и вывод: «Основной причиной неуспеха подлодки «Щ-303» явилось не воздействие противника, а плохая организация службы на корабле. Организация службы была настолько низка, что

предателю трюмному не составило больших трудов самостоятельно заставить подлодку всплыть в самой гуще сил ПЛО противника... Командир подлодки, зная, что придется форсировать район сетей [27], пришел в этот район, имея [низкую] плотность батарей... Это явилось причиной того, что лодка по существу не могла найти слабое место в заграждении и форсировать этот рубеж» [28].

Таким образом, развертывание 1-го эшелона подлодок КБФ в ходе кампании 1943 г. оказалось сорванным, задачи, поставленные Военным советом КБФ и руководством ВМФ – не выполненными, а две из трех направленных в море подлодок погибли.

Что же стало причиной неуспеха? Ответ лежит на поверхности – качественное и количественное усиление сил и средств ПЛО противника. К последним в первую очередь нужно отнести беспрецедентное по масштабам применение противолодочных сетей. Важными дополнениями к этому стали усиленные минные заграждения, корабельные и воздушные патрули на всю глубину Финского залива на запад от линии о. Гогланд – о. Большой Тютерс. Все это вкупе с периодом белых ночей превратило форсирование в не решаемую и крайне опасную задачу.

Вместе с тем, нельзя не задаться вопросом насколько оправданной была потеря двух подводных кораблей. На первом этапе наши неудачи еще можно было списать на отсутствие необходимых разведданных, хотя и это утверждение выглядит малоубедительным. Усиление воздушной и агентурной разведки в подготовительный период неизбежно привело бы к появлению многочисленных оснований для корректировки «Плана действий подводных лодок КБФ». Представляется, что этому препятствовали не только объективные трудности. После возвращения Щ-303, когда об отсутствии разведданных об обстановке в Финском заливе говорить уже не приходилось, все вышестоящие штабы обнаружили тенденцию к преуменьшению сил и средств противника, упрощению сложившейся обстановки, с одновременным предъявлением претензий к исполнителям низового звена, зачастую необоснованным. Вероятно, многие командиры и штабные работники понимали, что решить те или иные задачи с учетом реально существующей обстановки было невозможно, но все равно продолжали их ставить, поскольку от них этого требовало вышестоящее командование. В случаях неудач вся ответственность перекладывалась на рядовых исполнителей - командиров частей, подразделений и экипажей. Представляется, что командный состав среднего звена опасался обвинений в пассивности больше, чем неудач при активных действиях. Таким образом, при решении данной конкретной задачи сложилась система, обрекавшая на повторение неудач, к разряду которых можно отнести, в частности, попытку развертывания 2-го эшелона подлодок КБФ в конце июля – начале августа 1943 года.

Список использованных источников и литературы

1. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). Архив ВМФ. Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 1–53.
- TSAMO (Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony). Arkhiv VMF. F. 161. Op. 43. D. 140. L. 1–53.
2. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 19–28.
- TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 19–28.
3. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1943. – М., 1993. С. 329–330.

- Boyevaya letopis' Voyenno-Morskogo Flota, 1943. – М., 1993. S. 329–330.
4. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 596. Оп. 42. Д. 81. Л. 148–149.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 596. Op. 42. D. 81. L. 148–149.
5. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 30–31.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 30–31.
6. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 75.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 75.
7. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 140. Л. 45–46.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 140. L. 45–46.
8. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 9. Д. 12371. Л. 36.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 9. D. 12371. L. 36.
9. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере. М., 1949. Вып. 4. С. 308, 325, 334–335.
Khronika Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza na Baltiyskom more i Ladozhskom ozere. M., 1949. Vyp. 4. S. 308, 325, 334–335.
10. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 85. Д. 19669. Л. 54–56.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 85. D. 19669. L. 54–56.
11. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 279.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 279.
12. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 62., Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Том II. Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне. М., 1969. С. 200.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 62., Boyevaya deyatel'nost' podvodnykh lodok Voyenno-Morskogo Flota SSSR v Velikuyu Otechestvennuyu voynu 1941-1945 gg. Tom II. Podvodnyye lodki Krasnoznamennogo Baltiyskogo flota v Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 1969. S. 200.
13. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 6.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 6.
14. The U.S. National Archives and Records Administration (далее NARA), фонд T-1022, микрофильм (roll) 3056, дело PG49687, Kriegstagebuch der 24. L.-flottille 15-31.5.1943. Anlage 6.
15. Подводная лодка Ш-408. Поисковый отчет. СПб., 2016. С. 9.
Podvodnaya lodka SHCH-408. Poiskovyy otchet. SPb., 2016. S. 9.
16. Боевая деятельность подводных лодок Военно-Морского Флота СССР в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Том II. Подводные лодки Краснознаменного Балтийского флота в Великой Отечественной войне. М., 1969. С. 202.
Boyevaya deyatel'nost' podvodnykh lodok Voyenno-Morskogo Flota SSSR v Velikuyu Otechestvennuyu voynu 1941-1945 gg. Tom II. Podvodnyye lodki Krasnoznamennogo Baltiyskogo flota v Velikoy Otechestvennoy voyny. M., 1969. S. 202.
17. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 139. Л. 340.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 139. L. 340.
18. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 279–281.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 279–281.
19. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 23988. Л. 88.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 23988. L. 88.
20. Немецкие материалы свидетельствуют, что мотивами перехода Галкина на сторону противника являлась не ненависть к советской власти и желание ей навредить, а страх за свою собственную жизнь. В отчете командующего тральными соединениями «Восток» за вторую половину мая 1943 г. имеются, в частности, такие строки: «Особенно ценно, что 21 мая старшину трюмных с ПЛ 303 удалось взять в плен. Его нервы были так расшатаны длительным переходом под водой между сторожевиками, что при всплытии лодки он выпрыгнул за борт» // NARA. T-1022, roll 4311, PG 39564. Kriegstagebuch des F.d.M.-Ost 16.5.1943 – 31.12.1943. S. 382.
21. Подводная лодка Ш-320 и Ш-406. Поисковый отчет. СПб., 2017. С. 19–26.
Podvodnaya lodka SHCH-320 i SHCH-406. Poiskovyy otchet. SPb., 2017. S. 19–26.
22. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 11228. Л. 5; ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 161. Оп. 43. Д. 139. Л. 340.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 11228. L. 5; TSAMO (arkhiv VMF). F. 161. Op. 43. D. 139. L. 340.

23. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 34749. Л. 267.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 34749. L. 267.
24. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 369. Д. 34749. Л. 262–271.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 369. D. 34749. L. 262–271.
25. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 586. Л. 1–13.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 2. Op. 1. D. 586. L. 1–13.
26. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 596. Оп. 42. Д. 81. Л. 265.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 596. Op. 42. D. 81. L. 265.
27. О необходимости неизбежного форсирования сети Травкин не знал. В «Боевой директиве №1/оп» от 23.4.1943 г., врученной командиру подлодки на боевой поход, касательно сетей можно найти лишь следующие строки: «На зюйд-ост о маяка Порккалан-Каллбода противник, предположительно, противник производил постановку противолодочных сетей» // ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 18. Д. 34747. Л. 179.
- TSAMO (arkhiv VMF). F. 18. D. 34747. L. 179.
28. ЦАМО (архив ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 586. Л. 78–80.
TSAMO (arkhiv VMF). F. 2. Op. 1. D. 586. L. 78–80.

Morozov M. E. Combat actions of the 1st echelon of the submarines of the Red banner Baltic fleet in the campaign of 1943

Among the dramatic episodes that fell to the share of the Russian submarine fleet during the Great Patriotic War, the campaign of 1943 in the Baltic takes a special place. Neither before nor after it, the ratio of successes and own losses did not reach such a disadvantage for the Soviet side of the ratio, as in this period. Of the composition of the 1st echelon of the deployment of the 1943 campaign, two of the three submarines (66%) were missing, despite the fact that none of them managed to breakthrough from the Gulf of Finland and take part in actions on the sea communications of enemy. The declassification in recent years of a large layer of documents from domestic archives, finds wrecks on the bottom of the Gulf of Finland, and the access to documents of former opponents gives the opportunity to restore the picture of events as completely as possible and objectively assess the causes of the tragic failures.

Keywords: the Great Patriotic War of 1941–1945, the USSR Navy, combat actions at sea, military operations in the Baltic theater of operations, submarines, anti-submarine warfare.

УДК 94(470)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАГРАНИЦЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТАХ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Раева Т. В.

*Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: 7901634@gmail.com*

Рассматриваются особенности репрезентации деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), преобразованного в 1958 г. в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), в газетах «Правда» и «Известия». Через их призму автор изучает советский дискурс о дружбе и международном сотрудничестве в условиях Холодной войны. На основе формальной характеристики массива источников в статье сформулировано представление о стратегиях трансляции дискурса о дружбе. Продемонстрировано как газетные техники и приемы конструировали идеологически верную внутри- и внешнеполитическую «реальность», а содержание публикаций о деятельности ВОКС/ССОД создавало представление о размахе и многообразии советского дружелюбия, содействуя «интернациональному воспитанию советских граждан».

Ключевые слова: культурная дипломатия, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), «Правда», «Известия», Холодная война.

С началом Холодной войны СССР оказался в условиях противостояния со странами, превосходящими его как в социально-экономическом, так и в военно-техническом отношении. Это усилило для него значение инструментов «мягкой силы», работающих на создание новых внешнеполитических репрезентаций, демонстрирующих мощь и успешное развитие советской системы, уменьшающих антикоммунистические настроения в мире. В связи с этим оказался востребованным опыт культурной дипломатии межвоенного периода – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), созданное еще в 1925 г., продолжало рассматриваться советским руководством как важная институция, способная воздействовать как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию. Выступая в качестве площадки для неформального международного сотрудничества, оно привлекало симпатизантов СССР, транслировало партийную позицию по актуальным вопросам, формировало позитивный образ советского народа. Внутри страны Общество использовалось для разъяснения внешнеполитической обстановки и маршрутизации легальной политической активности граждан. Квазиобщественный характер ВОКС, специфика его инструментализации и неразвитость собственной внешней и внутренней «агентской сети» обуславливали значительную роль периодической печати в позиционировании Общества как участника зарубежной коммуникации. Представления об активности, размахе, успехе деятельности ВОКС в обеспечении мира и дружбы, «распространении правды об СССР» являлись во многом сконструированными средствами массовой информации, в особенности

газетами «Правда» и «Известия», что сохранялось и после преобразования в 1958 г. ВОКС в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) [18].

«Правда», печатный орган ЦК ВКП(б)/КПСС и «Известия», орган Советов депутатов, являясь самыми массовыми и «идеологически выверенными» газетами, точно реагировали на изменения внутривластной и международной ситуации и, в соответствии с официальным дискурсом, формировали послание о ВОКС/ССОД советским и зарубежным читателям. Влиятельность этих СМИ, авторитетность их нарратива об обществах дружбы, широта аудитории обуславливают исследовательский интерес именно к газетам «Правда» и «Известия». Формальная (внешняя) характеристика их материалов, позволяет сформулировать некоторые стратегии и практики конструирования представлений о деятельности ВОКС/ССОД. Для этого было выявлено и проанализировано с помощью метрического подхода общее количество публикаций об организациях культурной связи в газетах «Правда» и «Известия» за период Холодной войны. Полученные показатели по данным изданиям оказались примерно сопоставимыми, что связано с цензурным регулированием и дирижированием новостной повесткой СМИ со стороны советского руководства. Не очень существенное, но стабильное превышение количества материалов о ВОКС/ССОД в «Известиях», может быть объяснено меньшим количеством тем, освещаемых официальным печатным органом Советов депутатов СССР и, следовательно, более широкими возможностями обращения к данной проблематике, а также стремлением подчеркнуть общественный характер организаций культурной связи, соответствующий формату газеты. Вероятно, необходимость репрезентировать «самодеятельную» общественную работу, реализуемую Союзом обществ дружбы, обусловила увеличение количества публикаций о нем в «Известиях» за период с 1977 г. по 1989 г. темпом в два раза превышающим количество материалов в «Правде» за аналогичный период. Тем не менее, частота обращения к деятельности ВОКС/ССОД в центральных газетах в целом была невелика: в среднем «Правда» и «Известия» писали о деятельности ВОКС примерно 2 раза в месяц, о ССОД – не чаще 1 раза в месяц.

Более интенсивное освещение тем, связанных со Всесоюзным обществом культурной связи, в центральных газетах, демонстрирует, на наш взгляд, разную степень заинтересованности власти в использовании этой организации в ходе ее существования. На начальном этапе Холодной войны руководство СССР в публикациях о ВОКС транслировало новую конфигурацию мира, обозначало «своих» и «чужих», мобилизовало дух советских людей в условиях нарастания конфронтации с западными странами и ядерной гонки. В середине 1950-х гг., количество материалов об Обществе культурной связи, достигнув максимального значения за весь изучаемый период, формировало в советском дискурсе контуры политики «мирного сосуществования», репрезентируя размах международных связей и дружеского сотрудничества СССР, в который вовлечены миллионы людей по всему миру. В условиях разрядки, а затем нового витка напряженности конца 1970-х – начала 1980-х гг. кураторы и руководители организации, преобразованной в ССОД, не предложили новых стратегий ее участия в международной коммуникации, роль

Союза свелась к поддержанию официального политического курса и ритуализованному «интернациональному воспитанию советских граждан». Даже в конце 1980-х гг., когда количество публикаций о Союзе обществ дружбы стало особенно значительным, оно почти в 2 раза уступало показателю ВОКС середины 1950-х гг.: ССОД оказался слишком советским и прогосударственным, чтобы стать востребованным в условиях демократического сдвига.

Особенности инструментализации властью ВОКС/ССОД повлияли на размещение и жанровое оформление газетных материалов о них. Публикации о ВОКС располагались преимущественно на 3 или 4 полосах, посвященных международной информации. Материалы ССОД можно было встретить на любой полосе газет, что, несомненно, размывало представление о направлениях и характере его деятельности. Примечательно, что в 60–70-е гг. XX в. сообщения о прибытии иностранных делегаций по линии Союза публиковались в «Известиях» в рубрике «Официальные сообщения». Преобладающие в освещении ВОКС/ССОД информационные журналистские жанры, заметки, отчеты, репортажи, путевые заметки, констатирующие происходящее, становились удобной техникой конструирования «верной» реальности.

Любопытным аспектом, выявившемся в процессе формального изучения источникового материала, представляется практика использования названий рассматриваемых организаций в газетных текстах. В публикациях 1946–1958 гг. более распространенным (количество материалов в 3 раза больше) оказывается аббревиатурное обозначение ВОКС, что объясняется знакомством читательской аудитории с данной институцией, существующей с 1925 г. Ее трансформация в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами запустила длительный процесс обеспечения узнаваемости «новой» организации, связанный с использованием в газетах ее полного наименования. Аббревиатура ССОД стала встречаться в публикациях только с середины 1960-х гг. (с 1963 г. – в «Известиях» и 1965 г. – в «Правде»). Устойчивое же преобладание аббревиатурного обозначения Союза обществ дружбы наметилось только с конца 1970-х – начала 1980-х гг. Т.е. почти 20 лет у центральных периодических изданий занял процесс превращения «общественной» организации, предполагавшей многомиллионное участие обычных советских людей в ее работе, в узнаваемую для массового читателя. Продолжительность этого периода может рассматриваться в качестве аргумента в пользу псевдообщественного характера организации.

Распределение и динамика материалов по годам издания позволяет выделить определенные периоды в деятельности ВОКС/ССОД и привлечения внимания к ним СМИ: 1946–1953 гг., 1954 – начало 1960 гг., середина 1960-х – 1986 гг., 1987–1991 гг. Соотнесение этих периодов с существующими периодизациями Холодной войны дает возможность понять логику использования изучаемых организаций в качестве инструмента советской общественной дипломатии [1; 32; 33]. Появление сообщений в СМИ о ВОКС/ССОД происходило тогда, когда международные сдвиги уже были артикулированы партией и реализовывались официальной дипломатией, материалы газет в этом процессе использовались для поддержания и разъяснения политического поворота.

На основе сформулированной периодизации публикационного обращения к тематике ВОКС/ССОД в рамках данного исследования выстраивалось содержательное изучение газетных материалов.

Для газет начального периода (1946–1953 гг.) в освещении деятельности Всесоюзного общества культурной связи было характерно преобладание коротких заметок о посещении СССР общественными делегациями, деятелями культуры разных стран и поездках советских членов Общества за рубеж. ВОКС нередко позиционировался в них как инициатор этих визитов. География международной коммуникации, во второй половине 1940-х гг. включавшая преимущественно соцстраны, некоторые европейские капстраны, США и Канаду, к началу 1950-х гг. расширилась за счет стран Латинской Америки, Северной Африки, Ближнего Востока. Посещения обычно приурочивались к празднованиям 1 мая, 9 мая, 7 ноября и вплетались в праздничный ритуал: иностранные гости, присутствуя на парадах, митингах, визуализировали собой всемирное признание, поддержку и благодарность Советскому Союзу.

Газеты внимательно следили за пребыванием делегаций, освещая их приезд, маршрут перемещений, мероприятия, в которых они принимали участие, отъезд и деятельность визитеров по возвращении домой, направленную на распространение «знаний» об СССР, позволяя тем самым читателю совершить «воображаемое путешествие» вместе с зарубежными товарищами [15, с. 4; 21, с. 4]. Программа их визитов обычно включала посещение символических мест, репрезентирующих рождение социалистического государства (Музей революции, Музей Ленина), культурные достижения мирового значения (Кремль, Третьяковскую галерею) и новую жизнь в СССР (заводы, дома культуры, поликлиники). Обязательными были также встречи с советскими представителями, приемы в ВОКСе. Рассказы о посещении Советского Союза иностранными общественными делегациями газеты вписывали в строгий канон официального государственного визита, используя характерную для него лексику (прибыли, имели встречу, состоялся прием), что придавало освещаемым событиям значимость и достоверность. Фиксируемые этими сообщениями эмоции участников встреч подавались обязательно в высоком модусе (восторженно, горячо, сердечно), что работало на создание пресуппозиций, конструирующих реальность, не поддающуюся сомнениям.

Коммуникативная (речевая) ситуация, неизбежно возникавшая в ходе визитов, находила в газетных материалах особенное отражение. В том случае, если жанр не предполагал ее вытеснение или формальную констатацию, она не репрезентировалась как диалог: зарубежные участники коммуникации делились впечатлениями, задавали вопросы, выражали благодарности, делали заявления, советские – отвечали, но никогда не задавали вопросы. Наиболее диалогичным описанием речевого взаимодействия в газетах этого периода являлось упоминание об «обмене мнениями». Подобная интерпретация коммуникативной ситуации позволяла использовать ее исключительно для рассказа об СССР как «своими», так и «другими». На эту задачу работали даже те материалы, которые, исходя из жанровых возможностей, позволяли взглянуть на партнера Советского Союза по коммуникации. В широко освещаемых в начале 1950-х гг. пресс-конференциях,

практикуемых в ходе визитов иностранцев, информационных отчетах о деятельности зарубежных обществ дружбы с СССР, довольно редких путевых заметках присутствовало выражение лояльности, благодарности, восхищения Советским Союзом, описание его успехов и опыта внедрения социалистических достижений в странах народной демократии и т.д., но не было самих зарубежных стран и их жителей (они оказывались как бы лишены субъектности) [25, с. 4]. Такой прием позволял использовать нарратив о сотрудничестве для трансляции репрезентационной модели СССР, что вполне коррелировало с открыто декларируемой задачей ВОКС – донести «правду о Советском Союзе» всем честным людям [см., напр.: 16, с. 3].

Советский газетный дискурс о международном сотрудничестве выстраивался в рамках метарассказа о социализме, в котором СССР позиционировался как первая в мире страна, осуществившая переход к новому передовому общественному строю, свободному от внутренних противоречий и обеспечивающему наилучшие условия для жизни людей. Воспроизводя его положения, публикации о ВОКС представляли советских людей носителями лучших человеческих качеств, а советскую жизнь лишенной каких-либо недостатков. Даже в тяжелые послевоенные годы во впечатлениях иностранных визитеров, изложенных в газетах, доминировал мотив быстрого восстановления, процветания, побед и успехов СССР, которые конкретизировались, казалось бы, в наиболее проблематичной для страны потребительско-бытовой сфере. Описания разнообразия товаров на прилавках магазинов, чистых и светлых домов, красиво одетых людей и т.д. работали на создание у читателя «правильного» представления о советской действительности и закрепляли ощущение того, что публично описывать реальность можно было только в таких символических формах [39, с. 91].

Международное сотрудничество в этом дискурсе рассматривалось как естественное проявление «притягательной силы социализма», которая обуславливала неуклонно растущий интерес к СССР и являлась основой дружбы народов. Такая интерпретационная рамка позволяла, рассказывая о взаимодействии с иностранцами по линии ВОКС, решать пропагандистские и контрпропагандистские задачи. Апеллируя к русскому/советскому мессианизму, газетный текст убеждал читателя в исключительной значимости социалистического проекта для всего мира, формировал у аудитории ответственность «старшего товарища», готовность оказывать помощь [29, с. 3]. Контрпропагандистская составляющая материалов, направленная против «лжи капиталистической реакции», развенчивала представления о «железном занавесе», страхе, несвободе советских людей и их враждебности. Во впечатлениях зарубежных визитеров газеты неизменно акцентировали внимание на возможности свободного въезда в СССР, беспрепятственного перемещения и общения, на теплом приеме, оказанном им в стране и убедительном миролюбии советского народа [31, с. 4]. Ответные заверения иностранцев в искренней дружбе, отказе от участия в навязываемых капиталистами войнах, готовности оказывать давление на свои правительства и рассказывать правду об СССР у себя в стране должны были продемонстрировать читателям практический

результат абстрактных для большинства из них международных коммуникаций [26, с. 3].

Поворот во внешней политике Советского Союза от идеи несовместимости социализма и капитализма и неизбежности будущей войны к стратегии мирного сосуществования, наметившийся после смерти Сталина, активизировал международное сотрудничество по линии ВОКС и широкое освещение его в центральной прессе. Произошло не просто количественное увеличение сообщений о деятельности Общества, расширилось жанровое разнообразие материалов, изменился язык газетного текста. Наряду с прежними короткими заметками, появились репортажи с элементами интервью, путевые записки, зарисовки. В центре внимания журналистов оказались уже привычные визиты иностранных делегаций, к которым с 1954 г. прибавились т.н. «рейсы мира и дружбы». Их освещение стало панорамным: начиналось с момента подготовки к приезду в СССР, продолжалось подробным описанием поездок по стране, мероприятий в отдельных городах (массовых митингов, встреч с советскими людьми, посещения мест, инсценирующих привлекательную советскую повседневность) и завершалось сюжетом о возвращении визитеров домой и трансляции ими впечатлений о поездке. Такая форма репрезентации приездов позволяла развернуть перед советскими читателями волнующий процесс символического преобразования человека из-за рубежа, посетившего СССР: от сомневающегося до вдохновленного, от заинтересованного до восторженного, от скептически настроенного до открытого к дружбе [4, с. 3; 27, с. 1; 28, с. 1; 37, с. 1].

Новой формой демонстрации международного сотрудничества для газет этого периода стали личные истории дружбы, взаимной помощи советских людей и далеких или близких иностранных друзей [10, с. 4]. Их главным действующим лицом зачастую выступала молодежь, которой публично делегировалась роль убежденного пропагандиста социализма и, одновременно, показывались образцы правильного поведения: «невозможно убедить в “благах” капиталистического строя советского парня или девушку, которые родились и выросли в замечательной свободной стране, не знающей эксплуатации, безработицы, голода и прочих язв капитализма. Наша молодежь беспрдельно предана коммунистическим идеям, коммунистическому строю, и никакая в мире сила не свернет ее с пути» [22, с. 1].

Декларируя искреннее стремление советских граждан постоянно расширять культурный обмен со всеми народами земного шара, «Правда» и «Известия» предельно раздвинули географические рамки международного участия СССР не только за счет описания реальных коммуникаций, но и путем включения в нарратив о ВОКС материалов о взаимных визитах иностранных делегаций, деятельности зарубежных обществ дружбы, празднованиях памятных дат, связанных с историей зарубежных стран, их культурными и политическими деятелями. Такое информирование советских читателей создавало у них иллюзию глубокого вовлечения в пространство международных отношений, причастности ко всем событиям на земном шаре.

Язык публикаций середины 1950-х – начала 1960-х гг. становился более живым и неформальным. Даже в жесткий канон короткой заметки включалась нехарактерная

для него лексика: «делегация гостит», «дружеское общение» и др. Описание речевой ситуации газеты выстраивали как диалог, предполагающий вопросы и ответы, нередко звучащие от первого лица. Это позволяло использовать нарратив о международном сотрудничестве не только для рассказа об СССР, но и для знакомства советских граждан с жизнью, культурой, нравами и обычаями других народов [14, с. 4]. Талантливыми усилиями советских деятелей культуры, выезжающих за границу по линии ВОКС, создавались позитивные образы зарубежных стран из сложного переплетения отфильтрованных культурно-исторических воспоминаний и современных впечатлений [19, с. 3–4; 20, с. 4].

В новой коммуникативной ситуации ожидания, предъявляемые к партнеру, иностранному визитеру, тоже изменились, наряду с благодарностью и выражением лояльности, важным стало его желание понять, на которое советские участники отвечали дружбой и симпатией [2, с. 4]. Одобрение и восхваление перестало быть единственной характеристикой впечатлений зарубежных гостей от посещения СССР – иногда они «получали право» указывать на определенные недостатки советской действительности [34, с. 4]. При этом сохранялась грань между допустимой критикой, которая обязательно должна сопровождаться описанием успехов Советского Союза, и «клеветнической», недопустимой критикой, которая сознательно подавалась как абсурдная с точки зрения советского читателя (например, когда иностранный гость отмечал большое количество гуляющих в советских парках, объясняя это отсутствием у людей жилья) [35, с. 4].

Наименее подверженным изменениям данного периода оказался подход в освещении международного сотрудничества СССР и стран народной демократии. Идея возможности перехода к социализму мирным парламентским путем не привела к принципиальному переосмыслению газетного дискурса. В публикациях продолжали доминировать мотивы благодарности Советскому Союзу за освобождение от фашизма, восхищения его успехами, стремления перенимать опыт социалистического строительства; репрезентируемая коммуникация с представителями соцстран разворачивалась, как и прежде, преимущественно в юбилейном пространстве. Эта инерция газетного нарратива отражала общую неготовность партийно-государственного руководства СССР к изменениям во взаимодействии со странами народной демократии в послесталинский период. Советский ответ на венгерские события снизил востребованность инструментов «мягкой силы», в т.ч. ВОКС – его возможности оказались недостаточными, чтобы сыграть заметную роль в преодолении этого кризиса [36, с. 61–62]. Только в конце 1956 – начале 1957 гг., когда была выработана официальная интерпретация венгерских событий, ВОКС и другие советские культурно-дипломатические институты приступили к ее трансляции [напр., 6, л. 57–189]. Недостаточная эффективность ВОКС, проявившаяся во взаимодействии с соцстранами, стала одной из главных причин его преобразования в ССОД, хотя в публичном пространстве эта истинная причина была скрыта общими словами о «последовательном развитии социалистической демократии, создании условий для более широкого вовлечения советских людей в благородное дело укрепления дружбы между народами всего мира» [3, с. 3].

Несмотря на декларативные заявления об активной поддержке гражданами СССР деятельности обществ дружбы, количество публикаций о ССОД с конца 1950-х гг. уменьшалось и сохранялось на невысоком уровне вплоть до 1980-х гг. К началу 1960-х гг. в газетных текстах были выработаны интерпретационные рамки рассказа о ССОД, отражающие противоречивый характер его инструментализации властью на новом этапе Холодной войны и специфику позднесоветского официального дискурса.

Основные усилия газетной риторики этого периода были направлены на создание представлений о ССОД как многомиллионной общественной организации, поддерживающей дружеские связи с народами всех стран. Размах и многообразие советского дружелюбия имели исключительное демонстрационное значение, позволяя убедить аудиторию в эффективности этих действий. Газеты регулярно сообщали о появлении обществ дружбы в самых отдаленных уголках СССР, международных обменах, участниками которых становились сотни человек, разнообразных мероприятиях, осуществляемых ССОД, включении его представителей в программу официальных встреч с партийными, государственными, общественными делегациями зарубежных стран. Однако эта информация обычно появлялась в виде коротких заметок, где не сообщались, как прежде, подробности визитов, впечатления иностранцев от поездки в Советский Союз.

Гораздо более подробно освещалась деятельность обществ дружбы, обращенная на «внутренний фронт» и связанная с «интернациональным воспитанием советских граждан». Она заключалась в проведении митингов и организации кампаний интернациональной поддержки. Рассказывая об этой политической активности участников обществ дружбы, газеты становились пространством, в котором эта деятельность продолжалась: на страницах «Правды» и «Известий» ССОД выступал от имени советской общественности с обращениями к зарубежным правительствам и общественным организациям, с протестами против незаконных арестов революционных борцов, в поддержку официальных заявлений и действий руководства СССР [см., например: 30, с. 4]. Такие выступления Союза обществ дружбы газеты сопровождали откликами дружественных стран/аудиторий, которые должны были продемонстрировать советским людям широкую внешнюю поддержку инициатив, публично артикулированных от их имени.

Помимо сообщений об интернациональных мероприятиях, нарратив о ССОД транслировал советским читателям «правильные» образцы поддержания дружеских связей с зарубежными товарищами, для которых личное взаимодействие как бы не являлось необходимым. Достаточным было ведение активной переписки, изучение истории, культуры, современной политической ситуации той страны, где проживали «друзья», конструирование значимых символов дружбы (создание «комнаты дружбы», мемориальных нарративов, основу которых обычно составляли военные воспоминания или впечатления зарубежных поездок и т.д.). Рассказывая истории о «дружбе, которой не страшны расстояния», газеты убеждали читателя, что и в таких дистанционных отношениях складывались реальные чувства доверия, уважения, привязанности: «“А если ты приедешь к нам в Чехословакию, не забудь заглянуть ко мне. И если не застанешь меня дома, так знай, что ключ под крыльцом...” ...Петру

Семенову, старому сибирскому охотнику за соболями из Култука, эти строки очень дороги: ведь он никогда в жизни еще не видел чешского рабочего Л. Поспишила...» [5, с. 4].

Расширение и нормализация практик воображаемого международного сотрудничества сопровождалось нарастанием формализации и бюрократизации деятельности ССОД. В газетном тексте это проявлялось в обращении к риторическим фигурам и интерпретационным моделям начального периода Холодной войны, их инерционном воспроизведении вплоть до середины 1980-х гг., увеличении количества материалов, сообщающих о конференциях, заседаниях секций ССОД, принятых планах международного сотрудничества [11, с. 1, 4; 12, с. 5]. Новые элементы в газетном освещении проблематики обществ дружбы появлялись отдельными вкраплениями, как случайности, и не становились определяющими для дискурса, но демонстрировали его смысловую подвижность [23, с. 4].

Очевидное изменение риторики центральных газет в рассказе о деятельности обществ дружбы стало происходить только к 1987 г. Начало этому процессу дала V Всесоюзная конференция ССОД, которая сформулировала новую платформу организации в условиях изменившейся внешнеполитической концепции правительства и внутривнутриполитического контекста. Рассказывая об итогах конференции, авторы газетных публикаций впервые поднимали тему недостатков в работе обществ дружбы (шаблонности, архаичности методов и др.) и готовности проводить в жизнь подлинно самостоятельные демократические начала [13, с. 4].

Общие фразы отчета были конкретизированы в практике ССОД по обмену многочисленными делегациями, состоящими из представителей различных социальных групп. Газеты, подробно и регулярно освещая эти события, использовали привычные недиалогичные интерпретационные модели, в которых рассказ о международном сотрудничестве становился рассказом об СССР и политике «перестройки». Иностранные и советские участники обменов подчеркивали глубину, демократизм производимых в стране перемен, смелость партийно-государственного руководства в признании ошибок, лидерство Советского Союза в деле борьбы за мир и обновление социализма [9, с. 4]. Такая практика позволяла производить и транслировать риторические формы публичного описания новой реальности и мобилизовывать население, демонстрировать меняющийся и более привлекательный образ Советского Союза.

Частью этого газетного дискурса о «перестройке» являлась критика и репрезентация недостатков социалистической действительности и практик международного сотрудничества ССОД. Впервые на страницах центральных изданий заговорили о неприятных инцидентах, сопровождавших визиты советских делегаций за рубеж, например о встречающих их пикетах студентов, протестующих против войны в Афганистане. Однако такие факты все еще интерпретировались в прежней традиции – как вылазки враждебных сил, либо как проблемы, преодолимые с помощью «перестроечных» реформ [17, с. 5]. В дискурсе о международном сотрудничестве конца 1980-х гг. ССОД вновь стал позиционироваться как самостоятельный актор коммуникации с зарубежными аудиториями. Тем не менее, в «Известиях» сохранялась практика размещения коротких заметок в рубрике

«Официальные сообщения», присутствовало большое количество сообщений об участии членов обществ дружбы на официальных встречах правительственных делегаций.

Наращение недовольства в обществе к 1989 г. усилило критическое отношение к ССОД и его деятельности в международном поле: на страницах газет эту организацию, Устав которой предполагал только коллективное членство, обвиняли в недемократичности [8, с. 4]. В проблемной статье замминистра культуры ставился вопрос о компетентности советских институтов, осуществлявших культурное сотрудничество, в т.ч. и ССОД. Автор указывал на отсутствие координации в действиях организаций, навыков работы с иностранными компаниями, незнание зарубежного рынка, его перенасыщение советскими культурными продуктами, проблему изъятия валютных гонораров за зарубежные гастроли у советских артистов [38, с. 3]. К началу 1990-х гг., не успев перестроить свою работу, ССОД утрачивал авторитет у советских граждан и переживал деградацию организационной структуры: его местные отделения не действовали, либо объявляли о своей «независимости» от центральных органов. В новой, более открытой и неформальной, системе трансграничной коммуникации деятельность Союза оказалась мало востребована [7, л. 1–4]. Газетная риторика конца 1980-х – начала 1990-х гг., направленная на дискурсивное производство эффекта «перестройки» и «нового мышления» в рассказе о ССОД потерпела поражение, хотя «Известия» и «Правда» по инерции продолжали сообщать об официальных приемах с участием представителей Союза, встречах иностранных делегаций, выставках и иных формах сотрудничества. Лишь изредка проскальзывала мысль о необходимости развивать подлинную народную дипломатию, минуя чиновные структуры вроде ССОД [24, с. 5]. Просуществовав до 1994 г., Союз советских обществ дружбы был переформатирован в Российский центр международного научного и культурного сотрудничества, подчиненный правительству Российской Федерации

Таким образом, центральные периодические издания «Правда» и «Известия» в условиях Холодной войны играли важную роль в формировании и трансляции официального советского дискурса о дружбе и международном сотрудничестве. Заметным аспектом этих усилий являлось конструирование представлений о деятельности ВОКС/ССОД. На страницах газет организация культурной связи репрезентировалась внутренней аудитории как активный участник международной коммуникации, надежный проводник мира и дружбы, канал для рассказа иностранцам «правды» об СССР. Непременно подчеркиваемый успех ее деятельности убеждал читателей в исключительной значимости социалистического проекта для всего мира, неизбежной победе Советского Союза в противостоянии Холодной войны. Нарратив о ВОКС/ССОД, создавая идеологически верную картину мира, обеспечивал политическую осведомленность советских граждан во внешнеполитических вопросах, их риторическую компетентность, обозначал пределы допустимой политической активности. В то же время, динамика международных отношений периода Холодной войны меняла значение организации для советского руководства и влияла на освещение ее деятельности в газетах,

определяя частоту появления материалов, способы и приемы его подачи, язык рассказа.

Список использованных источников и литературы

1. Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. – 2003. – Vol. 27. – № 2. – P. 193–214.
2. Березинский В. Правдивые свидетельства. Французы рассказывают о своих впечатлениях от поездок в Советский Союз // Правда. – 1955. – 4 октября.
- Berezinskii V. Pravdivye svidetel'stva. Frantsuzy rasskazyvayut o svoikh vpechatleniyakh ot poezdok v Sovetskii Soyuz // Pravda. – 1955. – 4 oktyabrya.
3. Вишневецкий С. Наша цель – мир и сотрудничество. Всесоюзная конференция советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами // Правда. – 1958. – 18 февраля.
- Vishnevskii S. Nasha tsel' – mir i sotrudnichestvo. Vsesoyuznaya konferentsiya sovetskikh obshchestv druzhby i kul'turnoi svyazi s zarubezhnymi stranami // Pravda. – 1958. – 18 fevralya.
4. Впечатления норвежских участников «рейса мира» // Известия. – 1954. – 15 сентября.
- Vpechatleniya norvezhskikh uchastnikov «reisa mira» // Izvestiya. – 1954. – 15 sentyabrya.
5. Горжени З. Дружбе не страшны расстояния // Правда. – 1960. – 7 июня.
- Gorzheni Z. Druzhbe ne strashny rasstoyaniya // Pravda. – 1960. – 7 iyunya.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9539, оп. 1, д. 534.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. R-9539, op. 1, d. 534.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. Р-9576, оп. 21, д. 76.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. R-9576, op. 21, d. 76.
8. Диалог. Читатель спрашивает, размышляет, советует. Порадовать нечем // Правда. – 1989. – 23 июля.
- Dialog. Chitatel' sprashivaet, razmyshlyaet, sovetuet. Poradovat' nechem // Pravda. – 1989. – 23 iyulya.
9. Дробков В. «Такие же, как и мы». Что думают о Советском Союзе в американской «глубинке» // Правда. – 1987. – 29 ноября.
- Drobkov V. «Takie zhe, kak i my». Chto dumayut o Sovetskom Soyuze v amerikanskoi «glubinke» // Pravda. – 1987. – 29 noyabrya.
10. Дружба // Известия. – 1955. – 28 мая.
- Druzhba // Izvestiya. – 1955. – 28 maya.
11. Дружба не знает границ. Начала работу III Всесоюзная конференция Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами // Правда. – 1974. – 3 декабря.
- Druzhba ne znaet granits. Nachala rabotu III Vsesoyuznaya konferentsiya Soyuzs sovetskikh obshchestv druzhby i kul'turnoi svyazi s zarubezhnymi stranami // Pravda. – 1974. – 3 dekabrya.
12. За дружбу между народами // Правда. – 1985. – 27 сентября.
- Za druzhbu mezhdu narodami // Pravda. – 1985. – 27 sentyabrya.
13. За мир и дружбу между народами // Правда. – 1987. – 13 марта.
- Za mir i druzhbu mezhdu narodami // Pravda. – 1987. – 13 marta.
14. К Всесоюзной конференции обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами // Известия. – 1958. – 7 февраля.
- K Vsesoyuznoi konferentsii obshchestv druzhby i kul'turnoi svyazi s zarubezhnymi stranami // Izvestiya. – 1958. – 7 fevralya.
15. К пребыванию в СССР делегации Австрийского общества содействия культурным и экономическим связям с Советским Союзом // Известия. – 1949. – 18 мая.
- K prebyvaniyu v SSSR delegatsii Avstriiskogo obshchestva sodeistviya kul'turnym i ekonomicheskim svyazyam s Sovetskim Soyuzom // Izvestiya. – 1949. – 18 maya.
16. «Мы видели это своими глазами». Доклад 19 американцев о поездке в СССР // Известия. – 1952. – 9 февраля.
- «My videli eto svoimi glazami». Doklad 19 amerikantsev o poezdke v SSSR // Izvestiya. – 1952. – 9 fevralya.
17. Наводить мосты дружбы. Встречи на китайской земле // Правда. – 1988. – 25 ноября.
- Navodit' mosty druzhby. Vstrechi na kitaiskoi zemle // Pravda. – 1988. – 25 noyabrya.

18. Нагорная О. «Нужно передать в дар ряд картин...»: повороты советской культурной дипломатии в периоды кризисов социалистического лагеря 1950–60-х гг. // *Ab Imperio*. – 2017. – № 2. – С. 123–143.
19. Nagornaya O. «Nuzhno peredat' v dar ryad kartin...»: povoroty sovetskoi kul'turnoi diplomatii v periody krizisov sotsialisticheskogo lagerya 1950–60-kh gg. // *Ab Imperio*. – 2017. – № 2. – S. 123–143.
20. Образцов С. Москва – Лондон // *Известия*. – 1954. – 10 марта.
21. Obraztsov S. Moskva – London // *Izvestiya*. – 1954. – 10 marta.
22. Образцов С. Москва – Лондон (окончание) // *Известия*. – 1954. – 16 марта.
23. Obraztsov S. Moskva – London (okonchanie) // *Izvestiya*. – 1954. – 16 marta.
24. Отъезд из Советского Союза делегации Немецкого общества по изучению культуры СССР // *Известия*. – 1949. – 18 мая.
25. Ot'ezd iz Sovetskogo Soyuza delegatsii Nemetskogo obshchestva po izucheniyu kul'tury SSSR // *Izvestiya*. – 1949. – 18 maya.
26. Павлов С. Девиз: «Мир и дружба!». Фестиваль молодежи пяти континентов // *Правда*. – 1959. – 26 июля.
27. Pavlov S. Deviz: «Mir i druzhba!». Festival' molodezhi pyati kontinentov // *Pravda*. – 1959. – 26 iyulya.
28. Песков В., Стрельников Б. «Задержитесь на час...». По дорогам Америки // *Правда*. – 1973. – 28 апреля.
29. Peskov V., Strel'nikov B. «Zaderzhites' na chas...». Po dorogam Ameriki // *Pravda*. – 1973. – 28 aprelya.
30. Пиляцкий К. Рукопожатие через 90 лет: Создано общество «Россия – Южная Африка» // *Известия*. – 1991. – 16 октября.
31. Pilyatskii K. Rukopozhatie cherez 90 let: Sozdano obshchestvo «Rossiya – Yuzhnaya Afrika» // *Izvestiya*. – 1991. – 16 oktyabrya.
32. Pilyatskii K. Rukopozhatie cherez 90 let: Sozdano obshchestvo «Rossiya – Yuzhnaya Afrika» // *Izvestiya*. – 1991. – 16 oktyabrya.
33. Пресс-конференция делегации общества «Финляндия – Советский Союз» в ВОКС // *Известия*. – 1951. – 8 мая.
34. Press-konferentsiya delegatsii obshchestva «Finlyandiya – Sovetskii Soyuz» v VOKS // *Izvestiya*. – 1951. – 8 maya.
35. Притт о своей поездке в Советский Союз // *Известия*. – 1950. – 22 октября.
36. Pritt o svoei poezdke v Sovetskii Soyuz // *Izvestiya*. – 1950. – 22 oktyabrya.
37. «Рейс мира». Сторонники мира балтийских стран в Ленинграде // *Известия*. – 1954. – 7 сентября.
38. «Reis mira». Storonniki mira baltiiskikh stran v Leningrade // *Izvestiya*. – 1954. – 7 sentyabrya.
39. «Сделаем Балтийское море морем мира!». Участники рейса сторонников мира балтийских стран в Ленинграде // *Правда*. – 1954. – 6 сентября.
40. «Sделаem Baltiiskoe more morem mira!». Uchastniki reisa storonnikov mira baltiiskikh stran v Leningrade // *Pravda*. – 1954. – 6 sentyabrya.
41. Слово друзей // *Правда*. – 1952. – 30 декабря.
42. Slovo druzei // *Pravda*. – 1952. – 30 dekabrya.
43. Советские люди негодуют // *Правда*. – 1971. – 30 июля.
44. Sovetskie lyudi negoduyut // *Pravda*. – 1971. – 30 iyulya.
45. «Советский Союз – величайший оплот мира». Пресс-конференция делегации английских женщин // *Известия*. – 1951. – 2 сентября.
46. «Sovetskii Soyuz – velichaishii oplot mira». Press-konferentsiya delegatsii angliiskikh zhenshchin // *Izvestiya*. – 1951. – 2 sentyabrya.
47. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «Холодной войны». 1945–1991 // *Новая и новейшая история*. – 2015. – № 6. – С. 36–52.
48. Sogrin V.V. Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period «Kholodnoi voiny». 1945–1991 // *Novaya i noveishaya istoriya*. – 2015. – № 6. – S. 36–52.
49. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «Холодной войны». 1945–1991 // *Новая и новейшая история*. – 2016. – № 1. – С. 19–43.
50. Sogrin V.V. Dinamika sopernichestva SSSR i SShA v period «Kholodnoi voiny». 1945–1991 // *Novaya i noveishaya istoriya*. – 2016. – № 1. – S. 19–43.
51. Столь М. Лучше знать друг друга // *Известия*. – 1956. – 12 апреля.
52. Stol' M. Luchshe znat' drug druga // *Izvestiya*. – 1956. – 12 aprelya.

35. Стуря М. На что было истрчено пять тысяч лир // Известия. – 1956. – 20 июля.

Sturua M. Na chto bylo istracheno pyat' tysyach lir // Izvestiya. – 1956. – 20 iyulya.

36. Трегубов Н. А. Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами как орган советской культурной дипломатии (1957–1967 гг.) // Управление в современных системах. – 2016. – С. 61–67.

Tregubov N. A. Gosudarstvennyi komitet po kul'turnym svyazyam s zarubezhnymi stranami kak organ sovetskoi kul'turnoi diplomatii (1957–1967 gg.) // Upravlenie v sovremennykh sistemakh. – 2016. – S. 61–67.

37. Участники «рейса мира» в Ленинграде // Правда. – 1954. – 9 сентября.

Uchastniki «reisa mira» v Leningrade // Pravda. – 1954. – 9 sentyabrya.

38. Хильчевский Ю. Чтобы не было «горького привкуса». Еще раз о международных культурных обменах // Правда. – 1989. – 2 мая.

Khil'chevskii Yu. Chtoby ne bylo «gor'kogo privkusa». Eshche raz o mezhdunarodnykh kul'turnykh obmenakh // Pravda. – 1989. – 2 maya.

39. Юрчак А. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

Yurchak A. Eto bylo navsegda пока ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 664 s.

Raeva T. V. Representation of activity of the societies for cultural relations with foreign countries in the Central soviet newspapers of the Cold War

The article examines the peculiarities of the Soviet discourse on friendship and international communication in the Cold War through the representation of the activities of the Union Society of Cultural Communication with Foreign Countries (US of CC) / Union of Soviet Friendship Societies and Cultural Communication with Foreign Countries (U of SFS) in the central newspapers Pravda and Izvestia. Based on the formal characteristics of the identified source massif (the analysis of the number of texts devoted to US of CC / U of SFS, in each edition for specific years, their placement, rubricating, genre, etc.), the author formulated an idea of the strategies for translating the discourse about friendship. The revealed newspaper techniques were aimed at constructing an ideologically correct internal and external political «reality» in which the course of the Communist Party invariably enjoyed the mass and unanimous support of Soviet citizens, and public activity was not separated from the state. The content of publications on the activities of US of CC / U of SFS was designed to demonstrate the scope and diversity of Soviet friendliness, to work for the «international education of Soviet citizens», ensuring their awareness in international affairs and providing readers with «right» patterns of political activity.

Keywords: Cultural diplomacy, Union Society of Cultural Communication with Foreign Countries (US of CC), Union of Soviet Friendship Societies and Cultural Communication with Foreign Countries (U of SFS), Pravda, Izvestia, Cold War.

УДК 339.1

РУССКИЙ КАБАК XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Продолжение) *

Раздорский А. И.

**Российская национальная библиотека
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: razdor@nlr.ru**

В хронологической последовательности представлен обзор основных отечественных и зарубежных исследований и документальных публикаций по истории кабацкого дела в России в XVII – первой половине XVIII в., изданных с середины XIX в. до нашего времени. Главное внимание уделено работам, которые основаны на материалах кабацких книг (книг кружечных дворов) – основных массовых источников по данной теме за указанный период, содержащих информацию об ассортименте, объемах и оборотах питейной торговли, ценах на алкогольные напитки, величине питейной прибыли и др. Проанализированы работы И. Г. Прыжова, И. И. Дитятина, Н. Н. Оглоблина, М. И. Смирнова, Н. Полонской, Н. И. Приваловой, М. Я. Волкова, В. В. Похлёбкина, М. Б. Булгакова, Д. В. Раева, Ю. А. Мизиса, Б. В. Родионова, Т. В. Жибровой и некоторых других авторов. Показана степень изученности питейного дела в различных регионах России в XVII – первой половине XVIII в. Приведены данные о количественном, географическом и хронологическом составе опубликованных кабацких книг.

Ключевые слова: Кабацкое дело, питейная торговля, кабацкие книги, кабаки, кружечные дворы, историография, источниковедение

Единственной монографической работой, в которой кабацкие книги были подвергнуты комплексному анализу, до сих пор остается исследование Д. В. Раева о кружечных дворах нескольких городов Западной Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. В 2003 г. автор защитил на эту тему кандидатскую диссертацию, а два года спустя издал ее отдельной книгой [22].

Предметом изучения в монографии стала история производства, продажи и распределения спиртных напитков в пяти западносибирских городах: Верхотурье, Тобольске, Сургуте, Кузнецке и Кетске. Автор поставил перед собой задачу свести воедино собранные документальные материалы для получения по возможности целостного представления о сибирских кружечных дворах, изучить процесс и характер формирования сети государственных кружечных дворов на территории Западной Сибири, выявить даты их основания в наиболее крупных городах, рассмотреть доходы кружечных дворов от продажи питей, выявить факторы, влиявшие на суммы питейных сборов, определить место и роль этих доходов в бюджете городов Тобольского разряда, изучить влияние сибирских кабаков и кружечных дворов на формирование культуры сибирских городов.

* Начало см. в № 4 за 2018 г.

Основными источниками исследования стали непосредственно документы самих кружечных дворов различных типов, которые хранятся в РГАДА в фонде Сибирского приказа:

– «книги пивных варей», представляющие собой годовые отчеты о производстве и продаже пива, которые содержат сведения о сырье, количестве сваренного и проданного пива, ценах на него, доходах, объемах сырьевой закладки (использованы документы по Верхотурью за 1703 и 1704 гг., Тобольску за 1702, 1703, 1704 и 1709 гг., Сургуту за 1702, 1704–1705, 1708, 1710 и 1711 гг. – всего 10 книг);

– «питейные книги», включающие данные о продаже пива, вина и меда как местного (сибирского) приготовления, так и подрядного вина, присланного из европейской части страны (документы по Верхотурью за 1704 и 1706 гг., Кузнецку за 1705 г., Тобольску за 1702, 1703 и 1709 гг., Ирбитской ярмарке за 1704 г., Тюмени за 1700 г. – всего 8 книг);

– «книги винной дачи», содержащие сведения о выдаче винного жалованья («погребного питья») служилым и ясачным людям (документы по Березову за 1655 г., Верхотурью за 1704 и 1706 гг., Кузнецку за 1665/66 г. – всего 4 книги);

– «винокуренные книги», сообщающие информации о сырье для производства хлебного вина (документы по Тобольску за 1693/94, 1696/97, 1704 (ноябрь–декабрь) и 1709 гг., Верхотурью за 1704 г. (февраль–декабрь) и 1706 г. – всего 6 книг);

– «винные книги», являющиеся отчетными документами о приходе и расходе вина, в том числе о посылке напитка в слободы, на заставы и ямы (документы по Кетску за 1704 г., Тобольску за 1692/93, 1693/94, 1696/97, 1704 (январь–март) и 1704 (апрель–декабрь) гг.

– «книги медовых ставок», в которых фиксировались изготовление и реализация кислого меда (документы по Тобольску апрель–декабрь 1704 г. и за 1709 гг., по Верхотурью за февраль–июнь и август–декабрь 1704 г.).

Автором была использована также тобольская книга таможенных и питейных сборов 1709 г., содержащая сведения о продаже вина и пива в слободах Тобольского уезда, и книга таможенных, кабацких и винокуренных расходов по Верхотурью за 1704 г., в которой зафиксированы суммы, израсходованные на содержание таможи, винокуренных поварен и кружечного двора. В работе были задействованы также все опубликованные к тому времени таможенные книги сибирских городов, а также неопубликованные документы данного типа по Тобольску за 1696/97 г. и Верхотурью за 1704 г.

Анализ указанных документов предваряет глава, в которой рассмотрен ряд общих вопросов истории питейного дела в России в изучаемый период: время и обстоятельства упразднения корчмы и возникновения кабака, датировка изобретения водки, эволюция российского законодательства о кабацком деле, внутреннее устройство и система функционирования кабаков и кружечных дворов, кабак как место проведения досуга, проблема народного пьянства.

Раев подчеркнул, что корчмы, исторически предшествовавшие в России кабакам, являлись частными заведениями, владельцы которых платили в казну оброк, и что в кабаках, первый из которых возник в 1552 г., было запрещено подавать горячие закуски (именно горячие, а не закуски вообще) [22, с. 70]. Сравнивая между собой

кабаки с пришедшими им на смену после кабацкой реформы 1652 г. кружечными дворами, автор отметил: «Принципиальное отличие кружечного двора от кабака заключалось в том, что кабак являлся исключительно питейным заведением, где напитки продавались на разлив “в ковши и в чарки” и распивались тут же. Отличительной чертой русского кабака стало присутствие здесь азартных игр и женщин легкого поведения. Кружечный двор представлял собой что-то вроде винного магазина, где вино, пиво и мед продавались мелким оптом на вынос» [22, с. 139]. В отношении времени изобретения водки Раев солидаризировался с В. В. Похлебкиным [22, с. 71].

Основной объем рассматриваемой монографии составляет глава, посвященная истории производства и продажи спиртных напитков в указанных выше пяти западносибирских городах. В ней, а также в приложениях к книге, помещены многочисленные таблицы¹, содержащие статистические материалы по изучаемому вопросу.

В разделе о питейном деле в Верхотурье проанализированы «книга пивных варей» 1703/04 г. (производство и продажа пива, в частности, даты варки, объем производства, продажная цена, оборот, суммы издержек, полученная прибыль; состав и объемы сырьевой закладки, объем пива на выходе с разбивкой по варям, стоимость отдельных сырьевых компонентов – солода, ржаной муки, хмеля; себестоимость пива, размер полученного казной чистого дохода), «питейная книга» 1706 г. (объемы продажи подрядного пива, совокупная начальная и отпускная стоимость напитка и размер полученной прибыли по месяцам, социальный и персональный состав подрядчиков, цены на подрядное пиво и пиво местного производства), «книги медовых ставок» за февраль–июнь и август–декабрь 1704 г. (производство и продажа меда, в частности, даты ставок, объемы поставленного пресного меда и слитого кислого меда, отпускная цена, общая сумма продажи, размер прибыли). Автор проследил сезонные колебания, отпускные цены на «простое» и «двойное» вино и совокупную стоимость проданных напитков в течение 1704 г. (автор обратил внимание, что в 1704 г. вино продавалось в Верхотурье прямо на таможне [22, с. 152]), общий объем и стоимость вина, проданного по слободам Верхотурского уезда в том же году, общий объем и оборот винной торговли и размеры таможенного сбора по слободам с 1 января по 19 июня 1706 г., таможенные сборы и питейные доходы (по винной, пивной и медвяной продажам по отдельности) Верхотурья в 1704 г. по месяцам, установил объем вина, выкуренного с февраля по декабрь 1704 г. и с января по июнь 1706 г., а также количество сырья, израсходованного на его изготовление (ржаной и овсяной муки, ржаного солода, хмеля), себестоимость вина, стоимость отдельных компонентов сырьевой закладки, размер денежного вознаграждения винокуру и работникам. Была выявлена также структура верхотурских питейных и таможенных расходов в 1704 г., отмечен размер выдачи «винного жалованья»

¹ Таблицы не свободны от ошибок, например, в таблице 1 [22, с. 159] в столбце «Продано (ведер)» вместо объема напитка указана его отпускная цена. В той же таблице в первой строке отмечено, что продано 145 ведер пива по 8 коп. за ведро (то есть на 11 руб. 60 коп.), а в пятом столбце (совокупная стоимость проданного пива) значится сумма в 11 руб. 16 коп. (возможно, правда, что это ошибка источника, а не автора).

местным служилым людям. В табличных приложениях представлены данные о количестве браг и объемах выкуреного «простого» вина в Верхотурье с февраля по декабрь 1704 г. и с января по июнь 1706 г. и суммах таможенных, винокуренных и кабацких расходов по месяцам в 1704 г.

В разделе, посвященном Тобольску, рассмотрены вопросы о времени открытия первого кабака в городе, о количестве подобных заведений здесь в конце XVII в. (автор отметил, что в это время помимо кружечного двора в Тобольске имелось четыре кабака, где спиртное продавалось в розницу [22, с. 168]), о времени устройства городской винокурни, об объемном значении винной «вари» (по мнению автора – 110–112 ведер [22, с. 173]), приведены некоторые сведения о технологии винокуренного производства и о мерных и тарных единицах, применявшихся в виноторговле¹. Заслуживает внимания отмеченный Раевым факт временного закрытия кабаков в Тобольске в период с 1623 по 1630 г. по причине того, что его жители «испропились» [22, с. 169]. Подробно проанализированы статистические данные, касающиеся производства и продажи вина в городе: состав и объем сырьевой закладки, количество использованных дрожжей и дров и объем напитка на выходе в ноябре–феврале 1693/94 г., сентябре–декабре 1696/97 г. (по месяцам) и в 1709 г. (за год в целом), количество сырья, расходовавшегося на производство ведра вина в 1693/94, 1696/97 и 1709 гг., расходы на производство вина по статьям в 1709 г., размер жалованья винокуру и работным людям в 1709 г., себестоимость вина и отпускные цены на него, размер таможенных (в 1672/73, 1695/96 гг.) и винных (1692/93, 1693/94, 1696/97, 1704, 1709 гг.) доходов в Тобольске по месяцам (отмечено, что винный доход был существенно выше таможенного [22, с. 182]). Автор установил состав тобольских голов и целовальников, отвечавших за производство и продажу питей в Тобольске в 1692–1694, 1696/97, 1704 и 1709 гг., проследил помесечную ротацию целовальников по тобольским кабакам в 1694 и 1696/97 гг., привел сведения об отправке вина из Тобольска в другие сибирские города, в слободы, ямы и заставы Тобольского уезда, установил величину таможенных и питейных сборов (с подразделением на вино и пиво) в слободах Тобольского уезда в 1703 г. и размеры «винного жалованья».

В табличных приложениях содержатся данные о продаже вина в Тобольске в 1693/94 г., 1696/97 г. и январе–марте 1704 г. (остаток, приход, объем продажи, совокупная стоимость, отпускная цена, объем напитка, выданного на «винное жалованье» по месяцам), о продаже вина (с подразделением на «простое» и «двойное») в январе–ноябре 1702 г. и апреле–декабре 1704 г. на кружечном дворе и кабаках (объем и оборот продаж), о суммах «припенных» денег в 1704 г., об объемах винной выдачи в 1702 г. по месяцам. В табличных приложениях представлены также сведения о производстве и продаже в Тобольске кислого меда и пива, которые в текстовой части монографии специально не проанализированы: объем поставленного пресного меда и слитого кислого меда, отпускная цена напитка и оборот медвяной торговли по месяцам в 1702 г., объем и стоимость отдельных компонентов пивной сырьевой закладки (солод, хмель, мука), количество и стоимость дров,

¹ Сведения о производстве и продаже вина в Тобольске, представленные в монографии, отражены также в отдельной статье автора [24].

израсходованных при производстве напитка в 1702 г. по месяцам, объем сваренного и проданного пива, объем напитка, выданного в качестве жалованья, объем дрожжей, стоимость хмелин и дробин, сумма издержек производства и полученный доход в 1702 г. по месяцам.

По Сургуту в монографии Раева проанализированы сведения о производстве и продаже пива в 1702/03, 1704/05, 1708/09 и 1710/11 гг. (объем изготовленного и проданного напитка, сумма издержек производства, объем и общая стоимость проданных дрожжей, хмелин и дробин, сумма выручки и денежных поступлений в казну, отпускные цены в 1702/03 и 1710/11 гг.), прослежена зависимость объемов продажи пива от интенсивности транзитного движения через город и церковных праздников, произведены подсчеты о количестве сваренного пива на душу населения, показано соотношение сумм пошлинных сборов по городу в 1674/75 г. и местных пивных доходов в 1702/03, 1704/05, 1708/09, 1710/11, рассмотрен вопрос о соотношении издержек на производство пива и сумм, вырученных от его продажи, приведены данные об объемах сырьевой закладки при производстве пива в 1702/03, 1704/05, 1708/09 и 1710/11 гг. и объемах пива на выходе, представлены сведения об окладных доходах Сургута (в том числе от продажи питей) по статьям в 1706 г. Данные о производстве вина в городе отсутствуют, поскольку своего винокурения в Сургуте в рассматриваемый период не существовало¹.

Разделы, посвященные двум другим западносибирским городам – Кузнецку и Кетску – существенно меньше трех предыдущих. По Кузнецку установлен объем вина, выкуренного в 1665/66 г., рассмотрены категории местных жителей, получавших в указанном году винное жалованье², проанализированы погодные объемы и обороты винной продажи и указные отпускные цены на вино в 1695, 1697–1703 гг., продажа вина в 1713 г. по отдельным временным промежуткам (объем продажи, указная цена, оборот), доходы от виноторговли в указанном году, а также производство и продажа пива в 1713 г. по месяцам (количество варей, объем изготовленного и проданного напитка, отпускная цена, оборот, издержки, доход). По Кетску приведены данные о продаже вина по годам с 1695 по 1703 г. (объем присланного и проданного напитка, отпускная цена, оборот), об объемах проданного вина на душу населения города в эти годы. Здесь же указан размер дохода от продажи подрядного вина в Нарыме в 1672/73 г.

В 2003 г. в сборнике «Русское население Сибири эпохи феодализма» Раев опубликовал два документа по истории сибирского питейного дела из фонда Сибирского приказа РГАДА – винную книгу Тобольска за апрель–декабрь 1704 г. (содержит сведения о продаже вина, его выдаче в качестве жалованья, об отпуске и продаже напитка в слободах, на ямах и заставах Тобольского уезда) и итоговую сводку о суммах таможенного и питейного сбора по Тобольскому уезду в 1709 г.

¹ Сведения о производстве и продаже пива в Сургуте, представленные в монографии, отражены также в отдельной статье автора [21].

² Данные, извлеченные из «книги винной дачи» Кузнецка за 1665/66 г., получили отражение также в статье автора, в которой рассмотрены некоторые вопросы влияния кабака на развитие русской городской культуры, а также на особенности русского национального менталитета [23].

(документ не имеет общего заглавия, в нем учтены доходы от продажи вина и пива в слободах Тобольского уезда) [52, с. 28–45].

Год спустя после выхода в свет монографии Раева была издана книга Н. В. Сметневой о развитии винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XVII – начале XX в. [55], в основу которой положена ее кандидатская диссертация, защищенная в 2003 г. Территориальные рамки этой работы ограничены границами Иркутской губернии пореформенного времени, в хронологическом же плане она посвящена в основном XIX – началу XX в. К интересующему нас периоду относится материал, изложенный в § 1 первой главы («Ввоз вина, виноторговля и виноделие в Прибайкалье во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.»). Здесь по данным различных источников и на основе информации, отраженной в исторической литературе, приведены сведения о маршрутах доставки вина в Восточную Сибирь в указанное время, о ценах на вино в сибирских городах в 1660–1690-е гг., об устройении первых частных винокурен и казенных винокурных заводов в районе Иркутского острога, о злоупотреблениях в питейном деле со стороны воевод и подрядчиков и о борьбе властей с корчемством и незаконным винокурением, о числе откупщиков в Илимском уезде в 1729, 1731 и 1732 гг., о среднегодовой себестоимости ведра вина в изучаемом регионе в 1730–1747 гг. По материалам хранящихся в РГАДА илимских книг «винного расхода» представлены данные об объеме и совокупной стоимости вина, сбытого на кружечном дворе Илимского острога с сентября 1699 по март 1700 г.

Различные аспекты организации кабацкого дела и питейной торговли в ряде южнорусских городов и уездов во второй половине XVII – первой половине XVIII в. получили освещение в монографии Ю. А. Мизиса [18]. В параграфе о сборе налогов с таможен, кружечных дворов и других торговых и хозяйственных заведений приведены, в частности, сведения о порядке ведения кабацкого делопроизводства в Белгороде во второй половине 1660-х – начале 1670-х гг., о величине сборов с лиц, производивших спиртные напитки для личного потребления, и штрафов за «неявленное питье» в Добром во второй половине 1670-х гг. (половину «пенных» денег надлежало выплачивать голове с целью стимулировать его рвение в борьбе с нарушителями), о суммах таможенных и кабацких доходов, о расходовании собранных средств и размерах недоборов относительно окладов в отдельные годы второй половины XVII в. в Белгороде, Тамбове, Козлове, Новом Осколе, Карпове и некоторых других южных городах (к качеству одной из основных причин недоборов, приводившейся головами, автор отмечает уменьшение численности «питухов» ввиду сокращения или полного отсутствия войск в городах в том или ином году) [18, с. 212–233]. Представлены также данные об объемах производства, закупки и продажи спиртных напитков, а также начальных и отпускных ценах и полученных доходах в питейной торговле в Воронеже, Белгороде, Яблоне и некоторых других населенных пунктах в первой половине 1670-х гг. Кроме того, указаны общие размеры кабацкого сбора по Козлову в 1663 и 1665 гг. и ежемесячные показатели поступления питейной прибыли по Борисоглебску за 1729 г. В работе имеются репродукции хранящихся в РГАДА чертежей кружечного двора и кабацких строений в Нижнем Ломове (1660 г.) [18, с. 239–250].

В параграфе о продуктах питания на рынках Центрального Черноземья представлены разделы о торговле вином, пивом, квасом и медом (сырцом и кислым). Здесь приведен, в частности, ряд интересных фактов о борьбе властей с незаконным производством алкогольных напитков в Воронежском уезде в середине 1630-х гг. и в Оскольском уезде в начале 1640-х гг., а также о привозе в обход существующих правил вина в Белгород «литовскими людьми» в начале 1640-х гг. Автор отметил, что им были изучены таможенные и кабацкие книги Белгорода¹, Ельца, Козлова и Коротояка XVII в. При этом в отношении Белгорода исследователь ограничился, насколько можно понять из текста его монографии, рассмотрением лишь сведений о сборе явочных денег с частного изготовления питей², оставив за пределами анализа материалы, содержащие подробную информацию непосредственно о питейной торговле в городе. По данным коротояжской таможенной и кабацкой книги 1672/73 г. установлен объем вина, закупленного в течение года у частных поставщиков и его закупочная стоимость, по материалам елецкой книги за тот же год – объем вина, отправленного из города в донской отпуск. На основе сведений, содержащихся в книге козловского кружечного двора 1669/70 г., приведены закупочные и отпускные цены на вино, общий объем и совокупная стоимость закупки этого напитка в течение года, объем производства и продажи, себестоимость и продажная цена пива, объем и общая стоимость сваренных «пьяных браг» [18, с. 474–477].

За первую половину XVIII в. Мизисом исследованы прихода-расходные книги Тамбовского кружечного двора за 1710 и 1714 гг. Отмечены населенные пункты Тамбовского уезда, в которых в это время имелись свои кружечные дворы и в которые посылалось вино на продажу. Приведены объемы продажи и совокупная стоимость вина, реализованного в Тамбове и Тамбовском уезде в указанные годы, общий размер полученной прибыли, распределение объемов винной продажи в зависимости от вида вина (простое или двойное) и формы отпуска (в крупный или

¹ Указано, что использованы книги «белгородского торгога» за 1654/55, 1660/61, 1668/69 и 1677/78 гг. [18, с. 476] (всего по Белгороду за XVII в. сохранилось 15 таможенных и кабацких книг, в том числе 13 за вторую половину столетия). При этом в соответствующей ссылке [18, с. 536, прим. 167] указаны шифры только трех книг Денежного стола № 104 (1653/54 г.), 189 (1666/67 г.) и 329 (1660/61 г.). Белгородская таможенная и кабацкая книга за 1668/69 г. не сохранилась, по-видимому, в данном случае автор неверно привел датировку книги за 1666/67 г. Также непонятно какая именно книга первой половины 1650-х гг. была им изучена — за 1653/54 или за 1654/55 г.

² Ю. А. Мизис отмечает, что в указанных белгородских документах указан лишь «общий налог по месяцам с “мелких носящих”, т. е. с мелочного торгога питейных товаров, холстов, кругов воска и хоровин». При этом он подчеркивает, что «точно выделить объемы налогов только с вина невозможно» [18, с. 476]. Но, во-первых, спиртные напитки никогда в мелочную торговлю наряду с холстами, воском и «хоровинами» не поступали, то есть здесь имеет место явная ошибка. Во-вторых, если автор имеет в виду все же явочные деньги, то их поступление в белгородских таможенных и кабацких книгах 1653/54, 1654/55, 1660/61 и 1677/78 гг. как раз зафиксировано, причем отдельной от сборов с мелкого торгога статьей, и подлежит четкому подсчету. Нет данных о сумме собранных явочных денег только в книге 1666/67 г. В-третьих, в рассматриваемой работе указано, что «в таможенной книге 1654/55 г. отдельной строкой фиксировался сбор налогов с пива и кислого меда. За год прослеживается только пять ставок на общую сумму 2 руб. 8 ал. 2 д.» [18, с. 476]. Что здесь имеет в виду автор, опять же, не вполне понятно. Согласно записям в белгородских таможенных и кабацких книгах сбор явочных денег в 1653/54 г. (с октября по март, в другие месяцы этих сборов не вносилось) составил 3 руб., в 1654/55 г. (в сентябре, декабре, марте, июне и июле) было взято 13 руб. 94,5 коп.

мелкий розлив). Кроме того, представлены сведения об объемах и оборотах винной торговли в селах Тамбовского уезда (Морша, Старое Сысоево, Рыбинское, Серповое, Сосновка, Грязное, Поганка) в 1714 гг., а также отпускные цены на вино в 1710 и 1714 гг. Указан также объем отпуска вина и пива на кружечном дворе в Добром в 1713 г., совокупная стоимость этих напитков, себестоимость и продажная цена вина, отпускные цены и норма прибыли в пивной торговле [18, с. 478–481]. Были проанализированы данные и о производстве и продаже кислого меда в Тамбове и его уезде за 1714 г. (объемы израсходованного в течение года меда-сырца и слитого кислого и вареного меда, объемы продажи этих напитков, размеры полученной прибыли). Приведена также постатейная роспись расходов на изготовление кислого меда в январе 1714 г., данные о его продаже в этом месяце и полученной прибыли [18, с. 484–485].

В табличных приложениях приведены статистические данные о питейной торговле в различных населенных пунктах Центрального Черноземья в разные годы XVII и XVIII вв.: объемы и совокупная стоимость продажи вина и пива в Коротояке (в 1672/73 и 1677/78 гг.), Усмани (в 1671/72 г.) и Козлове (в 1669/70 г.), объемы закупки меда-сырца, продажи кислого меда и прибыли от его реализации по тем же городам (за исключением Усмани) за те же годы; объемы продажи вина, начальная цена напитка и общая прибыль от его реализации в мелкий и крупный розлив в Ельце в 1672/73 и 1677/78 гг.; отпускные цены на вино и пиво в Коротояке (в 1672/73 и 1677/78 гг.), Козлове (в 1669/70 г.) и Усмани (только на вино) (в 1671/72 г.); закупочные и отпускные цены на простое и двойное вино в Тамбове и с. Морша Тамбовского уезда (в 1710 и 1714 гг.), селах того же уезда Старое Сысоево и Сосновка (в 1714 г.) и в г. Добром (в 1713 г.), начальные и отпускные цены на пиво в Тамбове (в 1714 г.) и Добром (в 1713 г.); объемы продажи простого и двойного вина в крупный и мелкий розлив, обороты винной торговли и полученная прибыль в Тамбове, селах Тамбовского уезда Морша, Рыбинское и Сосновка (в 1710 г.) и в г. Добром (в 1713 г.), объемы продажи пива, его совокупная начальная стоимость, оборот пивной торговли и полученная прибыль в Добром (в 1713 г.); объемы продажи двойного и простого вина в крупный и мелкий розлив, совокупная стоимость напитка и прибыль от его реализации в Тамбове и 10 сельских населенных пунктах Тамбовского уезда (в 1714 г.); объемы закупки меда-сырца, производства и продажи кислого меда и прибыли от его реализации в Козлове (в 1669/70 г.), Ельце (в 1672/73 и 1677/78 гг.), Добром (в 1712 и 1713 гг.), Тамбове (в 1716 г.) и с. Спасское (в 1740 г.); объемы и стоимость закупки меда-сырца и хмеля, расходы на изготовление кислого и вареного меда (дрова, вода, «покотельщина»), объем производства и продажи, совокупная начальная и продажная стоимость напитков и прибыль от их реализации в Тамбове, селах Рыбное, Сосновка и Морша (в 1714 гг.); объем и совокупная стоимость закупки меда-сырца, объем продажи кислого меда, его совокупная продажная стоимость и прибыль от реализации в Тамбове, селах Морша и Рыбное (в 1710 г.) [18, с. 734–738, 741–744]¹.

¹ В табличных приложениях к второй главе монографии представлены также сведения об итоговых суммах питейных доходов по различным южнорусским городам в отдельные годы XVII – первой половины XVIII в. [18, с. 584–617].

Подводя некоторые итоги рассмотрения истории питейной торговли на юге России во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Мизис, в частности, отметил, что сдерживающим фактором производства и реализации алкогольных напитков служил недостаток свободного рынка зерна и низкая покупательная способность местного населения. Негативное влияние оказывало также то, что служилые и посадские люди имели возможность изготавливать спиртное «про свой обиход» и не покупать его в казенных питейных заведениях. «Однако, отмечает исследователь, интересы государства по защите границы, создание привлекательных условий переселенцам на южные земли пересиливали меркантильные фискальные интересы». На южнорусских кружечных дворах в основном торговали хлебным вином и медом – напитками с длительным сроком хранения, пиво, по мнению автора, продавалось только в крупных городах. Основной клиентурой питейных заведений были служилые люди, поэтому неслучайно, что когда многие из них покинули свои города в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг., произошло значительное сокращение продаж спиртного и доходов от его реализации. В первой половине XVIII в. благодаря ограничению частного изготовления питей, расширению хлебной торговли и резкому увеличению численности населения объемы реализации алкогольных напитков в южнорусском регионе существенно возросли [18, с. 480–481].

В 2008–2011 гг. ряд работ о елецких кабаках опубликовал Д. А. Ляпин. В статье «Елецкий кабак в XVII в. и его посетители» [15] наряду с общими сведениями по истории питейного дела¹, составляющими значительную часть этой публикации, им рассмотрены вопросы о времени возникновения кабака в Ельце, его местонахождении, прослежены итоги коммерческих операций кабацкого откупщика Т. Волкова, взявшего местный кабак в аренду в 1620-е гг., описаны случаи выявления корчемников среди ельчан в 1617/18 г., а также приведены данные (по материалам елецкой явочной книги 1615/16 г.) о численности горожан, плативших явочные деньги за право изготовления алкогольных напитков к церковным праздникам, отмечавшимся в период с ноября 1615 по февраль 1616 г. Последний сюжет был повторно рассмотрен автором в особой статье [17]. В вышедшей в 2011 г. книге Ляпина по истории Елецкого уезда в XVI–XVII вв. имеется раздел «В кабаке», в основу которого положена его несколько видоизмененная и дополненная статья 2008 г. [16, с. 158–164].

¹ С некоторыми утверждениями автора, на наш взгляд, никак нельзя согласиться. Так, например, он пишет: «Православная идеология русского средневекового общества не позволяла государству рассматривать кабак как источник дохода. В отличие от “продвинутой” в этом отношении Европы русский кабак имел целью регулирование торговли спиртными напитками, а не получение дохода. Кабак не работал в большие и малые посты, а также в постные дни по средам и пятницам. В патриаршество Никона (1652–1667 годы) кабаки и вовсе закрывались по воскресениям, а в будни работали только несколько часов» [15, с. 45]. Все отечественная историография питейного дела в России начиная с книги И. Г. Прыжова как раз убедительным образом свидетельствует о том, какое исключительное значение придавала государственная власть кабаку как важнейшему источнику пополнения бюджета. Что же касается утверждения о том, что кабаки не работали в посты и в постные дни по средам и пятницам, то оно справедливо лишь для короткого периода ограничительных мер, введенных в ходе реализации кабацкой реформы 1652 г.

Две статьи, посвященные функционированию государственного винного погреба в Новгороде в 1610/11 г., опубликовал в 2005 и 2009 гг. А. А. Селин [53; 54]. Источниками исследования явились сборник памятей о выдаче вина из новгородского государственного винного погреба (хранилища казенного алкоголя, распределявшегося по кабакам, а также выдававшегося служилым людям) и погребная прихода-расходная книга за 1610/11 г. Оба этих документа хранятся в Стокгольме в составе Новгородского оккупационного архива. Исследователь проанализировал содержащиеся в указанных источниках данные об объемах выдачи и составе получателей вина, сопоставив эти сведения с развитием общей военно-политической обстановки в городе в рассматриваемый период.

В книге И. В. Курукина и Е. А. Никулиной, представляющей собой пространный научно-популярный исторический очерк эволюции отечественного питейного дела с XVI в. до наших дней, написанный на основе широкого круга архивных и опубликованных источников, содержатся, в частности, сведения, извлеченные из хранящейся в РГАДА «Книги прибыли Тамбовского кружечного двора» за 1714 г. (этот источник, как указывалось выше, изучался также Ю. А. Мизисом). Показаны объемы продажи простого и двойного вина по месяцам, себестоимость и отпускная цена этих напитков, размер годовой прибыли от продажи вина, пива и меда [14].

Для историографии питейного дела в России важное значение имеют работы Б. В. Родионова. Этот автор не использовал в своих трудах кабацкие книги, однако, не будучи профессиональным историком, он, скрупулезно изучив большое число других самых разных источников (преимущественно опубликованных), а также изданных законодательных материалов, смог опровергнуть целый ряд стойких мифов и домыслов об истории производства и оборота крепких алкогольных напитков, прочно утвердившихся в отечественной исторической научной и научно-популярной литературе, а также широко распространившихся и укоренившихся в общественном сознании. Впервые взгляды Родионова о происхождении русского хлебного («горячего») вина были систематическим образом изложены им в книге «Полугар. Водка, которую мы потеряли», изданной в 2009 г. [49]. Впоследствии концепция автора, дополнительно аргументированная и уточненная, была представлена еще в нескольких работах [46–48, 50, 51].

Прежде всего, Родионов доказал, что считающаяся ныне едва ли не общепринятой и бесспорной точка зрения В. В. Похлёбкина на время и обстоятельства возникновения винокурения в Московском государстве (в период между 1448 и 1478 гг.) является несостоятельной. По мнению автора, только «1515 год, и никакой другой, должен считаться годом рождения русского винокурения, по крайней мере до тех пор, пока не обнаружится документ, датированный более ранним годом» [47, с. 37]. При этом Родионов отмечает, что на самом деле отечественное винокурение появилось, судя по всему, раньше указанной даты, скорее всего, незадолго до нее, но когда, как и где – установить на основе существующих источников невозможно. Исследователь также отметил, что широко распространенное мнение о месте и времени открытия первого царского кабака (в Москве на Балчуге в период между 1547 и 1555 гг.), а также версия Похлёбкина на этот счет (об основании первого государева кабака в столице в 1533 г.), не

подкреплены надежными историческими свидетельствами. Впервые слово «кабак» зафиксировано в документах (причем не относящихся к Москве) лишь в 1563 г. [47, с. 70]. Категорическим образом выступил Родионов и против еще одного прочно укоренившегося суждения – о том, что в кабаках запрещалось не только есть, но даже закусывать. Автор указывает, что «эта характерная особенность кабака никогда и никем не подвергалась сомнению и фигурирует во всех многочисленных статьях, книгах, исследованиях, посвященных проблемам русского пьянства» [47, с. 73]. Между тем никаких подтверждений такого правила в источниках не обнаруживается. Большое внимание Родионов уделил также вопросам технологии изготовления хлебного вина, а также терминологии русских крепких спиртных напитков¹. Исследователь убедительным образом показал, что возникшее в начале XVI в. традиционное хлебное вино, полученное методом дистилляции, и современная водка, представляющая собой смесь изготовленного методом ректификации чистого спирта с водой, являются совершенно разными алкогольными напитками. Напиток, применительно к которому ныне используется термин «водка», возник только в 1895 г. [47, с. 223]. Сделанные Родионовым выводы свидетельствуют о том, что использовать термин «водка» в отношении напитка, именуемого, в частности, в кабацких книгах XVII–XVIII вв. «вином» (как это по сей день нередко делают не только историки, но и лингвисты), совершенно недопустимо².

В изданной в 2011 г. монографии Т. В. Жибровой, посвященной изучению организации таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке [6], приведено немало ценных сведений по истории кабацкого дела как в Воронеже и его пригороде Орлове, так и в некоторых других южнорусских городах (в том числе в Курске и Белгороде), и даже в населенных пунктах, находящихся в других регионах страны (например, в Вязьме) (в основу работы положена доработанная и дополненная кандидатская диссертация, защищенная в 2010 г.). В книге имеется специальный параграф «Организация производства хмельных напитков и торговли на воронежском кабаке (кружечном дворе)» [6, с. 98–114]. Автор установила, в частности, количество и местонахождение воронежских винокурен, рассмотрела практику частного изготовления питей в южнорусских уездах, размеры действовавших здесь явочных пошлин, внутреннее устройство воронежского кружечного двора, организацию винных подрядов, начальные и отпускные цены на вино, тарные единицы, применявшиеся в питейном деле. В работе приведены подробные данные об объемах выкурки вина и производства кислого меда и пива и стоимости указанных напитков в Воронеже в 1673/74 г., сведения об объемах

¹ «Почти с самого начала винокурения и вплоть до 1936 г., пишет Родионов, спиртные напитки законодательно делились на две группы: вино и водка. Напиток, в котором не было ничего, кроме спирта и воды, назывался вином (часто хлебным вином). Если в вино добавлялись какие-либо вкусо-ароматические добавки и производились дополнительные перегонки, напиток назывался водкой» [47, с. 222]. Только где-то с середины XIX в. исключительно на бытовом уровне хлебное вино начинают называть водкой.

² Отметим, что Родионов аргументировано разоблачил повсеместно бытующую версию о том, что «идеальную формулу» водки в 40° вывел якобы Д. И. Менделеев [47, с. 87–96], а также внес принципиальные уточнения, раскрывающие подлинную сущность возникшего в 1970-е гг. спора между СССР и Польшей относительно использования в торговой практике слова «водка», и показал действительную роль в этом конфликте В. В. Похлёбкина [47, с. 102–108].

продажи вина и производства кислого меда, выручке от винной торговли и совокупной прибыли от продажи питей и воска в Валуйках в 1695 г., а также общие показатели воронежских таможенных и кабацких доходов в 1617/18, 1618/19, 1635, 1637/38, 1653/54 гг. Жиброва проанализировала также имеющиеся в различных документах свидетельства о борьбе властей на юге страны с корчемниками и контрабандистами, а также факты выдачи питей в качестве казенного жалования.

К сожалению, в рассматриваемой монографии, написанной, судя по всему, на довольно широкой источниковой базе (задействованы фонды РГАДА и Государственного архива Воронежской области), сама характеристика этой базы представлена лишь в самом общем виде, а перечень использованных документов отсутствует. Автор указывает, в частности, что ею привлекались к исследованию опубликованные таможенные книги Воронежа первой половины 1620-х гг., однако неизданные воронежские таможенные и кабацкие книги 1650–1670-х гг. использованы, судя по всему, не были. Приходо-расходные книги Разрядного приказа, содержащие богатый фактологический и статистический материал о состоянии таможенного и кабацкого дела в Воронеже с конца 1610-х до начала 1680-х гг., фронтальному анализу также не подвергались.

Как в период, предшествовавший защите диссертации и публикации монографии, так и в последующие годы Жибровой опубликован целый ряд статей, некоторые из которых полностью или в своей значительной части посвящены различным аспектам истории питейного дела на юге России в XVII в. [1–5, 7–11].

Из работ самого последнего времени, посвященных рассматриваемой в данном разделе тематике, следует упомянуть опубликованную в 2018 г. в сборнике материалов Четвертой Международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.» статью С. А. Козлова, в которой проанализированы материалы новгородских винных и пивных книг 1611–1617 гг. [13]. Представленные в этой работе данные дополняют и конкретизируют сведения о новгородской питейной торговле в этот период, введенные ранее в научный оборот И. Нордландер (см. об этом выше). Автор рассматриваемой статьи отметил, что, в частности, «при изучении кабацкого дела Великого Новгорода 1611–1617 гг. вне поля зрения исследователей оставался вопрос, связанный с определением доли питейных сборов в общей номенклатуре налогов этого города периода шведской оккупации». Сопоставив показатели поступлений в новгородскую казну доходов из различных источников в 1613 г. (данных, кормовых, таможенных, кабацких денег), Козлов установил, что в указанном году питейная прибыль принесла 55 % от всех налоговых сборов.

Статья С. Г. Пархимовича посвящена истории организации производства и сбыта алкогольных напитков (вина, пива и кислого меда) в первом русском городе Сибирского Заполярья – Мангазее [19]. В работе рассмотрены приведенные в литературе известия письменных источников на этот счет (в частности, воеводских отписок и челобитных), которые, однако, отрывочны и немногочисленны. Тем не менее, автор установил, что вино и мед завозились в Мангазею издалека водным путем один раз в году, почему эти напитки были там в продаже весьма дорогими. Изначально поставки алкоголя и его реализацию осуществляли в Мангазее частные

лица. С открытием здесь в 1620 г. государева кабака торговля спиртным была монополизирована государством, но местные воеводы продолжали им торговать вопреки запретам. При кабаке, вероятно, была устроена винокурня, о чем косвенным образом свидетельствуют сведения «зборных книг Мангазейского города» за 1633 и 1635 гг. о завозе хмеля. В статье изложены результаты археологических раскопок, которые дополняют и конкретизируют скудные свидетельства письменных источников о состоянии питейного дела в Мангазее в XVII в. Найденные в ходе раскопок Мангазейского городища артефакты (фрагменты штофов, свинцовые насадки на горловины, крышки жбанчиков и др.) позволили впервые целенаправленно охарактеризовать предметный ряд, связанный с потреблением привозного вина и организацией местного винокурения. Исследователем охарактеризована уникальная находка 2014 г. – полностью сохранившийся медный куб для выгонки «горячего вина», обнаруженный под слоем пожарища в сожженном в 1631 г. во время вооруженного конфликта воевод А. Ф. Палицына и Г. И. Кокорева амбаре государева кабака.

В тезисной публикации С. Н. Карельской поднят вопрос об изучении кабацких книг как памятников русской учетной практики XVII в. [12].

С середины 1990-х гг. изучение питейной торговли в XVII в. по материалам кабацких книг различных городов ведет автор настоящей работы. В 2001 г. вышла в свет монография, посвященная торговле Курска в XVII в. [44], в основу которой положена дополненная и переработанная кандидатская диссертация, защищенная двумя годами ранее. В этом исследовании имеется специальная глава, в которой по материалам «припойных книг» – особых разделов курских таможенных и кабацких книг, содержащих сведения о казенной питейной торговле, проанализированы ассортимент алкогольных напитков, формы их реализации, объемы продажи, размеры питейных доходов, начальные и отпускные цены, нормы прибыли за 19 лет, по которым сохранились названные источники (с 1619 по 1677/78 г.). За указанный временной интервал в развитии питейной торговли в Курске выделено шесть этапов, прослежено влияние на ее состояние, в частности, таких событий как кабацкая реформа 1652 г. и финансовый кризис начала 1660-х гг. Сведения о питейной торговле в Курске в XVII в. представлены также в специальной статье, вышедшей в 2000 г. [30].

В 2007 г. опубликована книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г., в составе которой, в частности, присутствуют разделы, содержащие сведения о поступлении доходов с питейной торговли («Книги записные курского кружечного двора» и «Книги в Курском уезде в новопостроенных кабаках питейные прибыли»), а также сборов за частное изготовление питей («Книги записные курского кружечного двора статей явочных денег») [31, с. 308–441]. В исследовательской части этого издания имеется параграф, в котором проанализированы различные статистические показатели, отражающие состояние питейной торговли в Курске и Курском уезде в 1720 г., извлеченные из опубликованного источника (объемы и обороты продаж, цены, доходы, сезонные колебания в сбыте спиртного, расходы на изготовление кислого и вареного меда). Данные о продаже спиртного в Курске за 1720 г. сопоставлены с аналогичными показателями 1677/78 г. [31, с. 67–71].

В 2010 г. издана монография о торговле Вязьмы в XVII в., в которой получили отражение, в частности, материалы всех сохранившихся за XVII в. 22 кабацких книг города 1627/28–1679/80 гг. В книге имеются параграфы, в которых рассмотрены казенные закупки хлебного вина и сырья для изготовления питей, выработка кислого меда, пива и кваса и продажа спиртных напитков в питейных заведениях города [43, с. 121–153], а также представлены документальные таблицы, в которых в регестной форме зафиксированы статистические показатели о производстве и сбыте алкоголя, содержащиеся в вяземских кабацких книгах [43, с. 508–674]. Сведения о питейной торговле в Вязьме представлены также в отдельной статье, опубликованной в 2006 г. [35].

В 2000–2010-е гг. вышли в свет также статьи автора, посвященные питейной торговле в Можайске [38], Рыльске [36], Судже и Мирополье [37], Белгороде [27], подготовленные на основе кабацких книг этих городов XVII в. Были изучены также уникальные книги киевского кружечного двора 1660-х гг.¹ В статье, написанной по материалам этих документов, приведены регесты имеющихся в них записей о казенных закупках хлебного вина [45]. В 2010 г. опубликованы тексты книг таможенного и питейного сбора Лебедина 1687/88 г. и Мирополя 1692/93 г., включающие сведения о продаже алкогольных напитков, а также о производстве кислого меда [32]. В отдельной статье по материалам вяземских кабацких книг описана технология производства слабоалкогольных напитков (кислого меда и пива) в XVII в. [42].

Ряд работ посвящен источниковедению кабацких книг. Детальным образом рассмотрены особенности вяземских и можайских источников данного типа [25; 33], проанализирован состав кабацких книг, хранящихся в фондах РГАДА и НИА СПбИИ РАН [28; 39–41], описана методика обработки и публикации статистической информации, содержащейся в рассматриваемых документах [34]. В 2014 г. опубликована статья, в которой дан обзор кабацких книг времени царствования Василия Шуйского, находящихся в НИА СПбИИ РАН. В приложении к статье помещен текст одной из этих книг – олонечкой за период с 4 мая по 2 августа 1609 г. Этот источник является древнейшей известной на сегодняшний день точно датированной русской кабацкой книгой, сохранившейся в полном объеме [29].

В 2017 г. вышла в свет наша монография, в которой по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг проанализированы, в частности, размеры, структура и динамика казенных таможенных и питейных доходов и расходов в Курске, Белгороде, Вязьме и

¹ Священник-старообрядец Иоанн Лукьянов (по одной из версий он же старец Леонтий), посетив в 1701 г. на пути в Святую землю Киев, отметил, что «в Верхнем городе живет воевода, и полковники, и стрелецкия полки все, а в Нижнем городе все мещане, хохлы, все торговые люди. Тут у них и ратуша, и ряды все, всякия торги. А стрелцам в Нижнем городе не дают хохлы в лавках сидеть, только всякия на себе товары вразнос продают. Утре все стрельцы сходят на Подол торговать, а в вечер, пред вечернями, так они на горе в Верхнем городе торгуют между себе. И ряды у них свои, товарно сильно сидят. И кружало у них свое [выделено нами. — А. Р.], извозчики по-московски, мясной ряд у стрелцов велик за городом» [56, с. 18]. При этом в городе действовали шинки, клиентурой которых являлись местные жители (автор «Хождения» пишет, что «шинки их велми разорили вконец»). На такое сосуществование в Киеве после его присоединения к Московскому государству питейных заведений разных типов обратил в свое время внимание еще И. Г. Прыжов [20, с. 169].

Можайске в XVII в., рассмотрен вопрос о злоупотреблениях и нарушениях, имевших место в организации таможенной и кабацкой службы, освещены предпосылки, ход и итоги первой в истории России антиалкогольной кампании – кабацкой реформы 1652 г. [26].

* * *

Изучение русского питейного дела началось еще во второй половине XIX столетия, однако сравнительно немногочисленных историков, обращавшихся в то время к данной тематике (Прыжов, Дитятин и др.), интересовали в первую очередь ее социально-политические и морально-нравственные аспекты, в частности, проблема народного пьянства. Оживление интереса к истории русского кабака XVII – первой половины XVIII в. (как и к истории отечественного питейного дела в целом) наблюдается в конце XIX – начале XX в. Именно к этому периоду относятся, в частности, первые работы, основанные на материалах кабацких книг (Смирнов, Полонская), а также первые публикации этих источников – по Иркутску и Тюмени (Головачев) и Нижнему Новгороду (Смирнов) и архивные списки подобного рода документов – по сибирским городам (Оглоблин).

В советской историографии изучение питейной торговли XVII – первой половины XVIII в., как и истории кабацкого дела в целом, было по сути дела свернуто. Работы по данной теме, продолжавшие исследовательские традиции, заложенные в начале XX в., долгое время оставались не востребуемыми (Привалова). Больше внимание в этот период уделялось истории производства алкогольной продукции, главным образом развитию винокурения (Волков), что в целом полностью соответствовало одному из базовых принципов советской исторической науки, согласно которому вопросы истории производства неизменно превалировали перед вопросами истории обращения.

Новый этап в изучении кабацкого дела XVII – первой половины XVIII в. начался в 1990-е гг. В этот период исследователи снова после долгого перерыва обратились к изучению кабацких книг и других источников, содержащих сведения по истории производства и сбыта алкогольной продукции на местах (росписей «напойных денег», кабацких ценовых росписей). Дальнейшее развитие разработка рассматриваемой темы получила в 2000-е гг., когда вышла целая серия работ по истории кабацкого дела в различных городах страны: Верхотурье, Тобольске, Сургуте, Кузнецке, Кетске (Раев), Тамбове и его уезде, Белгороде, Козлове, Коротояке (Мизис), Курске, Вязьме, Можайске, Рыльске, Киеве (Раздорский), Ельце (Мизис, Ляпин), Воронеже (Жиброва), Новгороде (Селин). В это же время было опубликовано несколько статей источниковедческого характера, посвященных кабацким книгам (Булгаков, Раздорский, Раев). Важный вклад в развитие историографии отечественного питейного дела внесли работы Б. В. Родионова о русских крепких напитках, благодаря которым был опровергнут целый ряд прочно устоявшихся в науке и общественном сознании стереотипов и мифологем.

На современном этапе интенсивность изучения кабацкого дела XVII – первой половины XVIII в. несколько снизилась. Разработка данной тематики в 2010-е гг. продолжалась преимущественно по южнорусским городам, в частности, по

Белгороду, Судже, Мирополью (Раздорский) и Воронежу (Жибровой), причем исследованию подверглись не только сфера производства и продажи спиртных напитков, но и вопросы организации кабацкого дела и поступления казенных питейных доходов. Была опубликована древнейшая датированная русская кабацкая книга – олонекская 1609 г. (Раздорский), а также изданы списки кабацких книг, хранящихся в различных фондах РГАДА и НИА СПб РАН (он же). К сожалению, с уходом из науки Д. В. Раева почти полностью прекратилось изучение питейного дела в городах Сибири XVII – первой половины XVIII в. и публикация сибирских кабацких книг. Отмечены попытки рассмотрения данной темы с использованием нетрадиционных для нее видов источников, в частности, материалов археологических раскопок (Пархимович).

Из зарубежных исследователей к истории питейного дела в России XVII – первой половины XVIII в. обращалась (в 1990-е гг.), насколько нам известно, только шведская исследовательница И. Нордландер, занимавшаяся изучением новгородских кабацких книг периода Смуты.

С 1902 по 2014 г. опубликовано 13 кабацких книг различных типов, относящихся к периоду с 1609 по 1720 г. Из них 4 книги образуют единый комплекс приходо-расходной документации с синхронными таможенными записями и опубликованы вместе с ними (саранская, курская¹, лебединская, миропольская). 3 опубликованные книги относятся к первой четверти XVII в. (олонекская, 2 елецкие), 1 – к третьей четверти XVII в. (нижегородская), 5 – к последней четверти того же столетия (саранская, тобольская 1694 г., лебединская, миропольская, тюменская), 4 – к первой четверти XVIII в. (2 иркутские, тобольская 1704 г., курская). Всего изданы кабацкие книги по 10 городам, из них 4 книги относятся к югу России (Елец, Курск, Лебедин, Мирополье), 3 – к Сибири (Иркутск, Тобольск, Тюмень), 2 – к Поволжью (Нижний Новгород, Саранск) и 1 – к северо-западу Европейской части (Олонец). Следует отметить, что большинство опубликованных документов весьма невелики по объему, более или менее пространны только три книги (нижегородская, саранская и курская).

По поводу издания полных текстов кабацких книг заметим, что, на наш взгляд, это делать не всегда целесообразно. Этим источникам присущ в значительной степени «шаблонный» характер, причем в гораздо большей степени, чем, например, родственным им таможенным книгам. Поэтому более продуктивным нам видится публикация обработанных и систематизированных статистических и фактологических данных, содержащихся в кабацких книгах, в форме документальных таблиц. О целесообразности именно такого способа передачи заключенной в кабацких книгах информации задумывались еще в начале XX в. первые исследователи этих источников М. И. Смирнов и Н. Полонская. В наши дни подобный опыт применительно к 22 кабацким книгам Вязьмы XVII в. предпринят автором настоящей статьи. Издавать же следует прежде всего те кабацкие книги, которые представляют особый интерес для истории питейного дела с точки зрения

¹ Под курской кабацкой книгой 1720 г. мы условно понимаем три раздела книги таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда — книгу курского кружечного двора, книгу новопостроенных кабаков Курского уезда и курскую явочную книгу.

своей древности, оригинальности формуляра или каких-либо иных уникальных особенностей.

Подводя итог обзору исследований и документальных публикаций по истории кабацкого дела в России XVII – первой половины XVIII в. приходится констатировать, что несмотря на очевидную значимость рассматриваемой сферы деятельности для социально-экономической и общественно-политической жизни страны, она пока не получила должного освещения в отечественной исторической науке. Основные массовые источники по рассматриваемой теме – кабацкие книги – изучены крайне неравномерно и хронологическом и географическом плане. Лучше исследованы документы по южнорусским, западнорусским и сибирским городам. При этом, например, обширные комплексы кабацких книг городов Поморья XVII в. (Устюга, Тотмы, Соли Вычегодской), Вятского края (Хлынова, Орлова, Котельнича) и центра страны (Ефремова, Арзамаса, Клина, Мценска и др.) XVIII в. еще только ждут своего исследователя.

Список использованных источников и литературы

1. Жиброва Т. В. Воронежский кабак XVII в. // Новик. – Вып. 12. – Воронеж, 2007. – С. 93–100.
Zhibrova T. V. Voronezhskii kabak XVII v. // Novik. – Vyp. 12. – Voronezh, 2007. – S. 93–100.
2. Жиброва Т. В. Из истории кабака и кружечного двора: проблема пьянства и православная церковь (на примере материалов Воронежского уезда XVII в.) // Православный ученый в современном мире: Материалы Второй Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 4–6 окт. 2013 г. – Т. 2. – Воронеж, 2013. – С. 133–138.
Zhibrova T. V. Iz istorii kabaka i kruzhechnogo dvora: problema p'yanstva i pravoslavnaya tserkov' (na primere materialov Voronezhskogo uезда XVII v.) // Pravoslavnyi uchenyi v sovremennom mire: Materialy Vtoroi Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Voronezh, 4–6 okt. 2013 g. – T. 2. – Voronezh, 2013. – S. 133–138.
3. Жиброва Т. В. Из истории российской провинции XVII в.: южнорусские кабацкие подрядчики // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем. Елабуга, 2015. – С. 85–88.
Zhibrova T. V. Iz istorii rossiiskoi provintsii XVII v.: yuzhnorusskie kabatskie podryadchiki // Sotsiokul'turnaya sreda rossiiskoi provintsii v proshlom i nastoyashchem. Elabuga, 2015. – S. 85–88.
4. Жиброва Т. В. «Никто из них никогда не упустит случая, чтобы выпить или хорошенько напиться»: «питухи» России в XVII в. (по материалам Воронежского уезда) // Трезвость – курс России: Материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. ОД «Союз УСТ «Трезвый Урал». – Тюмень, 2018. – С. 171–178.
Zhibrova T. V. «Nikto iz nikh nikogda ne upustit sluchaya, chtoby vypit' ili khoroshen'ko napit'sya»: «pitukhi» Rossii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo uезда) // Trezvosť – kurs Rossii: Materialy XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. OD «Soyuz UST «Trezvyi Ural». – Tyumen', 2018. – S. 171–178.
5. Жиброва Т. В. Организация производства и торговли хмельными напитками на воронежском кабаке (на кружечном дворе) в XVII веке // Исторические записки. – Вып. 15. – Воронеж, 2012. – С. 5–21.
Zhibrova T. V. Organizatsiya proizvodstva i trgovli khmel'nymi napitkami na voronezhskom kabake (na kruzhechnom dvore) v XVII veke // Istoricheskie zapiski. – Vyp. 15. – Voronezh, 2012. – S. 5–21.
6. Жиброва Т. В. Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII веке. – Воронеж: Истоки, 2011. – 210 с.
Zhibrova T. V. Organizatsiya tamozhennogo i piteinogo upravleniya v Voronezhskom uезде v XVII veke. – Voronezh: Istoki, 2011. – 210 s.
7. Жиброва Т. В. Питейная торговля в Воронежском уезде в XVII веке // Власть и общество: история взаимоотношений: Тез. регион. науч. конф., Воронеж, 2 февр. 2007 г. – Воронеж, 2007. – С. 68–70.

Zhibrova T. V. Piteinaya trgovlya v Voronezhskom uезде v XVII veke // Vlast' i obshchestvo: istoriya vzaimootnoshenii: Tez. region. nauch. konf., Voronezh, 2 fevr. 2007 g. – Voronezh, 2007. – S. 68–70.

8. Жиброва Т. В. «Питухов от кабаков не отгонять»: питейные сборы на юге Руси в XVII в. // История в подробностях. – 2014. – № 4. – С. 18–23.

Zhibrova T. V. «Pitukhov ot kabakov ne otgonyat'»: piteinye sbory na yuge Rusi v XVII v. // Istoriya v podrobnostyakh. – 2014. – № 4. – S. 18–23.

9. Жиброва Т. В. Проблема пьянства на юге России в XVII веке (на примере материалов Воронежского уезда) // Философские проблемы биологии и медицины: Сб. ст. науч. конф. – Вып. 8, ч. 1. – Воронеж, 2012. – С. 47–50.

Zhibrova T. V. Problema p'yanstva na yuge Rossii v XVII veke (na primere materialov Voronezhskogo uезда) // Filosofskie problemy biologii i meditsiny: Sb. st. nauch. konf. – Vyp. 8, ch. 1. – Voronezh, 2012. – S. 47–50.

10. Жиброва Т. В. «Чтоб они на кружечном дворе не пропивались»: о проблеме пьянства на юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): Сб. материалов междунар. науч. конф. – СПб., 2018. – С. 259–264.

Zhibrova T. V. «Chtob oni na kruzhechnom dvore ne propivalis'»: o probleme p'yanstva na yuge Rossii v XVII veke (po materialam Voronezhskogo uезда) // Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt): Sb. materialov mezhhdunar. nauch. konf. – SPb., 2018. – S. 259–264.

11. Жиброва Т. В. «Чтобы мимо кабака питья не было»: кабацкие головы и откупщики южных уездов России XVII века против корчемства // Страницы российской истории: Сб. науч. ст. – Вып. 5. – Воронеж, 2010. – С. 13–24.

Zhibrova T. V. «Chtoby mimo kabaka pit'ya ne bylo»: kabatskie golovy i otkupshchiki yuzhnykh uездov Rossii XVII veka protiv korchemstva // Stranitsy rossiiskoi istorii: Sb. nauch. st. – Vyp. 5. – Voronezh, 2010. – S. 13–24.

12. Карельская С. Н. Кабацкие книги как памятники русской учетной практики XVII в. // Международный экономический симпозиум – 2017: Материалы междунар. научных конференций 20–21 апр. 2017 г.: Междунар. конф. молодых ученых-экономистов «Развитие современной экономики России»; IV междунар. науч.-практ. конф. «Устойчивое развитие: общество и экономика»; IV междунар. науч. конф.: Соколовские чтения «Бухгалтерский учет: взгляд из прошлого в будущее». СПб., 2017. С. 629.

Karel'skaya S. N. Kabatskie knigi kak pamyatniki russkoi uchetnoi praktiki XVII v. // Mezhdunarodnyi ekonomicheskii simpozium – 2017: Materialy mezhhdunar. nauchnykh konferentsii 20–21 apr. 2017 g.: Mezhdunar. konf. molodykh uchenykh-ekonomistov «Razvitie sovremennoi ekonomiki Rossii»; IV mezhhdunar. nauch.-prakt. konf. «Ustoichivoe razvitie: obshchestvo i ekonomika»; IV mezhhdunar. nauch. konf.: Sokolovskie chteniya «Bukhgalterskii uchët: vzglyad iz proshlogo v budushchee». SPb., 2017. S. 629.

13. Козлов С. А. Винные и пивные книги Великого Новгорода 1611–1617 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 28–30 сент. 2017 г.). – Н. Новгород, 2018. – С. 28–34.

Kozlov S. A. Vinnye i pivnye knigi Velikogo Novgoroda 1611–1617 gg. // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sb. materialov Chetvertoi mezhhdunar. nauch. konf. (Nizhnii Novgorod, 28–30 sent. 2017 g.). – N. Novgorod, 2018. – S. 28–34.

14. Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 518 с., [16] л. ил.

Kurukin I. V., Nikulina E. A. Povsednevnyaya zhizn' russkogo kabaka ot Ivana Groznogo do Borisa El'tsina. – M.: Molodaya gvardiya, 2007. – 518 s., [16] l. il.

15. Ляпин Д. А. Елецкий кабак в XVII в. и его посетители // Елец и его округа: История. Археология. Проблемы реконструкции. – Елец, 2008. – С. 44–64.

Lyapin D. A. Elets'kii kabak v XVII v. i ego posetiteli // Elets i ego okrug: Istoriya. Arkheologiya. Problemy rekonstruktsii. – Elets, 2008. – S. 44–64.

16. Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII веков. – Тула: Гриф и К, 2011. – 203, [3] с., [10] л. ил.

- Lyapin D. A. Istoriya Eletskego uezda v kontse XVI – XVII vekov. – Tula: Grif i K, 2011. – 203, [3] s., [10] l. il.
17. Ляпин Д. А. Русские праздники зимнего цикла в XVII в. (по материалам кабацкой явочной книги г. Ельца 1615–1616 гг.) // Живая старина. – 2009. – № 3. – С. 38–40.
- Lyapin D. A. Russkie prazdniki zimnego tsikla v XVII v. (po materialam kabatskoi yavochnoi knigi g. El'tsa 1615–1616 gg.) // Zhivaya starina. – 2009. – № 3. – С. 38–40.
18. Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов: Юлис, 2006. – 815 с.
- Mizis Yu. A. Formirovanie rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroi polovine XVII – pervoi polovine XVIII vv. – Tambov: Yulis, 2006. – 815 s.
19. Пархимович С. Г. «Питейное дело» в Мангазее // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. – Омск, 2017. – С. 438–450.
- Parkhimovich S. G. «Piteinoe delo» v Mangazee // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: Sb. nauch. st. – Omsk, 2017. – S. 438–450.
20. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – СПб.; М.: М. О. Вольф, 1868. – [8], 320 с.
- Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – Spb.; M.: M. O. Vol'f, 1868. – [8], 320 s.
21. Раев Д. В. Книги «пивных варей» Сургута как источник по изучению хозяйственной деятельности населения Сибири в начале XVIII в. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. – Вып. 4: Тюмень, Пелым. – Новосибирск, 2001. – С. 138–146.
- Raev D. V. Knigi «pivnykh varey» Surguta kak istochnik po izucheniyu khozyaistvennoi deyatel'nosti naseleniya Sibiri v nachale XVIII v. // Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka. – Vyp. 4: Tyumen', Pelym. – Novosibirsk, 2001. – S. 138–146.
22. Раев Д. В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Сова, 2005. – 273 с.
- Raev D. V. Kruzhechnye dvory gorodov Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII v.). – Novosibirsk: Sova, 2005. – 273 s.
23. Раев Д. В. Некоторые особенности русского кабака второй половины XVI – XVII вв. // Проблемы менталитета в истории и культуре России. – Вып. 3. – Новосибирск, 2002. – С. 26–32.
- Raev D. V. Nekotorye osobennosti russkogo kabaka vtoroi poloviny XVI – XVII vv. // Problemy mentaliteta v istorii i kul'ture Rossii. – Vyp. 3. – Novosibirsk, 2002. – S. 26–32.
24. Раев Д. В. Тобольские кабаки в конце XVII – начале XVIII вв. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. тр. – Кн. 2. – Барнаул, 2003. – С. 98–105.
- Raev D. V. Tobol'skie kabaki v kontse XVII – nachale XVIII vv. // Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoi Sibiri: Sb. nauch. tr. – Kn. 2. – Barnaul, 2003. – S. 98–105.
25. Раздорский А. И. Вяземские кабацкие книги XVII века: Источниковедческая характеристика и методика обработки // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX века: Материалы междунар. науч. конф., 25–28 апр. 2002 г., Тверь – Кашин – Калязин: В 2 ч. – Ч. 1. – Тверь, 2002. – С. 83–96.
- Razdorskii A. I. Vyazemskie kabatskie knigi XVII veka: Istochnikovedcheskaya kharakteristika i metodika obrabotki // Goroda Evropeiskoi Rossii kontsa XV – pervoi poloviny XIX veka: Materialy mezhdunar. nauch. konf., 25–28 apr. 2002 g., Tver' – Kashin – Kalyazin: V 2 ch. – Ch. 1. – Tver', 2002. – S. 83–96.
26. Раздорский А. И. Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам прихода-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). – М.: Старая Басманная, 2017. – 259 с.
- Razdorskii A. I. Golovstvo i otkup. Ocherki iz istorii tamozhennogo i kabatskogo dela na yuge i zapade evropeiskoi Rossii v XVII veke (po materialam prikhodo-raskhodnykh knig moskovskikh prikazov i gorodovykh tamozhennykh i kabatskikh knig). – M.: Staraya Basmannaya, 2017. – 259 s.
27. Раздорский А. И. Из истории питейного дела в Белгороде в XVII веке (по материалам белгородских таможенных и кабацких книг 1641/42–1677/78 гг.) // Грани русского Средневековья: Сб. ст. к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. – М., 2016. – С. 87–98.

Razdorskii A. I. Iz istorii piteinogo dela v Belgorode v XVII veke (po materialam belgorodskikh tamozhennykh i kabatskikh knig 1641/42–1677/78 gg.) // Grani russkogo Srednevekov'ya: Sb. st. k 90-letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva. – M., 2016. – S. 87–98.

28. Раздорский А. И. Кабацкие книги XVIII века в фонде 829 РГАДА // Археографический ежегодник за 2012 год. – М., 2016. – С. 222–247.

Razdorskii A. I. Kabatskie knigi XVIII veka v fonde 829 RGADA // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2012 god. – M., 2016. – S. 222–247.

29. Раздорский А. И. Кабацкие книги времени царствования Василия Шуйского в Архиве С.-Петербургского института истории РАН // Петербургский исторический журнал. – 2014. – № 2. – С. 5–15.

Razdorskii A. I. Kabatskie knigi vremeni tsarstvovaniya Vasiliya Shuiskogo v Arkhive S.-Peterburgskogo instituta istorii RAN // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. – 2014. – № 2. – S. 5–15.

30. Раздорский А. И. Казенная питейная торговля в Курске в XVII веке (по материалам «припойных» книг) // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья: Сб. ст. памяти проф. В. П. Загоровского (1925–1994). – Воронеж, 2000. – С. 104–114.

Razdorskii A. I. Kazennaya piteinaya trgovlya v Kurske v XVII veke (po materialam «pripoinnykh» knig) // Problemy izucheniya istorii Tsentral'nogo Chernozem'ya: Sb. st. pamyati prof. V. P. Zagorovskogo (1925–1994). – Voronezh, 2000. – S. 104–114.

31. Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 623 с.

Razdorskii A. I. Kniga tamozhennogo i piteinogo sbora Kurska i Kurskogo uezda 1720 g.: Issledovanie. Tekst. Kommentarii. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2007. – 623 s.

32. Раздорский А. И. Книги таможенного и питейного сбора Лебедина и Мирополья XVII в. // Сумський історико-архівний журнал. – 2010. № 8/9. – С. 17–31.

Razdorskii A. I. Knigi tamozhennogo i piteinogo sbora Lebedina i Miropol'ya KhVII v. // Sums'kii istoriko-arkhivnyi zhurnal. – 2010. № 8/9. – S. 17–31.

33. Раздорский А. И. Можайские кабацкие книги XVII века // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 29. – СПб., 2005. – С. 408–413.

Razdorskii A. I. Mozhaiskie kabatskie knigi XVII veka // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. – T. 29. – SPb., 2005. – S. 408–413.

34. Раздорский А. И. О составлении и публикации регестов кабацких книг XVII–XVIII вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Сер. История. Политология. Экономика. – 2007. – № 4. – Вып. 3. – С. 84–91.

Razdorskii A. I. O sostavlenii i publikatsii regestov kabatskikh knig XVII–XVIII vv. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. – 2007. – № 4. – Vyp. 3. – S. 84–91.

35. Раздорский А. И. Питейная торговля в Вязьме в XVII в. (по данным кабацких книг) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. – М.; СПб., 2006. – С. 333–337.

Razdorskii A. I. Piteinaya trgovlya v Vyaz'me v XVII v. (po dannym kabatskikh knig) // Issledovaniya po istorii srednevekovoi Rusi: K 80 letiyu Yuriya Georgievicha Alekseeva. – M.; SPb., 2006. – S. 333–337.

36. Раздорский А. И. Питейная торговля в Рыльске в 1669–1671 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура». – Ч. 2. – Белгород, 2005. – С. 112–117.

Razdorskii A. I. Piteinaya trgovlya v Ryl'ske v 1669–1671 gg. // Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Yug Rossii v proshlom i nastoyashchem: Istoriya, ekonomika, kul'tura». – Ch. 2. – Belgorod, 2005. – S. 112–117.

37. Раздорский А. И. Питейная торговля в Судже и Мирополье в 1680–1690-е гг. (по материалам книг кружечных дворов) // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сб. ст. и материалов. – Курск, 2015. – С. 132–165.

Razdorskii A. I. Piteinaya trgovlya v Sudzhe i Miropol'e v 1680–1690-e gg. (po materialam knig kruzhechnykh dvorov) // Sudzha i sudzhane v otechestvennoi i zarubezhnoi istorii i kul'ture: Sb. st. i materialov. – Kursk, 2015. – S. 132–165.

38. Раздорский А. И. Производство и продажа питей в Можайске в XVII веке: По данным книг питейной прибыли 1644/45–1673/74 гг. // Клио. – 2003. – № 3. – С. 170–173.
Razdorskii A. I. Proizvodstvo i prodazha pitei v Mozhaiske v XVII veke: Po dannym knig piteinoi pribyli 1644/45–1673/74 gg. // Klio. – 2003. – № 3. – S. 170–173.
39. Раздорский А. И. Таможенные и кабацкие книги XVII века в составе городских книг московских приказов в фондах РГАДА // Русское Средневековье: Сб. ст. в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. – М., 2012. – С. 164–198.
Razdorskii A. I. Tamozhennye i kabatskie knigi XVII veka v sostave gorodovykh knig moskovskikh prikazov v fondakh RGADA // Russkoe Srednevekov'e: Sb. st. v chest' professora Yuriya Georgievicha Alekseeva. – M., 2012. – S. 164–198.
40. Раздорский А. И. Таможенные и кабацкие книги XVII–XVIII вв. в фонде Денежного стола Разрядного приказа // Археографический ежегодник за 2011 год. – М., 2014. – С. 391–411.
Razdorskii A. I. Tamozhennye i kabatskie knigi XVII–XVIII vv. v fonde Denezhnogo stola Razryadnogo prikaza // Arkheograficheskii ezhegodnik za 2011 god. – M., 2014. – S. 391–411.
41. Раздорский А. И. Таможенные и кабацкие книги XVI–XVIII вв. в Архиве СПБИН РАН // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т. 33. – СПб., 2015. – С. 527–551.
Razdorskii A. I. Tamozhennye i kabatskie knigi XVI–XVIII vv. v Arkhive SPbII RAN // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. – T. 33. – SPb., 2015. – S. 527–551.
42. Раздорский А. И. Технология производства слабоалкогольных напитков в России XVII в. (по материалам кабацких книг города Вязьмы) // Вестник истории естествознания и техники. – 2011. – № 3. – С. 115–122.
Razdorskii A. I. Tekhnologiya proizvodstva slaboalkogol'nykh napitkov v Rossii XVII v. (po materialam kabatskikh knig goroda Vyaz'my) // Vestnik istorii estestvoznaniya i tekhniki. – 2011. – № 3. – S. 115–122.
43. Раздорский А. И. Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). – СПб.; М.: Универсальные информационные технологии, 2010. – 836 с.
Razdorskii A. I. Torgovlya Vyaz'my v XVII veke (po materialam tamozhennykh i kabatskikh knig goroda). – SPb.; M.: Universal'nye informatsionnye tekhnologii, 2010. – 836 s.
44. Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 762 с.
Razdorskii A. I. Torgovlya Kurska v XVII veke (po materialam tamozhennykh i obrochnykh knig goroda). – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001. – 762 s.
45. Раздорский О. И. Книги киевского «кружечного двора» 1665/66 та 1669 pp. // Київська старовина. – 2003. – № 6. – С. 127–132.
Razdorskii O. I. Knigi kiïvs'kogo «kruzhechnogo dvora» 1665/66 ta 1669 rr. // Kiïvs'ka starovina. – 2003. – № 6. – S. 127–132.
46. Родионов Б. В. Большой обман: правда и ложь о русской водке. – М.: АСТ, 2011. – 414 с.
Rodionov B. V. Bol'shoi obman: pravda i lozh' o russkoi vodke. – M.: AST, 2011. – 414 s.
47. Родионов Б. В. История русских крепких питей: Книга-справочник по основным вопросам истории винокурения. – М.: Олимп-Бизнес, 2017. – 253 с.
Rodionov B. V. Istoriya russkikh krepkikh pitei: Kniga-spravochnik po osnovnym voprosam istorii vinokureniya. – M.: Olimp-Biznes, 2017. – 253 s.
48. Родионов Б. В. История русской водки от полугара до наших дней. – М.: Эксмо, 2011. – 335 с.
Rodionov B. V. Istoriya russkoi vodki ot polugara do nashikh dnei. – M.: Eksmo, 2011. – 335 s.
49. Родионов Б. В. Полугар. Водка, которую мы потеряли. – М.: Зебра Е, 2009. – 298 с.
Rodionov B. V. Polugar. Vodka, kotoruyu my poteryali. – M.: Zebra E, 2009. – 298 s.
50. Родионов Б. В. Правда и ложь о русской водке. АнтиПохлебкин. – М.: АСТ, 2011. – 318 с.
Rodionov B. V. Pravda i lozh' o russkoi vodke. AntiPokhlebkin. – M.: AST, 2011. – 318 s.
51. Родионов Б. В. История русской водки от полугара до наших дней. – 2-е изд., испр. и сокр. – М.: Эксмо, 2012. – 271 с.
Rodionov B. V. Istoriya russkoi vodki ot polugara do nashikh dnei. – 2-e izd., ispr. i sokr. – M.: Eksmo, 2012. – 271 s.
52. Русское население Сибири эпохи феодализма. – Новосибирск: РИПЭЛ Плюс, 2003. – 127 с.
Russkoe naselenie Sibiri epokhi feodalizma. – Novosibirsk: RIPEL Plyus, 2003. – 127 s.

53. Селин А. А. «Взяти вина доброго...»: Новгородское вино как зеркало Смутного времени // Родина. – 2009. – № 9. – С. 56–58.
- Selin A. A. «Vzyati vina dobrogo...»: Novgorodskoe vino kak zerkalo Smutnogo vremeni // Rodina. – 2009. – № 9. – С. 56–58.
54. Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 году // Palaeoslavica. – 2005. – Vol. 13. – N 1. – P. 149–157.
- Selin A. A. Politicheskaya zhizn' i gosudarev vinnyi pogreb v Velikom Novgorode v 7119 godu // Palaeoslavica. – 2005. – Vol. 13. – N 1. – P. 149–157.
55. Сметнева Н. В. Развитие винокурения и виноторговли в Прибайкалье во второй половине XVII – начале XX в. – Иркутск: РИО ГУ НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2006. – 238 с.
- Smetneva N. V. Razvitie vinokureniya i vinotorgovli v Pribaikal'e vo vtoroi polovine XVII – nachale KhKh v. – Irkutsk: RIO GU NTs RVKh VSNTs SO RAMN, 2006. – 238 s.
56. Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова, 1701–1703 / Изд. подгот. Л. А. Ольшевская и др. – М.: Наука, 2008. – 667 с.
- Khozhdenie v Svyatuyu zemlyu moskovskogo svyashchennika Ioanna Luk'yanova, 1701–1703 / Izd. podgot. L. A. Ol'shevskaya i dr. – M.: Nauka, 2008. – 667 s.

Razdorskii A. I. The Russian tavern 17 – the first half 18 centuries in the domestic and foreign historiography

In article in the chronological sequence the review of the main domestic and foreign researches and documentary publications on history of tavern business in Russia is presented to XVII – the first half of the 18th century, published from the middle of the 19th century to our time. The main attention is paid to works which are based on materials of tavern books (books of the pint yards) – the main mass sources on this subject for the specified period, containing information on the range, volumes and turnover of drinkable trade, the prices of alcoholic beverages, size of drinkable profit, etc. Works of I.G. Pryzhov, I.I. Dityatin, N.N. Ogloblin, M.I. Smirnov, N. Polonskaya, N.I. Privalova, M.Ya. Volkov, V.V. Pokhlyobkin, M.B. Bulgakov, D.V. Rayev, Yu.A. Mizis, B.V. Rodionov, T.V. Zhibrova and some other authors are analysed. Degree of study of the drinkable case XVII – the first half of the 18th century in various regions of Russia is shown. Data on quantitative, geographical and chronological structure of the published tavern books are provided.

Keywords: Tavern business, drinkable trade, tavern books, taverns, pint yards, historiography, source study

УДК 94(292.471):159.953+159.923.2(=161.1)

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Хлевов А. А., Латышева Е. В., Чигрин В. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
Email: hlevov@mail.ru, elenakfu@yandex.ru*

Анализируется феномен исторической памяти на примере Крымского полуострова, для чего были задействованы инструментальные возможности социологического исследования. Определена роль исторической памяти в системе общественных ценностей как составной части национального кода и его влияние на критическое восприятие собственного прошлого при формировании национальных символов. В рамках исследования исторической памяти было опрошено более 200 человек только обучающейся молодежи и рассмотрен вопрос об использовании образов прошлого в целях мобилизации сторонников сохранения и формирования нового культурного пространства Республики Крым.

Ключевые слова: ментальность, историческая память, национальный код, культурный код, самоидентификация, национальная идентичность, национально-государственная идентичность, общественные ценности, культура, социологический опрос, анкета, респонденты, молодежь, обучающиеся.

Историческая память является составной частью системы современного политического сознания, поэтому выступает направляющим фактором современной политической жизни. Ее можно опосредованно сравнить с системой координат в оценке настоящего и построении будущего. Современным вызовом системе общественных ценностей является глобализация гуманитарных процессов, за счет ускорения темпов общественной жизни, информатизации и дигитализации всех сфер человеческой деятельности.

Именно поэтому особое значение приобретает сохранение национально-культурной и национально-государственной идентичности как на уровне личностно-корпоративном, так и на уровне государственном.

Очевидно, что в условиях усиления конфронтации на международной арене, происходит плавная переориентации части традиционных направлений культурных контактов, подмена ряда ценностных ориентиров и, генерация новых ценностей, поэтому вопросы идентичности становятся ключевыми.

Необходимо отметить важность умений ориентироваться в этих процессах, определять угрозы в данной сфере и вырабатывать рекомендации, касающиеся сознательного и целенаправленного, государственно-ориентированного конструирования образа прошлого.

К сожалению, постсоветская идентичность нередко формировалась достаточно хаотично и зачастую непродуманно, без учета информационных реалий, потребностей личности и общества, региональных и национальных традиций.

Авторы настоящей статьи уже затрагивали проблема исторической памяти как в общетеоретическом [9, с. 8] аспекте, так и с точки зрения прикладного влияния конкретных исторических конструкций и реконструкций на массовое сознание – *a priori* и *a posteriori* [11; 12].

Как показали события последних двух с половиной десятилетий, важным элементом российской национально-культурной и государственной идентичности оказался крымский вопрос. Под таковым мы понимаем совокупность исторических, политических, культурных и социальных проблем, связанных с государственной принадлежностью Крымского полуострова.

Значительные смысловые нагрузки, связанные с вхождением Крыма в состав Российской империи, которые сопровождали историю полуострова в течение XIX и первой половины XX вв., сомнительная с точки зрения права, здравого смысла и эмоционального фона населения СССР передача Крыма в состав УССР и, наконец, распад Советского Союза, сопровождавшийся отделением Крыма от России, сформировали определенное восприятие Крыма в российском обществе.

Социологические исследования (в том числе проведенные авторами 2005–2018 гг.) фиксируют факт несоответствия уровня знаний об исторических событиях в стране и на полуострове, а также несоответствие уровня индивидуальной и групповой исторической памяти. Анализируя важные периоды с точки зрения формирования исторической памяти на примере Крыма, очертим на наш взгляд следующие важные вехи:

- период Великой отечественной войны 1941–1945 гг., когда этнонациональная мобилизация использовалась фашистами как фактор социально-политической дестабилизации СССР и процесс, способствующий контролю над захваченными фашистской Германией территориями силами коллаборационистов;

- период нахождения у власти И. В. Сталина, когда депортации и ограничения в правах большого количества людей приводили к протестной этнонациональной мобилизации (имели место репрессии по классовому происхождению и пострадали практически все народы – поэтому здесь этнический признак не является основным). Мобилизации в это время представляла собой стихийное противостояние тоталитарным практикам государственной власти в форме этнической солидарности;

- период «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя», когда создаются некоторые ограничения для части национальной интеллигенции. В этот же период часть интеллигенции практически всех этнических групп использовалась западной пропагандой как инструмент ведения «холодной войны» – проблема ставилась в контексте так называемого «правозащитного движения», а сам народ был фактически заложником в этой войне. Сформированные таким образом субъекты этнополитической мобилизации получили международное признание в качестве «борцов за права угнетенных народов», и стали инструментом геополитического противостояния;

- период «украинизации Крыма» (середина пятидесятых – середина шестидесятых годов XX в.), когда возникали отдельные вспышки межэтнических противоречий;

- период «перестройки», когда существенную роль играли проблемы с возвращением крымских татар в Крым, обострившиеся с распадом СССР из-за того, что государство, инициировавшее этот процесс, перестало существовать;

- период нахождения Крыма в составе Украины, когда существенное значение имели проблемы, связанные с использованием фактора крымских татар как сдерживающего русофильские настроения в Крыму и как базы международного терроризма для ведения конфликтов на Кавказе и Ближнем востоке. Татары оказались заложниками внутренней политики киевского руководства. Кроме того, проблемы обострялись действиями самозванных представителей крымских татар в лице поддерживаемых Киевом и международными субъектами членов незаконной организации Меджлиса. При этом, в законодательном поле Украины так и не была урегулирована проблема репрессированных народов, в числе которых были и крымские татары. Киевскому руководству было интересно оставлять последних в качестве фактора нестабильности на полуострове и эксплуатировать политическую и социальную напряженность в своих целях. Другими словами, «крымско-татарская проблема» была фактором внутренней колонизации страны со стороны киевского режима и никогда не была направлена на решение реальных проблем граждан с крымско-татарской идентичностью;

- период возвращения Крыма в состав России, когда явно проявили себя проблемы, обусловленные расколом в среде публичных носителей символических ресурсов этнополитической мобилизации в контексте международных аспектов политики России, обновляющей свою геополитическую роль. Сюда можно отнести: а) политическую неоднозначность представленности этнической группы в публичном пространстве; б) противоречия в среде крымских татар среди поддержавших и не поддержавших возвращение Крыма в состав РФ; в) угрозы террористической деятельности, инициируемой украинским политическим руководством, деятелями Меджлиса, международными террористическими организациями; г) продолжающуюся социальную не обустроенность, безработицу, которые характерны для правой и экономической ситуации переходного периода.

С одной стороны, бесспорно, что обозначенные разнородные проблемы затрагивают все этносы, представляя собой целый комплекс, сформированный в течение длительного исторического периода и уже закреплённый в виде исторической памяти нескольких поколений крымско-татарского народа и других народов бывшего СССР, представляющих полиэтнический Крым. Он существует в виде институциональных и политико-правовых ситуаций, связанных с событиями прошлого и задачами настоящего, требующими нормализации и разрешения.

С другой стороны, возвращение Крыма в состав Российской Федерации, спровоцировало череду исторических событий глобального масштаба. Мы уверенно можем утверждать, что события весны 2014 г., вызвали геополитические сдвиги общемирового характера и серьезнейшим образом повлияли на ментальность миллионов россиян, скорректировав их представления о собственной идентичности.

Разумеется, не меньшее значение эти события имели и для мироощущения самих крымчан.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости и существенном значении исследований, связанных с изучением исторической памяти, выявлением предпочтений, ментальных приоритетов жителей Крыма. Это аккуратная попытка прогнозирования политических решений в самой Республике Крым, и трансляция представлений крымчан всему российскому сообществу, с разяснением российской общественности реального положения дел касательно исторической памяти в Республике и за ее пределами – «на материке».

Полностью осознавая непредсказуемость большинства текущих процессов свои возможности, авторы статьи ставят перед собой задачу по фиксации рефлексивного фона современного крымского общества и не претендуют на более глобальные обобщения. Тем не менее, объективные и прозрачные данные, могут стать основой для достаточно объективных выводов.

Современные процессы глобализации и унификации ставят под удар развитие национального «культурного кода» и его сохранение. А применяемые почти повсеместно информационные технологии, распространяя общественно значимую информатизацию, реализуют возможности манипулирования обществом пользователей. Обозначенный процесс, бесспорно, выводит проблему трансляции исторической правды для сохранения и развития национальной идентичности на передний план современной общественной деятельности.

Постоянно возрастающее количество аналитических работ, посвященных рассмотрению ментальности, само по себе говорит о высоком уровне востребованности изучения данных процессов с учетом специфики и особенностей критических изменений в социуме XX – начала XXI вв.

Надо отметить стремление участников этих процессов руководствоваться не только экономическими и политическими факторами, но и учитывать определенные психологические особенности индивидов, составляющих крымский полиэтнический и поликонфессиональный социум, их причастность к определенным культурным традициям, зафиксированным в исторической памяти. В случае с воссоединением Крыма с Россией, национально-культурный код сработал достаточно явно, что в значительной степени повлияло на выбор значимого решения конкретным человеком или крымским сообществом в целом. Следовательно, этот факт не может не приниматься во внимание в социальных процессах современности.

Следует отметить влияние ряда факторов на формирование любой ментальности, любой культурной идентичности. Приобретение ими большего или меньшего значения в разные исторические периоды в основном определяется следующими причинами:

- природными условиями длительного существования этноса;
- сформированными на протяжении существования этноса специфическими духовными традициями;
- наличием глубокой исторической памяти, вехи которой по-разному фиксируются разными поколениями;

- особенностями воздействий устойчивого социального окружения в течение определенного периода пребывания в нем индивида.

Сегодня мы стремимся к сознательному диалогу для выстраивания проекта будущего, не забывая при этом апеллировать к прошлому опыту. Глобализационные процессы стали тем вызовом, который привел нас к осознанию национальной идентичности. События новейшего времени показали, что ментальные и языковые рамки долговечнее и сильнее государственных границ, а механизмы воздействия на коллективное сознание эффективнее непосредственного военного вмешательства.

Нами было проведено исследование, в основу которого легло анкетирование группы обучающейся молодежи, которая безусловно вовлечена в процесс трансляции и построения исторической памяти. Определив основные проблемы взаимодействия истории и исторической памяти, мы подготовили анкету, включающую в себя 26 вопросов. Выборочная совокупность данного пилотного исследования составила 211 респондентов.

Все вопросы были сгруппированы в следующие тематические блоки:

I. Периоды отечественной истории, интересующие опрашиваемых, источники информации о них и оценка степени искажения получаемых данных.

II. Россия и Крым в историческом пространстве.

III. Отношение к своему государству, знание истории малой родины.

Мы искали ответ на вопрос: случился «крымский прецедент» - почему? Известно, что Украина более 20 лет реализовывала планомерное и активное конструирование собственной исторической памяти на всей территории Автономной Республики Крым, стремясь откорректировать национальный код ее жителей. Многие исследователи гадают, почему украинская историко-политическая легитимация оказалась неэффективна в отличие от российской политики памяти? Ведь именно в школьных учебниках по истории уделяется наибольшее внимание «официальной истории», а наши опрашиваемые обучались именно по этим украинским учебникам [8]. Очевидно, что процесс обобществления «правильных» представлений о прошлом выстроен в России достаточно системно [1, с. 23], а значимой составляющей данного цикла является сбалансированная гуманитарная подготовка обучающихся непосредственно в системе высшего образования [6]. Проведенные нами более ранние исследования показали, что несмотря на все попытки «украинизации Крыма», подавляющее большинство жителей Крыма ориентировалось на Россию, апеллируя именно к вехам исторической памяти [13]. Этот же тренд фиксировался нами и в более поздних исследованиях [14; 15].

Отдельно отметим, что нами была задействована новая и достаточно действенная система доставки опросной формы обучающимся. На смену печатной анкете пришла Google Форма, для доступа к которой достаточно сбросить ссылку и затем можно в режиме онлайн отслеживать количество прошедших анкетирование респондентов. Также важно и положительное восприятие компьютерных технологий молодым поколением граждан нашей страны. Отметим, что подавляющее большинство опрошенных в возрасте от 17 до 22 лет. Это непосредственные участники «Крымской весны».

Проведя анализ анкетных листов, опрашиваемых по первому блоку, мы увидели, что, доминирующее большинство респондентов интересуется историческое прошлое России, они четко выделяют значимые для них эпохи в истории России:

- 53,1% – Великая Отечественная война;
- 42,2% – Времена царствования Екатерины I и Екатерины II;
- 44,5% – Эпоха Петра I
- 35,5 % – Россия в начале XX в. ее участие в Первой мировой войне;
- 30,8% – Революция 1917 г. и гражданская война в России 1918–1922 гг.;
- 28,4% – Советский период 20-х-30-х гг.
- 26,1% – Киевская Русь;

На вопрос – «Что в истории России вызывает у Вас наибольший интерес», большинство (50,7%) выбрало вариант ответа: «великие люди российской истории». Достижения в литературе и искусстве, в науке и технике, социально-политические – 47,4%; становление и развитие российского государства – 36,5%; экономическое развитие страны – 23,2%; события военной истории – 35,5% (более 50% – это молодые люди); развитие своего региона – 22,7%.

Следующим образом распределились источники, из которых обучающиеся получают знания об истории России:

- кинофильмы – 70,6%;
- учебники – 62,1%;
- на уроках истории – 55,9%;
- музеи и экскурсии – 51,2%;
- рассказы людей старшего поколения – 46,9%;
- телепередачи – 43,1%;
- мемуары и художественная литература – 34,1%;
- специальная историческая литература – 30,8%.

Совершенно неинтересны молодому поколению журналы и газеты – 12,3%, а также радиопередачи 3,8%, что, отражает изменение информационного пространства, а именно доминирование сети Интернет.

Ответы, связанные с выявлением зон стабильного интереса в истории, на наш взгляд, четко иллюстрируют реализацию Россией своей исторической политики с опорой на уже ранее закрепившиеся в коллективной памяти жителей Крыма символы. Четко обозначено наличие так называемого «базового сюжета» – общепризнанной мифологемы, консолидирующей общество перед лицом опасности. Собственно, видимо именно это и явилось основной проблемой для украинской политики памяти, ибо она вступила в противоречие с уже сформировавшейся коллективной памятью крымчан. В результате мы наблюдаем достаточно устойчивое отношение к событиям периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., что позволило делегитимизировать оппонентов, идеализировавших образ «фашистов», «бандеровцев».

Как выяснилось, подавляющее большинство наших респондентов беспокоит вопрос искажения истории России и Крыма в современных публикациях: около 52,6% опрошенных считают, что искажение присутствует отчасти, а около 29,9% –

что искажается во многом, затруднилось ответить 14,7 % опрошенных, а 2,8% не видят искажения вообще.

Впрочем, когда было предложено уточнение искажаемых исторических событий и периодов, большинство оказалось не готово конкретизировать, выбирая графу «все периоды» – 50,7% или указывают – «затрудняюсь ответить». Тем не менее, по мнению обучающейся молодежи наиболее искажаемыми периодами оказались:

- Советский период 20-х – 30-х годов – 21,3%;
- Революция 1917 г. и гражданская война в России 1918-1922 гг. – 19,1%;
- Великая Отечественная война – 18%;
- Период перестройки и реформ 90-х гг. – 12,3%;
- Россия в начале XX века и ее участие в Первой мировой войне – 10,4%.

В следующем блоке нашей анкеты респондентам предлагалось определение роли России и Крыма в историческом пространстве. Совершенно предсказуемо именно реформы Петра I, как ускорившие прогресс России, были отмечены 86% респондентов, а на второй позиции отмена крепостного права – 70% опрошенных.

Более половины опрошенных – 54% считают, что Россия была и остается великой мировой державой, и лишь примерно 23,2% склонны считать, что Россия перестала быть великой мировой державой, но может стать ею. Положительное отношение сохраняется и в оценке влияния на мировое развитие Российского государства в области культуры, науки, а главное защиты международного миропорядка.

На вопрос является ли возвращение Крыма исторической закономерностью положительно ответили 41,2% респондентов, чуть более 13,3% считают это событие исторической случайностью. 32,2% респондентов уверены, что вхождение Крыма в состав РФ – подготовленное мероприятие, вызванное возможным внешним вмешательством.

Опрошенные практически единодушно отметили, что вхождение Крыма в состав Российской Федерации оказало положительное влияние на развитие страны, но не оказало значительного или отрицательного влияния на мировое развитие в целом.

В завершение нашего анкетирования нам предстояло выяснить, желает ли крымская молодежь уехать из России? Ответы распределились следующим образом и выявляют положительные моменты:

34,6% респондентов предпочитают жить в России даже при плохом развитии событий;

- 24,6% затрудняются ответить, то есть просто не задумывались на этот счет;
- 17,1% хотят уехать временно;
- 16,1% хотели бы, но не имеют возможности;
- 7,6% хотят уехать навсегда из страны и собираются это сделать.

Подавляющее большинство проанкетированных обучающихся согласилось с высказыванием что:

- «Русский народ – создатель великой культуры» – 57,3%.
- «Русский народ – освободитель» – 49,8%;
- «Русский народ – защитник народов» – 48,8%;

«Русский народ – строитель» – 38,4%;

«Русский народ – высоконравственный» – 27%.

Для формирования региональной исторической памяти крайне важно было выяснить, знают ли наши респонденты год основания населенного пункта, в котором они проживают, и 49,8% опрошенных дали положительный ответ, но 20,4% не знают, а 29,9% знают приблизительно. Около 89% респондентов указали, что в их семьях хранятся фотографии бабушек, дедушек, более далеких предков, так же ордена, медали, почетные грамоты, наградные знаки родителей и других родственников; не многие (24,6%) – предметы домашней утвари; а вот старинные вышивки, кружева и другие украшения – 35,1% опрошенных.

На вполне «цивилизационный» вопрос о культуре, представителем которой себя считает респондент, 41,7% ответили – русской; к русской многонациональной отнесли себя 32,2%, а к советской многонациональной причислили себя 4,5%.

Следовательно, в период нахождения Крыма в составе украинского государства повсеместно сохранялось доминирование мест памяти, связанных с советской-российской исторической идентичностью, состоявших из топографических названий, монументов и мнемонической практики, в том числе целые городские ансамбли (города Севастополь и Керчь).

Возникновение крымской региональной идентичности берет начало с русско-турецких войн конца XVIII в. и присоединения Крыма к России. В данном контексте произошло противопоставление региональной и общенациональной украинской исторических идентичностей, «украинизация памяти», которая стремилась опереться на ранние периоды истории (до 1654 г.), оказывалась чужеродной и не закрепились.

Информация, полученная в ходе исследования, подтверждает наше мнение, что преподавание истории в крымских школах транслировало именно региональное историческое мировоззрение, вытесняя общегосударственные тенденций украинизации.

Сегодня ведущее направление в мировой гуманитарной науке охватывает проблематику идентичности в публичной политике, корпоративном менеджменте, интернет-сообществе. Культурологическая парадигма *«memory studies»*, рассматривающая социокультурное пространство через призму коллективной памяти, была заложена еще в начале XX в. в трудах М. Хальбвакса и А. Варбурга [3, с. 2]. Их идеи спустя полвека были переняты французским историком П. Нора, разработавшим фундаментальную теорию мнемонических мест – искусственно поддерживаемых символов прошлого, воплощающих память современного общества.

Попытка обобщения опыта нашего исследования и сопоставления его результатов с мировой традицией, дает основания сделать вывод о том, что историческая память, является безусловным базисом, национальным кодом, обеспечивающим функцию национальной идентичности, напрямую определяющую сохранение территориальной целостности. Известный социолог Э. Смит отмечал: «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы оправдать свое отличие, подтвердить свою коллективную индивидуальность...» [4].

Присоединение Крыма кардинально изменило внутрироссийское историко-политическое пространство, дало старт процессу интеграции «народа» и «власти», а выборы Президента Российской Федерации продемонстрировали высокую явку и единодушие выбора крымчан [7].

Вышеприведенные полученные показатели подтверждают неспособность оппозиции построить в Крыму прочную базу для протестных настроений. Пропагандируя делигитимацию присоединения Крыма, с использованием «сюжетов-ретроспектив», называя присоединение Крыма «аншлюсом», оппозиционеры оказались понятными скорее европейской элите, чем нашему обывателю.

Мы также должны отметить четкую трансляцию молодым поколением подсознательных страхов относительно военных конфликтов, нарушения стабильности в государстве через призму трагических страниц истории нашего отечества. В связи с этим, малоуспешными оказались инициативы крымскотатарского Меджлиса, за день до референдума (15 марта 2014 г.) выступившего с Обращением к Верховной Раде Украины «и ко всему украинскому народу». В тексте документа упоминались такие историко-политических мифологемы как «аннексия Крыма в 1783 году» и утрата им «своей многовековой государственности», а также «геноцид 18 мая 1944 года, когда крымскотатарский народ подвергся насильственной депортации со своей исторической Родины» [5].

Впрочем, тот что, Турция, традиционно определявшая идеологическую ориентацию крымскотатарского населения, заняла пассивную позицию, своевременные уступки, а также форсированное налаживание диалога между пророссийским исламским сообществом и крымскотатарским национальным меньшинством позволили избежать радикализации протеста [2].

Итогом нашего исследования «крымского прецедента» и изучения коллективных представлений о прошлом в геополитическом контексте стало определение факторов, обеспечивающих успешность историко-политической легитимации в целом:

- наличие заведомо общепризнанных «рамочных памяти». Для России ими стало наличие «базового сюжета», тогда как украинская сторона ничем подобным не обладала;
- контроль над «местами памяти», их своевременная поддержка и актуализация;
- взаимодействие экономической, социальной и исторической политики;
- соответствие внедряемых мифологем сформировавшемуся мнемоническому ландшафту и учет существующих тенденций в коллективной памяти;
- использование имеющихся возможностей нации и государства, международного опыта, формирование эффективной системы возможных и нужных способов информационной безопасности, нейтрализация проявлений информационной агрессии, направленных на нивелирование национального своеобразия, разрушение аутентичных культур народов, размывание их национального кода.

Все это является безусловной аргументацией в пользу положительной перспективы сохранения и развития нашего национального культурного кода, основанного на национальном осознании себя как единой общности и

заключающемся в самой логике объективного исторического процесса развития крымско-российского уникального компонента. Перед нами встают все более сложные задачи, для решения которых необходима мобилизация не только всех ресурсов, но и всего цивилизационного опыта.

Список использованных источников и литературы

1. Беклямишев В. О. Современная система государственного управления в сфере исторической памяти / В. О. Беклямишев // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницкие чтения). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 23–26.
Beklyamishev V. O. Sovremennaya sistema gosudarstvennogo upravleniya v sfere istoricheskoi pamyati / V. O. Beklyamishev // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh (XI Kolosnitsynskie chteniya). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. – S. 23–26.
2. Беклямишев В. О. Историческая память в геополитическом измерении: крымский прецедент [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/223/istoricheskaya-pamyat-v-geopoliticheskom-izmerenii-krymskij-precident-5933> (дата обращения: 10.11.2018).
Beklyamishev V. O. Istoricheskaya pamyat' v geopoliticheskom izmerenii: krymskii pretsident [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/223/istoricheskaya-pamyat-v-geopoliticheskom-izmerenii-krymskij-precident-5933> (data obrashcheniya: 10.11.2018).
3. Васильев А. Г. Vita memorie, casus Poloniae // Культурологический журнал. – 2012. – № 9. – С. 1–8.
Vasil'ev A. G. Vita memorie, casus Poloniae // Kul'turologicheskii zhurnal. – 2012. – № 9. – S. 1–8.
4. Касьянов Г. Историческая политика активизировалась вследствие кризиса идентичности во всем мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://od-news.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18971&Itemid=2 (дата обращения: 10.11.2018).
Kas'yanov G. Istoricheskaya politika aktivizirovalas' vsledstvie krizisa identichnosti vo vsem mire [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: http://od-news.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18971&Itemid=2 (data obrashcheniya: 10.11.2018).
5. Крымскотатарский народ заявил о своем праве на самоопределение в составе Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://news.allcrimea.net/news/2014/3/15/krymskotatarskii-narod-zayavil-o-svoem-prave-na-samoopredelenie-v-sostave-ukrainy-7566/> (дата обращения: 10.02.2018).
Krymskotatarskii narod zayavil o svoem prave na samoopredelenie v sostave Ukrainy [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <http://news.allcrimea.net/news/2014/3/15/krymskotatarskii-narod-zayavil-o-svoem-prave-na-samoopredelenie-v-sostave-ukrainy-7566/> (data obrashcheniya: 10.11.2018).
6. Латышева Е. В. Проблема сбалансированности гуманитарной подготовки и профессиональной квалификации обучающихся // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история: сб. науч. ст. III Междунаро. науч.-практ. конф., 8–10 дек. 2016 г. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. – С. 21–25.
Latysheva E. V. Problema sbalansirovannosti gumanitarnoi podgotovki i professional'noi kvalifikatsii obuchayushchikhsya / Latysheva E. V. // Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya: sb. nauch. st. III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., 8–10 dek. 2016 g. – Penza: Izd-vo PGU, 2016. – S. 21–25.
7. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: https://www.discred.ru/publ/obrashhenie_prezidenta_rossijskoj_federacii_18_marta_2014_goda/ 1-1-0-232 (дата обращения: 10.11.2018).
Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Elektronnyi resurs] – Rezhim dostupa. URL: https://www.discred.ru/publ/obrashhenie_prezidenta_rossijskoj_federacii_18_marta_2014_goda/1-1-0-232 (data obrashcheniya: 10.11.2018).
8. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 110–126.

Rostovtsev E. A., Sosnitskii D. A. Napravleniya issledovaniy istoricheskoi pamyati v Rossii // Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – Вып. 2. – С. 110–126.

9. Хлевов А. А. Философия истории – основные задачи текущего момента // Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт. Материалы Всероссийской научной конференции «Ялтинские философские чтения. Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» (19–21 ноября 2015 года, г. Ялта) / Отв. ред. Т. П. Разбеглова. – Ялта, 2016. – С. 58–60.

Khlevov A. A. Filosofiya istorii – osnovnye zadachi tekushchego momenta // Problemy gumanitarnogo znaniya i krymskii kul'turnyi landshaft. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii «Yaltinskie filosofskie chteniya. Problemy gumanitarnogo znaniya i krymskii kul'turnyi landshaft» (19–21 noyabrya 2015 goda, g. Yalta) / Otв. red. T. P. Razbeglova. – Yalta, 2016. – S. 58–60.

10. Хлевов А. А. О философии истории как прикладной дисциплине // Научный вестник Крыма: электронный научно-периодический журнал. 2016. № 1 (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/158/202> (дата обращения: 10.11.2018).

Khlevov A. A. O filosofii istorii kak prikladnoi distsipline // Nauchnyi vestnik Kryma. – 2016. № 1 (1). – S. 8. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa. – URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/158/202> (data obrashcheniya: 10.02.2018).

11. Хлевов А. А. Промежуточный финиш. Рецензия на книгу В'ятрович В. та ін. «Україна у Другій Світовій Війні: до 70-річчя перемоги над нацизмом у Другій світовій війні». — Київ, Український інститут національної пам'яті. – 2015. – 28 с., іл. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16, вып. 2. – С. 374–378.

Khlevov A. A. Promezhutochnyi finish. Retsenzziya na knigu V'yatrovich V. ta in. «Ukraina u Drugii Svitovii Viini: do 70-richchya peremogi nad natsizmom u Drugii svitovii viini». — Kiïv, Ukraïns'kii institut natsional'noi pam'yati, 2015. – 28 s., il. // Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. – 2015. – T. 16, vyp. 2. – S. 374–378.

12. Хлевов А. А., Коскова А. С. Образ «будущей войны» как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–30-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы преобразований: сборник научных трудов / Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2017. – С. 693–701.

Khlevov A. A., Koskova A. S. Obraz «budushchei voiny» kak element natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti v SSSR 1920–30-kh gg. // Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy preobrazovaniy: sbornik nauchnykh trudov. \ Ural'skii federal'nyi universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina. – Ekaterinburg, 2017. – S. 693–701.

13. Чигрин В. А. Проблемы будущего Крыма в оценках респондентов исследований центра «Социо» 2005–2006 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Социология. Педагогика. Психология». – 2017. – № 2. – С. 3–11.

Chigrin V. A. Problemy budushchego Kryma v otsenkakh respondentov issledovaniy tsentra «Sotsio» 2005–2006 gg. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seria: «Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya». – 2017. – № 2. – S. 3–11.

14. Чигрин В. А. Особенности интеграции этносов Крыма в Российский полиэтнический социум // Россия и мусульманский мир. – 2017. – 1(295). – С. 30–40.

Chigrin V. A. Osobennosti integratsii etnosov Kryma v Rossiiskii polietnicheskii sotsium // Rossiya i musul'manskii mir. – 2017. – 1(295). – S. 30–40.

15. Чигрин В. А. Особенности исторической памяти населения Республики Крым // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. научных статей / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. – С. 25–33.

Chigrin V. A. Osobennosti istoricheskoi pamyati naseleniya Respubliki Krym // Prichernomor'e v istorii i sovremennom razvitií Rossiiskogo gosudarstva: opyt integratsii: sb. nauchnykh statei / otв. red. A. V. Baranov, V. V. Kas'yanov. – Krasnodar: Kubanskii gos. un-t, 2017. – S. 25–33.

Khlevov A. A., Latysheva E. V., Chigrin V. A. Russian national cultural identity: an attempt of study of the historical memory of young people in the Republic of Crimea

The article analyzes the phenomenon of historical memory on the example of the Crimean Peninsula, for which we used the instrumental possibilities of sociological research. The authors tried to determine the role of historical memory in the system of social values as an integral part of the national code and its influence on the critical perception of their own past in the formation of national symbols. As part of the study of historical memory, over 200 people were interviewed, inclusively young students; and the problem of using images of the past in order to mobilize supporters of the preservation and formation of a new cultural space of the Republic of Crimea was considered.

Keywords: mentality, historical memory, national code, cultural code, self-identification, national identity, national-state identity, social values, culture, sociological survey, questionnaire, respondents, young people, students.

УДК 75.03

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ САНДРО БОТТИЧЕЛЛИ

Щевелева Е. В.

*МБУДО «Симферопольская детская художественная школа»
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: k0507622530@gmail.com*

Рассмотрены и проанализированы аспекты культурного наследия Италии, в частности – творчество художника Сандро Боттичелли. Рассмотрены особенности Ренессанса, эпохи интеллектуального и художественного расцвета, который начался в Италии в XIV веке, достигнув пика в XVI веке и оказав значительное влияние на европейскую культуру, о деятельности семьи Медичи, о шедеврах Боттичелли, связанных с античной мифологией и идеями неоплатоников. В контексте эпохи Возрождения автор даёт подробный художественный анализ известных произведений Боттичелли таких как «Весна», «Рождение Венеры», «Венера и Марс», «Афина Паллада укрощает кентавра».

Ключевые слова: Боттичелли, Ренессанс, античная мифология, неоплатоники, Медичи, Венера, Марс.

Возрождение возникло благодаря историческим и культурным факторам. Творчество великих мастеров Возрождения проникнуто светлой верой в безграничные возможности человеческого общества и некоторой идеализацией окружающего мира. Эти идеи развивались на протяжении эпохи Ренессанса, совершенствовались во всех направлениях западноевропейской культуры и искусства и продолжают совершенствоваться даже в наши дни. Важнейшей отличительной чертой Возрождения являлись перенос центра внимания на человека как на гармоничную целостную личность и повышенный интерес к изображению природы. Благодаря распространению идей гуманизма в Италии возникло искусство, в котором человек стал восприниматься как мера всех вещей, всей ценности мира. Эпоха Возрождения создала новый тип деятельного, рассудительного и смелого человека, уже не воспринимающего земную жизнь и себя самого как нечто греховное и бренное [4, с. 214]. Этими мыслями проникнуты и персонажи библейских и евангельских легенд превращаются из отвлеченных бестелесных существ и счастливых или страдающих людей. Создаются произведения, призванные убедить зрителя в достоверности изображенного

В эпоху Возрождения опорой и высоким авторитетом в борьбе за новые достижения стала античность. Полнокровное реалистическое искусство древних с его культом прекрасного человека помогло мастерам Ренессанса преодолеть старое средневековое отношение к миру, утвердить свой взгляд на вещи. Античные памятники, которые церковники пытались, но не могли уничтожить до конца в Средние века, теперь начинают привлекать внимание поэтов, ваятелей, живописцев, зодчих [7, с. 105].

Подобно лучшим представителям итальянского Возрождения, Боттичелли (1445–1510) – пример необыкновенно яркой творческой индивидуальности. Большая

человечность и одухотворенность его лирического искусства – это не менее отчетливое проявление Ренессанса, чем мудрость Леонарда да Винчи (1452–1519), гармония Рафаэля (1483–1520) или титанические порывы Микеланджело (1475–1564). Боттичелли мало интересуют разного рода эстетические новшества и преобразования в искусстве – в этом ещё одно его отличие от большинства современников. Мастера не волнует ни проблематика перспективы, ни поиск наиболее удачных способов представления природы в целом. Известный новатор Леонардо да Винчи довольно язвительно отзывался о нежелании своего коллеги поучаствовать во всеобщих творческих исканиях [3, с. 45]. Леонардо, всегда и во всём ставившему во главу угла науку, очевидно, трудно было понять, что интересы художника могут лежать совсем в другой плоскости. Боттичелли привлекает, прежде всего, сложный и разнообразный мир человеческих переживаний. Многие его картины, не являющиеся портретами по определению, являются таковыми по сути, поскольку представляют собой галерею человеческих образов, каждый из которых глубоко индивидуален – взять, к примеру замечательные иллюстрации Боттичелли к «Божественной комедии» Данте [7, с. 201]. И дело здесь не во внешних чертах отдельных персонажей, а во внутреннем психологизме работы в целом. Прекрасные лица персонажей Боттичелли могут выражать целую гамму чувств, однако общим для всех является ощущение смутного беспокойства. Мария с нежностью и бесконечной любовью склонилась над маленьким Иисусом – но при этом кажется, что она вот-вот заплачет; Венера, прекрасная и утончённая, появляется из раковины, подобно дорогой жемчужине, – а взгляд её полон тревоги... Специалисты считают, что с точки зрения психологизма, картины Боттичелли не имеют себе равных в искусстве эпохи Ренессанса [1, с. 52]. Практически – потому что был ещё Перуджино (1448–1523), который также был наделен талантом весьма убедительно передавать с помощью кисти и красок малейшие нюансы внутреннего состояния человека...

Боттичелли умеет точно представить движение и «оживить» изображенные фигуры. Развевающиеся на ветру волосы, летящие листья, струящиеся ткани – с необычайной старательностью художник выписывает любую мелочь, которая может придать представленной сцене динамику. Боттичелли следует советам Леона Баттисты Альберти, изложенным известным архитектором и теоретиком искусства в его фундаментальной работе «О живописи»: «Художник должен стремиться к тому, чтобы при дуновении ветра ткань одежды не только развевалась, но и облежала фигуру, подчёркивая её очертания» [6, с. 129].

Казалось бы, движение и открытость «всем ветрам» не соответствуют атмосфере меланхолического созерцания, которой больше подходит неподвижность и замкнутость. Однако, в том и состоит огромная заслуга Боттичелли перед изобразительным искусством: он существенно упростил изображение людей, переживающих накал страстей, и, изображая движение «созерцателя», он стремился подчеркнуть, что всякие внутренние переживания имеют внешние причины, а значит, приходя извне, должны вовне и возвращаться [3, с. 108]. Художнику чужд пафос страданий, он изображает чувства необычайно сдержанно, если не сказать – изысканно, неизменно оставляя лица своих персонажей прекрасными, а позы исполненными достоинства – в отличие от многих своих современников, отдающих

предпочтение аффектации. Так, к примеру, лица персонажей Лука Синьорелли (1445 – 1523) часто искажены гримасами ужаса и гнева, боли и горя, а их позы кажутся излишне патетичными и временами даже надуманными. В XIX веке английские художники-прерафаэлиты будут восхищаться утончённой красотой персонажей Боттичелли и позаимствуют у него лаконичную манеру изображения человеческих чувств.

Среди флорентийских художников, серьёзно взявшихся за осмысление античных сюжетов, один из первых – Боттичелли, который во второй половине 70-х годов был тесно связан с ближайшим окружением Лоренцо Медичи. Идеи неоплатонизма наложили отпечаток на ряд его произведений.

В 1477 – 1478 годах Боттичелли пишет знаменитую картину «Весна», или «Царство Флоры». Это произведение так же, как созданное позднее «Рождение Венеры», было исполнено для представителя младшей ветви Медичи – Лоренцо ди Пьерфранческо [10, с. 120].

Боттичелли любил и умел использовать в своих картинах силу контрастов как в композиции, так и в цвете: сплошная масса листвы и просветы неба, порывистость одних фигур и неподвижность других, мягкая певучесть и резкая острота линий, лёгкость тканей и тяжесть золотых волос.

Основным красочным фоном картины служит тёмная зелень листвы и травы. Этот фон обильно расцвечен плодами, цветами и одеждами героев сцены – то нежно-белыми (у граций и у нимфы), то ярко-красными (плащи Меркурия и Венеры).

Контрасты ощущаются не только в композиции и колорите, но и в настроении. Чем пристальнее вглядываешься в картину, тем больше ощущаешь, что в этом празднике весны есть какая-то призрачность, недоговоренность, намёк. Прежде всего – намёк на движение. Боттичелли как будто бы соединяет разные его формы – здесь и хоровод граций, и бегство нимфы, и погоня за ней Зефира, и широкий шаг Флоры, и полёт Амура. Но подлинной динамики в картине нет, плоскостное решение не позволяет развить её [4, с. 217]. Не стремясь к передаче иллюзии пространства, художник не даёт возможности взгляду зрителя проникнуть в глубину картины – на втором плане высятся стволы деревьев, ритмично отделенные друг от друга просветами неба. Недоговоренность ощущается и в том, что Боттичелли избегает передавать конкретный жест, уверенную походку, устойчивое положение фигур. Он предпочитает лёгкое прикосновение рук или плавность скользящего шага. Персонажи так невесомы и хрупки, что трава не приминается под их стопой, и это рождает впечатление чего-то призрачного. Каждая группа существует обособленно, взгляды устремлены в пространство, и от такой разобщенности возникает печальная, меланхолическая нота, диссонансом звучащая в мелодии праздника [7, с. 202]. Боттичелли, по-своему преображая героев античной мифологии, сумел рассказать языком тонкой и элегантной лирики о том, как поэтичен мир, и выразить страстную мечту о прекрасном идеале.

Знаменитое полотно «Рождение Венеры» (1482–1483) Боттичелли написал по заказу Лоренцо ди Пьерфранческо Медичи, для которого несколькими годами ранее создавалась «Весна».

В отличие от «Весны», в «Рождении Венеры» перед зрителем не таинственный уголок сада, замкнутый непроницаемой стеной деревьев, а открытые просторы – море, небо, земля. Море подступает к самому краю картины; по его поверхности, покрытой мелкими чешуйками волн, плывёт золотисто-розовая овальная раковина, на завитке которой стоит нагая Венера, рождённая, согласно греческой и римской мифологии, из морской пены. Появление богини триумфально – к её ногам падают розы, стремительные влюблённые ветры летят в этом облаке роз и своим дуновением направляют раковину к берегу, где золотоволосая нимфа, похожая на Флору из «Весны», приготовила плащ, затканый цветами, чтобы накинуть его на плечи Венеры, когда она, сойдя с раковины, вступит на подвластную ей землю.

По сравнению с «Весной», вся картина приобрела большую чёткость и ясность. Вместо густо орнаментированного фона, напоминающего узорчатый ковёр, – легко обозримая светлая даль, и её прозрачность как нельзя более соответствует образу самой богини [7, с. 207]. Венера утратила черты юной флорентинки, какими она была наделена в «Весне»; здесь в ней воплощена идеальная красота, столь безупречная и гармоничная, что Венера, несмотря на изменяющиеся в течение веков вкусы, и сегодня воспринимается как один из самых прекрасных женских образов, когда-либо созданных европейским искусством.

Причина обращения Боттичелли к готике заключалась в том, что античность не могла дать ему высокой степени эмоциональности. Изображая одну из богинь Олимпа, художник не был в состоянии проникнуться олимпийским спокойствием, и ему на помощь пришла нервозность готики. В первой половине XV века во флорентинском искусстве встречались отзвуки средневековья, что было признаком не до конца изжитого наследия предыдущего периода [6, с. 215].

Около 1483 года художник создал ещё одно произведение, связанное с античной мифологией, – «Марс и Венера» (Лондон, Национальная галерея). Картина написана на деревянной доске сильно удлиненного формата и, возможно, служила украшением спинки кровати. Она, вероятно, была выполнена в честь обручения одного из представителей семьи Веспуччи – в верхнем правом углу картины помещена эмблема этой семьи – осы [2, с.190].

Боттичелли трактует миф о грозном боге войны и его возлюбленной – богине красоты – в духе элегантной идиллии, что должно было нравиться близкому окружению Лоренцо Великолепного. Композиция этого произведения навеяна рельефом каменного античного саркофага с изображением Вакха и Ариадны (Рим, Ватиканский музей). Боттичелли мог видеть его во время своего пребывания в Риме. Вытянутый формат лондонской картины обуславливает позы обеих лежащих фигур.

Обнаженный Марс, освобождённый от своих доспехов и оружия, спит, раскинувшись на розовом плаще и облокотившись на панцирь. Опираясь на алую подушку, приподнимается Венера, устремляя взгляд на своего возлюбленного. Кусты мирта замыкают сцену справа и слева, лишь небольшие просветы неба видны между фигурками маленьких сатиров, играющих оружием Марса. Эти козлоногие существа с острыми длинными ушами и крохотными рожками резвятся около любовников [10, с.196]. Один влез в панцирь, другой надел на себя слишком большой шлем, в котором утонула его голова, и схватился за огромное копьё Марса, помогая тащить его

третьему сатиру; четвертый приложил к уху Марса золотую витую, раковину, словно нашептывая ему сны любви и воспоминания о сражениях. По-настоящему же богом войны владеет Венера, это ради неё оставлено оружие, ставшее ненужным Марсу и превратившееся в предмет весёлой забавы для маленьких сатиров. В третий раз Боттичелли обращается к образу Венеры – но это уже не та нарядная девушка, которая царствовала в весеннем саду, и не та идеально прекрасная богиня, что плыла к берегу на розово-золотой раковине. Здесь Венера представлена в иной, более интимный момент – она любящая женщина, охраняющая сон возлюбленного. Поза богини спокойна, и в то же время в её маленьком бледном лице и слишком тонких кистях рук есть что-то хрупкое, а взгляд исполнен почти неуловимой грусти и печали. Венера воплощает не столько радость любви, сколько её тревогу [10, с. 197]. Свойственная Боттичелли лиричность помогла ему создать поэтический женский образ. Удивительной грацией веет от движения богини; она полулежит, вытянув босую ногу, выглядывающую из-под прозрачной одежды. Белое платье, отороченное золотым шитьём, подчёркивает изящные пропорции стройного, удлинённого тела и усиливает впечатление чистоты и сдержанности облика богини любви. Поза Марса свидетельствует о беспокойстве, не покидающем его даже во сне. Об этом говорит и нервная линия контура с острыми углами плеча, локтя, колена. Голова сильно закинута назад. На энергичном лице игра света и тени выделяет полуоткрытый рот и глубокую резкую складку, пересекающую лоб.

Как большинство лучших произведений художника, «Марс и Венера» – картина многоплановая, так как герои этого произведения не только воплощают богов Олимпа, но и являются символами одноимённых планет. Во второй половине XV века во Флоренции начинают широко интересоваться астрологией. Считалось, что планеты и их перемещение влияют на земную жизнь, их положение учитывалось при начале войны, при бракосочетаниях, закладке дворцов и церквей. Марс и Венера были в числе тех планет, за которыми следили особенно пристально. Полагали, что Марс дарует людям силу и власть, но злоупотребление ими влечёт за собой печальные последствия. Однако при определенном положении звёзд он подпадает под влияние Венеры, и это не даёт возможности реализоваться его разрушительным силам [9, с. 130]. Марс же никогда не может одержать верх над Венерой. Нельзя было придумать более удачный сюжет, чем «Марс и Венера», по случаю обручения для представителей богатой и образованной флорентийской семьи. Сколько смысла можно было вложить в эту тему. Здесь и любовь как всепобеждающее начало, и указание на благоприятное положение планет, и тем самым – как бы пожелание долгого благополучия молодым супругам, здесь воспеваются мужество и нежная, хрупкая женственность, а за всем этим встают люди, для которых создавались подобные вещи.

Примерно в тот же период, в середине 80-х годов, Боттичелли создает еще одно произведение, заказанное художнику семьёй Медичи, – «Палладу с кентавром». Эта картина Боттичелли в большей мере, чем какая-нибудь другая, построена на использовании эмблем и атрибутов. Под образованным уступами стилизованной скалы навесом стоит богиня мудрости Паллада, которая в знак своего могущества

держит за прядь волос кентавра, и, подчиняясь ей, он склоняет к плечу некрасивое, грустное лицо.

На богине белое платье из тонкой ткани, лежащей у её ног клубящимися складками. Орнамент ткани – переплетённые вместе по три или четыре золотые кольца с пирамидально гранёным алмазом – эмблема семьи Медичи [5, с. 55]. Поверх платья накинут зелёный плащ, по которому вьётся ветвь оливкового дерева – символ мира, она переходит с плаща на платье, вплетается в его узор и неожиданно расцветает на груди богини двумя фантастическими цветами, их сердцевину составляют все те же пирамидально гранёные алмазы. На талии Минервы две ветви встречаются, и Боттичелли пропускает их через огромное кольцо, форма которого точно повторяет форму колец, украшающих одежду Паллады. Вместо традиционного шлема, голову богини венчает оливковая ветвь, за её плечами висит щит, почти скрытый длинными прядями пышных волос, а в левой руке она держит алебарду – символ силы.

То, как художник изображает алебарду, заставляет поверить Вазари, писавшему, что Боттичелли обучался в мастерской ювелира: так тщательно, в мельчайших деталях прорисовывает Боттичелли орнамент оружия, так чётко обозначает его силуэт, строящийся на контрасте острых и округлых линий. Алебарда должна заменить доспехи и оружие Паллады – шлем, панцирь, копье, щит с головой Медузы, ибо художник вместо Минервы-воительницы обращается к образу *Minerva-pacifica*, т.е. Минервы-мирной [10, с. 122]. Это подчёркивается и обилием оливковых ветвей.

О том, что перед нами аллегория, говорят не только такие атрибуты, как эмблема Медичи, алебарда и оливковые ветви, но и сам способ изображения. Пейзаж – морская гладь с плывущей по ней галерой – это только фон, на котором выделяются фигуры, сильно выдвинутые на первый план. Меланхолически-условные жесты и взгляды действующих лиц не призваны создать впечатление реальности происходящего, а лишь подтверждают, что перед нами олицетворение добродетели и побеждённого ею зла [10, с. 123]. Создать нейтральное настроение помогает и спокойный колорит, выдержанный в основном в серовато-зелёной гамме, в неё введён лишь один маленький, изысканный цветовой акцент: тонкая красная полоса перевязи, на которой за спиной кентавра висит колчан со стрелами.

«Весна», «Рождение Венеры», «Паллада с кентавром», «Марс и Венера», созданные Боттичелли в первой половине 80-х годов XV века, – важнейшая страница в творчестве мастера. Они показывают, как знакомство с античными памятниками в Риме расширило кругозор Боттичелли, не сделав из него слепого подражателя, как художник создал свой мир возвышенных образов, до конца сформировал свой идеал красоты. На примере тех же работ ясно видно, что эволюция мастера не была простой.

Обращение к античности сочеталось у Боттичелли с использованием приемов готического искусства. Это помогло ему достичь новых эмоциональных ценностей и выработать индивидуальный способ изображения, отличающийся от привычной манеры флорентинских кватрочентистов [4, с. 216]. Сложность и многозначность сюжетов картин Боттичелли свидетельствует о его знакомстве с философией неоплатонизма и с современными ему литературными источниками, о близости

Боттичелли той струе флорентийской культуры, которую определяют как «медицейский круг».

Список использованных источников и литературы

1. Долгополов И. В. Мастера и шедевры: В 3 т. Т. I – М.: Изобразительное искусство, 1986. – 720 с.
Dolgoplov I. V. Mastera i Shedevry: V 3 t. T. I – М.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1986. – 720 s.
2. Дунаев Г. С. Сандро Боттичелли. – М.: Изобразительное искусство, 1977. – 252 с.
Dunaev G. S. Sandro Botticelli. – М.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1977. – 252 s.
3. Кларк Д. Иллюстрированная история искусства: от Ренессанса до наших дней / Пер. с англ. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2002. – 224 с., илл.
Klark D. Illustrirovannaja istorija iskusstva. Ot Renessansa do nashyh dnei / Per. S angl. – М.: ОАО Izdatel'stvo «Raduga», 2002. – 224 s., ill.
4. Лисичкина О. Б. Мировая художественная культура: Возрождение: Часть II, книга 2. – СПб.: СпецЛит, 2000. – 304 с.
Lisichkina O. B. Mirovaja hudozhestvennaja kultura: Vozrozhdenie: Chast' II, kniga 2. – SPb.: SpecLit, 2000. – 304 s.
5. Ласло Д. Боттичелли. – Будапешт: Издательство «Corvina», 1962. – 62 с.
Laslo D. Botticelli. – Budapesht: Izdatel'stvo «Corvina», 1962. – 62 s.
6. Муратов П. П. Образы Италии. – М.: Арт-родник, 2008. – 265 с.
Muratov P. P. Obrazy Italii. – М.: Art-rodnik, 2008. – 265 s.
7. Немилов А. Д. Культура эпохи Возрождения. – М.: Наука, 1986. – 255 с.
Nemilov A. D. Kul'tura epohi Vozrozhdenija. – М.: Nauka, – 1986. – 255 s.
8. Нести Р. Флоренция: История, искусство, фольклор. – М.: Искусство, 2000. – 128 с.
Nesti R. Florencija: Istorija, iskusstvo, fol'klor. М.: Iskusstvo, 2000. – 128 s.
9. Петрович О. Сандро Боттичелли. – М.: Искусство, 1984. – 162 с.
Petrochuk O. Sandro Botticelli. – М.: Iskusstvo, 1984. – 162 s.
10. Рачеева Е. П. Сокровища европейских музеев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 400 с.
Racheeva E. P. Sokrovischa evropeiskih muzeev – М.: OLMA Media grupp, 2007. – 400 s.

Scheveleva E. V. «The atique motives in the creativity of Sandro Botticelli»

The article is dedicated to the creative heritage of Italy, in particular the artistic legacy of Sandro Botticelli. It deals with the Renaissance, the epoch of intellectual and artistic flourishing. This blossom began in the 14th century, the peak having been achieved in the 16th century. This epoch had a significant influence on the European culture. The work is about the activity of the Medici family and the masterpieces of Botticelli related to the ancient mythology and the ideas of Neo-Platonists. The author gives the detailed artistic analysis the most famous works of Botticelli in the context of the Renaissance. They are as follows «The Spring», «The Birth of Venera», «Venera and Mars» and «Athena Pallada Tames the Centaur».

Keywords: Botticelli, the Renaissance, the ancient mythology, Neo-Platonists, the Medicies, Venera, Mars.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бершов Владимир Николаевич	аспирант кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Ганцев Валентин Константинович	обучающийся 2 курса магистратуры исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Герцен Александр Германович	кандидат исторических наук, декан исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Кравцова Елена Сергеевна	доктор исторических наук, профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» (г. Курск, Российская Федерация).
Латышева Елена Владимировна	доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Микитюк Юрий Васильевич	кандидат исторических наук, начальник Крымского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Симферополь, Российская Федерация).
Михайлов Арсений Михайлович	обучающийся 3 курса магистратуры исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Раздорский Алексей Игоревич	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Молев Евгений Александрович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира и классических языков Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация).
Морозан Владимир Васильевич	профессор кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Морозов Мирослав Эдуардович	заместитель начальника Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).
Набоков Артур Игоревич	обучающийся 3 курса магистратуры исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация).
Раева Татьяна Витальевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Российская Федерация).
Раздорский Алексей Игоревич	кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
Хлезов Александр Алексеевич	доктор философских наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Чигрин Виктор Александрович	доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Щевелева Елена Викторовна	преподаватель МБУДО «Симферопольская детская художественная школа».

СОДЕРЖАНИЕ

Ломакин Д. А.

Профессору Андрею Анатольевичу Непомнящему – 50!3

Избранная библиография профессора
Андрея Анатольевича Непомнящего10

Близняков Р. А.

Доценту Валерию Евгеньевичу Науменко – 50!30

Избранная библиография научных трудов
доцента В. Е. Науменко.....35

Бершов В. Н.

Сирийское восстание 1925–1927 годов на подмандатных
территориях (Сирия и Ливан): причины, ход и последствия.43

Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Ганцев В. К.,

Михайлов А. М., Набоков А. И.

Новые материалы к археологической карте округа
Мангупского городища (предварительные результаты
исследований 2017 г.)..... 52

Кравцова Е. С.

Организация антикризисных мероприятий в Курской губернии
в период голода 1891–1892 гг..... 75

Микитюк Ю. В.

Органы полиции Таврической области (губернии)
в конце XVIII – начале XIX века..83

Молев Е. А.

Морской фактор в борьбе Понта с Римом.....93

Морозан В. В.

Архивное дело в Государственном банке России (1860–1914).. 103

Морозов М. Э.

Боевые действия 1-го эшелона подводных лодок
Краснознаменного Балтийского флота в кампанию 1943 года.. 112

Раева Т. В.

Репрезентация деятельности обществ культурной связи
с границей в центральных советских газетах периода
холодной войны.. 123

Раздорский А. И.

Русский кабак XVII – первой половины XVIII в. в отечественной
и зарубежной историографии.. 136

Хлезов А. А., Латышева Е. В., Чигрин В. А.

Российская национально-культурная идентичность:
опыт исследования исторической памяти молодежи
Республики Крым.. 158

Щевелева Е. В.

Античные мотивы в творчестве Сандро Боттичелли.. 170

Сведения об авторах 177